Н. А. БОРОВКОВЪ.

Изъ Прошлаго.

Воспоминанія и наблюденія за полвѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. В. Комарова, Невскій просп., 136.
1901.

ПУБЛИЧН. и РУМЯНЦЕВ. МУЗЕИ
БИБЛIО-
ТЕКА

Генералъ Боровковъ.

Дозв. ценз., СПБ. 29 марта 1901 г. Типо-Лит. В. В. Комарова

Н. А. БОРОВКОВЪ.

Изъ Прошлаго.

Воспоминанія и наблюденія за полвѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. В. Комарова, Невскій просп., 136.
1901.

Дозволено цензурою, СПБ., 11 Апрѣля 1901 г.

Воспоминанія и наблюденія за полвѣка.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ горятъ,
Что видѣли, что слышали...

Мятлевъ.

Хотятъ поразсказать!

Уступая просьбамъ друзей и пріятелей, я рѣшился написать свои записки. Сознаю вполнѣ, что онѣ не могутъ представить особаго интереса, такъ какъ я не принадлежу къ тѣмъ избранникамъ и баловнямъ судьбы, о которыхъ газеты пишутъ въ возвышенномъ тонѣ, что «такой-то прибылъ въ такомъ-то часу, при встрѣчѣ удостоилъ разговоромъ, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и произнесъ то-то, а, затѣмъ, въ коляскѣ, запряженной пѣгими или гнѣдыми лошадями, прослѣдовалъ далѣе»; въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ я состою въ чинѣ генерала, обо мнѣ очень коротко упоминаютъ въ рубрикѣ пріѣхавшихъ или выбывшихъ. Но, все же, думается, что въ общей массѣ публики найдутся и на мою долю читатели хотя бы изъ тѣхъ, которые страдаютъ безсонницею (а такихъ очень много въ нашъ нервный вѣкъ!); не поспится возьмутъ и прочитаютъ. Вотъ авторское самолюбіе уже и польщено! А по прочтеніи увидятъ, что, пожалуй, не даромъ потеряли время, даже, съ пользою провели его.

Проживя болѣе шестидесяти лѣтъ, обладая хорошею памятью и порядочною наблюдательностью, я имѣю возможность сообщить о многихъ и многихъ интересныхъ событіяхъ. Въ полувѣковой періодъ, на моихъ глазахъ, Россія пережила очень многое: земство, гласный судъ, городовое положеніе, общая воинская повинность и многое другое было введено, а уничтожены крѣпостное право, откупа, подушная подать, налогъ на соль и т. д. Мнѣ пришлось быть очевидцемъ всѣхъ этихъ преобразованій

и, даже, больше, во многихъ принимать участіе. какъ исполнитель и дѣятель.

Реформъ масса! Какъ бы, кажется, не процвѣтать Россіи и не богатѣть русскому народу! Между тѣмъ, увы! Мы видимъ, какъ разъ обратное: наша русская деревня сдѣлалась бѣднѣе и хуже прежняго. Я не стану вдаваться въ разсужденія и объясненія причинъ этого явленія, пришлось бы затронуть больныя стороны и указывать ошибки самой системы управленія, но... у насъ этого не любятъ и предавать ошибки управленія гласности многимъ не желательно, потому что правда глаза колетъ!.. Къ тому же, разборъ разныхъ системъ управленія и ихъ критика – это, скорѣе, дѣло историка. Я же беру на себя болѣе скромную роль: разсказать только о томъ, что я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ за этотъ продолжительный періодъ времени, обильный массою гуманныхъ реформъ, въ основаніи которыхъ лежитъ наивысшая степень уваженія личности. Да, дѣйствительно, мое перо отказалось бы, потому что не съумѣло бы освѣтить надлежащимъ образомъ всю важность преобразованій по отношенію къ русскому народу, а, равно, достойнымъ образомъ выразить всю сердечную благодарность послѣдняго Царю-Освободителю за дарованныя имъ щедроты. Настоящія записки начну краткимъ сообщеніемъ свѣдѣній о моей личности.

Я

родился въ Петербургѣ въ 1834 году, теперь въ 1890 г. мнѣ 65 лѣтъ, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и 13 августа, 1852 года произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Принималъ участіе въ губернскомъ комитетѣ, созванномъ для разсмотрѣнія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, вѣрнѣе сказать, объ уничтоженіи крѣпостного права, затѣмъ, былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва съ 1861 по 1865 годъ. За отличіе былъ произведенъ въ 1865 году въ полковники и причисленъ къ военному министерству; неоднократно исполнялъ серьезныя порученія послѣдняго, производилъ слѣдствія и ревизіи по различнымъ военнымъ управленіямъ: военно-санитарному, артиллерійскому, инженерному и интендантскому. Состоялъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ первыхъ земскихъ собраній, почетнымъ мировымъ судьею, предсѣдателемъ училищнаго совѣта и т. д.

Во время послѣдней турецкой войны, я завѣдывалъ эвакуаціею больныхъ и раненыхъ за границею до предѣловъ Россіи, состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для повѣрки счетовъ и по составленію окончательныхъ разсчетовъ съ поставщиками по продовольствію арміи, а, также, по выясненію злоупотребленій; управлялъ особою канцеляріею при военномъ министрѣ по прошеніямъ, на его имя подаваемымъ. Четырнадцать лѣтъ пришлось прожить въ деревнѣ, служа по мировымъ учрежденіямъ и заниматься хозяйствомъ; до возращенія въ Петербургъ изъ деревни числился, въ полку, послѣ войны за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры, а, затѣмъ, въ генералъ-лейтенанты, имѣю двѣ звѣзды.

Въ концѣ концовъ, утомленный и, даже, вѣрнѣе сказать, выведенный изъ терпѣнія черствою канцелярщиною, а главное, въ виду скуднаго содержанія по службѣ и не имѣя достаточно личныхъ средствъ для сноснаго содержанія себя, я вынужденъ былъ выйти въ отставку и вскорѣ поступилъ членомъ совѣта въ одинъ изъ банковъ, гдѣ сталъ получать приличное вознагражденіе. Не могу не отмѣтить любопытнаго обстоятельства: по выходѣ въ отставку, я сталъ получать (съ пенсіею и эмеритурою) ровно вдвое болѣе, чѣмъ получалъ, состоя на службѣ (1.012 рублей въ годъ) и занимая штатное мѣсто въ чинѣ генералъ-маіора. Присовокупляю что *до меня* и *послѣ меня* лица, занимающія эту должность, получали болѣе трехъ съ половиною тысячъ. Комментаріи излишни!

Большимъ состояніемъ я никогда не располагалъ. По наслѣдству отъ отца пришлось получить 335 душъ въ Воронежской губерніи, разумѣется заложенныхъ; за надѣломъ земли осталось всего 1.200 десятинъ. Капиталомъ, тоже, не обладалъ, но все же казенныхъ денегъ со своими не смѣшивалъ и къ общественному пирогу не прикасался: въ теченіи 37 лѣтъ службы были 16 лѣтъ, когда я не получалъ никакого содержанія, а въ командировкахъ ни разу не получалъ подъемныхъ и суточныхъ. Аферами или модною игрою на биржѣ не занимался, всегда былъ аккуратенъ въ дѣлахъ и не бросалъ зря денегъ, поэтому долговъ не имѣю. Холостъ,

но у меня много друзей, дружбою которыхъ я дорожу и горжусь. Въ общемъ, я доволенъ своимъ положенiемъ и своею судьбою... Вотъ мой формуляръ.

I.

Наша семья.—Поступленiе въ корпусъ.—Служба въ полку.—Десятимѣсячное пребыванiе въ деревнѣ.— Ознакомленiе съ хозяйствомъ.— Возвращенiе въ полкъ.

Наша семья состояла изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Старшiй братъ Михаилъ, такъ же какъ и я, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, а среднiй братъ, Александръ, въ Александровскомъ лицеѣ. Сестра Зинаида получила блестящее образованiе, хотя воспитывалась дома: она прекрасно владѣла французскимъ, нѣмецкимъ, англiйскимъ и итальянскимъ языками, слѣдила за литературою, много читала и, что главное, серьезно относилась къ прочитанному; она осталась дѣвицею и умерла сорока лѣтъ. Вторая сестра, Вѣра, окончила курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, была замужемъ за другомъ нашего семейства и товарищемъ средняго брата по лицею, Александромъ Сергѣевичемъ Энгельгардтомъ, и осталась бездѣтною вдовою. Братъ Михаилъ, по выпускѣ въ 1848 году изъ Пажескаго корпуса въ Лейбъ-кирасирскiй Ея Величества полкъ, служилъ недолго и, по смерти отца 21 ноября 1856 года, вышелъ въ отставку и поселился въ имѣнiи (Павловскаго уѣзда Воронежской губернiи); довольно долго онъ состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и умеръ въ 1874 году, оставивъ вдову съ тремя дочерями. Братъ Александръ дослужился до тайнаго совѣтника и, подобно мнѣ, остался холостякомъ.

Какъ на особенность нашей семьи, считаю долгомъ указать на фактъ нашей исключительной семейной дружбы, а именно: два брата, двѣ сестры и зять, послѣ смерти отца, жили вмѣстѣ, общимъ хозяйствомъ, на одной и той же квартирѣ 45 лѣтъ. Думается, что этой совмѣстной жизни, помимо дружбы, общихъ вкусовъ и взглядовъ и одинаковыхъ условiй воспитанiя, не мало способствовали и практическiя соображенiя: всѣ мы были сравнительно, обезпечены матерiально въ одинаковой

степени, такъ что никому не приходилось бы заимствовать другъ у друга,—*отецъ подѣлилъ насъ всѣхъ поровну*, Мы могли быть вполнѣ независимыми другъ отъ друга въ денежномъ отношенiи и жить порознь удовлетворительно, но, по поговоркѣ «L'union fait la force», мы разсчитали, и совершенно правильно, что при общемъ и разумномъ веденiи хозяйства, причемъ каждый изъ насъ вкладывалъ ежегодно по 2000 рублей серебромъ въ общую кассу (на общую квартиру, общiй штатъ служащихъ и даже на общiй экипажъ), мы могли жить болѣе, чѣмъ удовлетворительно. И дѣйствительно, могу сказать безъ самохвальства, что нашъ домъ славился матерiальнымъ благополучiемъ, радушiемъ и хлѣбосольствомъ; жили мы всегда ровно и денегъ не занимали, чтобы дать роскошный балъ или устроить Лукулловскiй пиръ для праздныхъ пустозвоновъ.

Съ удовольствiемъ могу указать на то, что бывшiе наши крѣпостные, *всѣ безъ исключенiя*, служившiе у насъ до 1861 года, остались у насъ послѣ освобожденiя и жили до конца своихъ дней. Несомнѣнно, что причиною этого было человѣчное отношенiе къ бывшимъ крѣпостнымъ, какъ нашихъ родителей, такъ и насъ самихъ.

Въ «Русской Старинѣ» (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1898 г.) помѣщены записки моего отца, безусловно достойнаго человѣка, напрасно и много пострадавшаго вслѣдствiе гнуснаго доноса. Къ глубокому нашему сожалѣнiю, въ дореформенныхъ судахъ волокита была ужасная, а потому дѣла рѣшались медленно; напримѣръ, дѣло моего отца длилось почти тринадцать лѣтъ. Правда, доносчикъ былъ сосланъ въ Сибирь, но ни отецъ, ни мать не дожили до этого и не дождались оправданiя, а потому опускаю завѣсу на все это темное и неприглядное дѣло, сохраняя лишь въ душѣ полное презрѣнiе къ тѣмъ лицамъ, которыя изъ личныхъ видовъ способствовали поношенiю честнаго, никогда и ничѣмъ не запятнаннаго имени, всѣми уважаемаго человѣка. Помяни его, Боже, во царствiи Твоемъ!

Изъ моихъ отроческихъ воспоминанiй, въ моей памяти сохранились, господствовавшiе у насъ строгiй порядокъ во всемъ, домовитость, точное распредѣленiе всѣхъ занятiй и уроковъ; вообще, съ малолѣтства я былъ прiученъ дѣлать все въ свое время. Такимъ образомъ,

поступивъ въ корпусъ девяти лѣтъ, я легко и безъ затрудненій, привыкъ къ строгимъ въ то время (въ сороковыхъ годахъ) требованіямъ суровой военной дисциплины.

Пребываніе въ корпусѣ, порядки въ немъ, товарищество и, вообще, вся жизнь того времени въ закрытомъ учебномъ заведеніи представляютъ интересъ и, пожалуй, нѣкоторую поучительность.

Прежде всего укажу на слѣдующій интересный фактъ. Въ то время сами товарищи строго слѣдили за всѣми проступками противъ чести и противъ товарищества, въ широкомъ и благородномъ значеніи этихъ словъ: безчестность въ поведеніи и вообще неблаговидныя выходки строго преслѣдовались.

И бѣда бывало тому, кто подвергнется опалѣ, нелюбви и презрѣнію своихъ товарищей!

Вотъ почему пажи того времени составляли украшеніе тѣхъ полковъ, въ которыхъ служили, и объ исторіяхъ, которыя, къ сожалѣнію, за послѣднее время случались неоднократно, даже, въ гвардейскихъ полкахъ, *не могло быть и рѣчи*, потому что, *хотя полковыхъ судовъ чести и не существовало, но каждый изъ насъ умѣлъ постоять за свою честь*, *не прибѣгая къ понужденію полкового суда*. Въ корпусѣ воспитывали, можетъ быть, и въ ущербъ энциклопедическому образованію, но оттуда выходили люди съ твердыми убѣжденіями, честными взглядами, строго нравственные, точные исполнители возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и хорошіе служаки.

Вотъ правдивая характеристика стараго пажа! Быть можетъ, я впадаю въ черезчуръ хвалебный тонъ, но, положа руку на сердце, я долженъ сознаться, что моимъ взглядамъ на жизнь и трезвому отношенію къ службѣ положилъ основаніе корпусъ.

Можетъ показаться страннымъ, что я почти все хорошее приписываю исключительно воспитанію въ корпусѣ, но считаю долгомъ оговориться.

Я былъ отданъ въ корпусъ девяти лѣтъ и пробылъ въ немъ, почти девять лѣтъ, бывая дома только по праздникамъ слѣдовательно, почти девять лѣтъ пришлось безвыходно провести въ стѣнахъ учебнаго заведенія. Даже, лѣтомъ, въ каникулярное время, я не бывалъ дома, такъ какъ, будучи хорошимъ фронтовикомъ, уже съ десяти лѣтъ

поступилъ въ ряды роты, а потомъ, ежегодно, лагерное время (съ конца мая почти до половины августа) проходило въ Петергофѣ; съ 15-го же августа начинались учебныя занятія въ классахъ. Стало быть, благотворное вліяніе нашей семьи не могло имѣть первенствующаго вліянія на развитіе ни моего характера, ни моихъ убѣжденій, хотя положило основаніе тому и другому. Въ лагеряхъ цѣлые дни проводились въ муштровкѣ, строевыхъ ученіяхъ, выправкѣ и усовершенствованіи тихаго «гусинаго шага».

На 10-мъ году жизни я былъ привезенъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ уже съ 8-ми лѣтняго возраста былъ зачисленъ кандидатомъ и ждалъ открытія вакансіи. Пріемныхъ экзаменовъ не существовало, конкуренціи тоже достаточно было быть привилегированнымъ человѣкомъ и счастливо попасть на вакансію.

За мое пребываніе въ корпусѣ, изъ начальства особенно часто мѣнялись директоры: ихъ при мнѣ перемѣнилось трое; инспекторъ и ротный командиръ оставались старые.

Двое изъ директоровъ, бывшихъ при мнѣ, были люди съ большимъ образованіемъ и серьезно относились къ дѣлу, вполнѣ понимая всю свою отвѣтственность предъ родителями, воспитываемыхъ дѣтей.

Не смотря на сходство въ убѣжденіяхъ обоихъ начальниковъ, они отличались противоположными характерами. Одинъ былъ очень строгъ и нерѣдко прибѣгалъ къ наказанію; другой же былъ очень добрый человѣкъ и наказаній избѣгалъ. Я до сихъ поръ помню, какъ нѣсколько воспитанниковъ были наказаны розгами при строгомъ начальникѣ предъ цѣлымъ классомъ, а одинъ былъ, даже, исключенъ. Правда, проступокъ наказанныхъ былъ серьезенъ и требовалъ кары, Впрочемъ, исключенный воспитанникъ, спустя 2 года, выдержалъ успѣшно экзаменъ на офицера и былъ произведенъ, такъ что, особенно дурныхъ послѣдствій, эта строгая мѣра не имѣла для него. Во всякомъ случаѣ, нашъ начальникъ, будучи строгимъ, все-таки, умѣлъ различать проступки отъ шалости, свойственной всѣмъ рѣзвымъ дѣтямъ, и въ несправедливости его нельзя было упрекнуть. Этотъ же начальникъ, дѣлая внушенія воспитанникамъ, имѣлъ привычку говорить провинив-

шемуся: «высѣку, больно высѣку! Папенькѣ напишу, маменька узнаетъ; разскажу дяденькѣ, тетенька услышитъ». Оба начальника ежедневно обходили по нѣскольку разъ классы и дортуары, обращали большое вниманіе на занятія пажей, бесѣдовали съ ними и, весьма часто, поясняли воспитанникамъ заданные уроки. Третій изъ бывшихъ при мнѣ директоровъ не обладалъ ни должными познаніями, ни умѣніемъ обращаться съ дѣтьми. Богатый человѣкъ, «рыцарь» по убѣжденіямъ, но сухой по натурѣ, онъ не могъ сердечно относиться къ воспитанникамъ. А — главное—онъ совершенно не обладалъ качествами воспитателя и слишкомъ мало былъ подготовленъ къ своей должности. Классы посѣщалъ довольно рѣдко и на ходъ преподаванія не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, ибо совершенно былъ незнакомъ съ этимъ предметомъ. При немъ было исключено изъ корпуса нѣсколько пажей, проступки которыхъ были настолько не важны въ сравненіи съ наказаніемъ, постигшимъ ихъ, что вся эта исторія вызвала негодованіе всего корпуса. Пребываніе у насъ этого директора было, къ счастью, непродолжительно... Два пажа были исключены имъ совсѣмъ понапрасну, по наговору, а одного, даже, отдали въ солдаты, въ линейный баталіонъ. Послѣдній молодой человѣкъ былъ хорошимъ ученикомъ и прекраснымъ товарищемъ, но директоръ корпуса, не вникнувъ должнымъ образомъ въ дѣло, погубилъ симпатичнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, юношу. Насколько мы всѣ любили и уважали нашего несчастнаго товарища, доказываетъ слѣдующій фактъ. Сданный въ солдаты товарищъ былъ временно помѣщенъ въ гарнизонный баталіонъ, квартировавшій тогда въ Аракчеевскихъ казармахъ (у Смольнаго). Ему предстояло потомъ отправиться этапнымъ порядкомъ въ одну изъ крѣпостей, гдѣ помѣщался линейный баталіонъ — новое мѣсто службы провинившагося. Каждое воскресенье и праздникъ, мы партіями, поочередно, ходили навѣщать его, большею частью пѣшкомъ, не смотря на дальнее разстояніе, такъ какъ боялись просить у родителей денегъ на этотъ предметъ, опасаясь запрещенія, и даже скрывали наши посѣщенія. Чрезъ десять или 12 лѣтъ службы солдатомъ, нашъ товарищъ былъ, наконецъ, произведенъ въ офицеры, въ одинъ

изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ, и я его встрѣтилъ какъ-то, случайно, на одномъ изъ выходовъ во дворцѣ, уже въ чинѣ поручика. Онъ былъ очень любимъ своими новыми товарищами, между которыми пользовался большимъ довѣріемъ, и, даже, былъ избранъ ими на отвѣтственную должность полковаго казначея *). Дальнѣйшая служебная карьера, описываемаго товарища закончилась на одной изъ окраинъ нашего обширнаго отечества, куда онъ самъ перешелъ на службу батальоннымъ командиромъ. Онъ умеръ отъ чахотки, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста. Предоставляю читателю рѣшить: кто былъ виновникомъ этой загубленное жизни, которая, по выраженію поэта: «отцвѣла, ни успѣвши расцвѣсть»? До сихъ поръ я не могу понять, какъ человѣкъ съ «рыцарскими убѣжденіями» могъ допускать такія безсердечныя мѣры и не сознавать, что онъ губитъ жизнь молодыхъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ, отравляя жизнь ихъ родителей. Пажи не чувствовали къ этому директору ни особеннаго уваженія, ни любви, хотя онъ обращался со всѣми очень вѣжливо. Вѣроятно молодыя сердца инстинктомъ различаютъ истинно добраго человѣка отъ холодно-равнодушнаго. Да онъ и самъ слишкомъ мало обращалъ на насъ вниманія, и видали мы его рѣдко, ибо онъ въ корпусѣ не жилъ. Главными хозяевами корпуса были: инспекторъ и ротный командиръ. Первый завѣдывалъ воспитательною частью, а второй руководилъ внѣклассною жизнью корпуса.

Должность инспектора классовъ при мнѣ занимала съ высшей степени типичная личность. Начать съ того, что наружность нашего инспектора была замѣчательно комична. Представьте себѣ, человѣка весьма маленькаго роста, на коротенькихъ колесообразныхъ ножкахъ, съ двумя запятыми вмѣсто усовъ, въ парикѣ, прескверно сдѣланномъ и еще хуже пригнанномъ, съ «кокомъ» впереди... Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, оригиналъ и чудакъ. Не смотря на то, что онъ по чину принадлежалъ къ привиллегированному обществу, онъ отличался странными манерами. Такъ, онъ никогда не

*) Въ прежнее время, эта должность была отвѣтственная и на нее набирались люди, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ, такъ какъ растрату пополнялъ весь полкъ.

употреблялъ носоваго платка, который въ то время уже получилъ въ русскомъ обществѣ право гражданства, а производилъ процессъ очищенія носа съ особеннымъ, свойственнымъ ему одному, шикомъ. Онъ былъ большой добрякъ, и весь корпусъ искренно любилъ его. Но онъ иногда любилъ напускать на себя неприступность и старался казаться строгимъ. Нельзя было безъ смѣха видѣть, какъ эта маленькая фигурка, напустивъ на себя строгость и неприступность, начнетъ, бывало, кричать и топать ногами. Но этотъ пріемъ никого не устрашалъ, такъ какъ всѣ знали его доброе сердце и слабость—казаться строгимъ. Самымъ большимъ наказаніемъ въ его репертуарѣ былъ арестъ, который онъ примѣнялъ, только къ большимъ, а маленькихъ сажалъ въ шкафъ, стоявшій въ его кабинетѣ. Въ этомъ шкафу, для свободнаго притока воздуха, были просверлены три отверстія, а потому онъ былъ прозванъ нами «трехдыркой».

Никто изъ насъ не зналъ, гдѣ нашъ инспекторъ получилъ свое воспитаніе. Самъ онъ разсказывалъ, что началъ службу въ какомъ-то (теперь не припомню) армейскомъ гусарскомъ полку, участвовалъ не разъ въ бояхъ и имѣлъ саблю за храбрость. Любилъ онъ также разсказывать о своей храбрости, о томъ, что былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, что тѣло его во многихъ мѣстахъ татуировано, но такъ какъ обо всемъ этомъ въ разное время онъ разсказывалъ различно, то мы очень сомнѣвались въ его военныхъ подвигахъ, хотя тѣло у него было, дѣйствительно, испещрено какими-то странными фантастическими изображеніями, и онъ объяснялъ, что эту операцію надъ нимъ совершили въ плѣну. Онъ имѣлъ довольно большую семью, жилъ очень скромно и, прослуживъ государству около 40 лѣтъ, умеръ бѣднякомъ. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Говоря о своемъ добромъ инспекторѣ, я, невольно, вспоминаю его сотрудника по инспекціи. Это былъ еще молодой человѣкъ—лейтенантъ флота. Онъ былъ назначенъ въ помощники къ инспектору и, вмѣстѣ съ нимъ, репетировалъ всѣхъ пажей по математическимъ наукамъ. Не смотря на свою молодость, этотъ человѣкъ былъ прекраснымъ математикомъ, умѣлъ толково и ясно излагать свой предметъ и, наконецъ, своимъ прекраснымъ характеромъ и внимательностью заслужилъ общую любовь и признательность.

Перехожу теперь къ описанію одного изъ главныхъ дѣятелей корпуса—ротнаго командира, причемъ позволю себѣ назвать его по имени. Его, конечно, живо помнитъ вся русская знать, по крайней мѣрѣ, тѣ, у которыхъ дѣти учились въ корпусѣ въ 30—40— 50 и 60-хъ годахъ. Рѣчь идетъ о *Карлѣ Карловичѣ Жирардотѣ*. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, душою всего корпуса. Надо было видѣть, съ какою неустанною заботливостью онъ слѣдилъ за каждымъ воспитанникомъ. Онъ зналъ положительно все, что дѣлалось въ корпусѣ, и для этого прибѣгалъ, нерѣдко, къ іезуитскимъ пріемамъ, разспрашивая неопытныхъ и слабохарактерныхъ воспитанниковъ про ихъ товарищей, за что, конечно, «ябедникамъ» и доставалось отъ своихъ товарищей за, несовсѣмъ, похвальную откровенность.

Жирардотъ являлся въ корпусъ, съ точностью хронометра,—ежедневно въ 6 ч. утра, когда мы вставали, и оставался до нашего ухода въ классы. Затѣмъ, приходилъ въ 11 ч., когда послѣ окончанія утреннихъ классовъ, начиналось фронтовое ученье, продолжавшееся до 1½ ч. Тогда воспитанники шли обѣдать. Послѣ обѣда, въ хорошую погоду насъ водили гулять, а два раза въ недѣлю производилось фехтованье. Въ 3 ч. начинались опять классы и продолжались до 6—7 ч. Въ 6 ч. мы шли пить чай, и Карлъ Карловичъ, неизмѣнно, присутствовалъ. Отъ 7 до 8-ми мы обыкновенно готовили уроки въ дортуарахъ; въ 8½ ужинали и въ 9 ложились спать. Это было единственное время, когда К. К. отсутствовалъ, да и то, только изрѣдка. Въ 12 ч. ночи или немного позже, онъ опять появлялся, обходилъ всѣ дортуары, смотрѣлъ: все ли въ порядкѣ, всѣ ли спятъ, на мѣстахъ ли дежурные офицеры и служителя, и уже, послѣ того, уходилъ къ себѣ на квартиру, чтобы на завтра къ 6-ти часамъ утра быть опять на своемъ посту. Я за 8 лѣтъ не видалъ ни разу, чтобы что-нибудь измѣнилось въ заведенномъ, разъ навсегда, порядкѣ или въ отправленіи Карломъ Карловичемъ своихъ обязанностей. Отсюда можно видѣть: подъ какимъ неослабнымъ над-

зоромъ находились пажи внѣ классныхъ занятій... Надо добавить, что К. К. провѣрялъ иногда и знанія воспитанниковъ, училъ насъ *молитвамъ* и фронту, присутствовалъ на гимнастическихъ упражненіяхъ, фехтованіи, танцахъ и пѣніи, провѣрялъ знаніе пѣхотнаго устава, самъ училъ смѣнѣ карауловъ, приготовлялъ ординарцевъ и проч. Понятно станетъ, какъ велико было вліяніе на насъ Жирардота и сколько мы были обязаны ему своимъ военнымъ воспитаніемъ. Ясно также, что все это воспитаніе пажей лежало, почти на немъ одномъ, и если общество признало и признаетъ пажей людьми, въ извѣстномъ смыслѣ «благовоспитанными», то немалую услугу въ этомъ дѣлѣ оказалъ намъ К. К.

Что касается чувствъ товарищества, я долженъ засвидѣтельствовать, какъ безстрастный историкъ, что это чувство господствовало въ средѣ пажей, не смотря на попытки нѣкоторыхъ наставниковъ парализовать его для удобствъ надзора. Рѣдкіе случаи наушничества наказывались нами довольно строго. Въ такихъ случаяхъ, у насъ образовывался самосудъ, на которомъ опредѣлялось, какому наказанію должно подвергнуть провинившагося сотоварища, и послѣдній, обыкновенно, никогда не жаловался. Самое обыкновенное наказаніе было сѣченіе подтяжками. Экзекуція устраивалась нами при торжественной обстановкѣ и производилась ночью въ 1-мъ отдѣленіи, причемъ, на это время отвлекали вниманіе дежурнаго офицера, уводя его наверхъ въ 5-е отдѣленіе. Впрочемъ, существовала и другая степень наказанія, считавшаяся самой строгой, когда весь корпусъ переставалъ говорить съ провинившимся. Къ этой мѣрѣ прибѣгали за очень важные проступки, по отношенію къ товариществу, какъ напр., за важный доносъ, постоянное шпіонство и пр. Къ чести пажей, долженъ сказать, что такіе проступки у насъ бывали чрезвычайно рѣдки, не смотря на то, что начальство, въ лицѣ Жирардота поощряло доносы и шпіонство, якобы для воспитательныхъ цѣлей. На моихъ глазахъ, въ теченіе 8 лѣтъ, такихъ случаевъ было всего два, и оба пажа, совершившіе противъ товарищества подобнаго рода проступки, были доведены презрѣніемъ товарищей до необходимости выйти изъ корпуса, не окончивъ полнаго курса. Они поступили въ армейскіе пѣхотные полки, были произведены

въ офицеры, но съ ними не помирились и послѣ производства—и они никогда не являлись ни на какія товарищескія собранія пажей, такъ что ни я, ни мои современники-товарищи до сихъ поръ ничего не знаемъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Требованіе военной выправки, въ то время, не ограничивалось одними домашними строевыми ученьями въ стѣнахъ заведенія, которыя состояли въ слѣдующемъ: ружейные пріемы, маршировка въ 1, 2 и 3 пріема (она состояла въ стояніи на одной ногѣ, болѣе или менѣе продолжительное время, держа ружье на лѣвомъ плечѣ подъ прикладъ), тихій, скорый и бѣглый шагъ, домашній караулъ (каждое воскресенье назначался караулъ подъ командою камеръ-пажа за офицера). Въ самомъ корпусѣ, въ присутствіи Жирардота, пажи продѣлывали со всѣми подробностями, требуемыми военнымъ уставомъ, всю смѣну карауловъ, встрѣчу начальника, зорю съ церемоніей, обязанности часовыхъ и проч., причемъ ефрейторы разводили по мѣстамъ и ставили часовыхъ,—однимъ словомъ, продѣлывали всю гарнизонную службу офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Душою всѣхъ этихъ ученій былъ Карлъ Карловичъ. Только на этихъ ученіяхъ, онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и, надо правду сказать, былъ самъ виртуозъ во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ и требовалъ отъ насъ, въ этомъ отношеніи, очень многаго. Онъ не довольствовался одною практикою дѣла, но по субботамъ, предъ обѣдомъ, въ присутствіи всего корпуса, читалъ теорію всей этой науки и дѣлалъ собственныя замѣчанія относительно того или инаго исполненія. Не вполнѣ обладая русскимъ языкомъ (онъ никогда не могъ научиться разставлять ударенія; такъ, напр., произносилъ: Ѳомино воскресенье, списочекъ и пр.), онъ сильно коверкалъ фамиліи учениковъ. Курильциковъ называлъ «кураками» и пр. Букву *ы* всегда замѣнялъ мягкимъ звукомъ *и*; тѣмъ не менѣе, стремился произвести на слушателей эффектъ, и для этого писалъ свои рѣчи на бумагѣ, въ видѣ цѣлыхъ литературныхъ произведеній. Но, чтобы не входить въ подробное описаніе этихъ «субботнихъ»,—какъ мы ихъ звали,—литературныхъ произведеній Карла Карловича, я приведу стихи «Нарядъ» одного изъ нашихъ товарищей.

„Смирно!—Слышно намъ, какъ муха
Летитъ и крыльями жужжитъ,
Стоятъ пажи въ упадкѣ духа...
Межъ тѣмъ полковникъ говоритъ:
„Нарядъ на это воскресенье
Двадцать девятаго числа...
Что это тамъ за шевеленье,
Кто тамъ смѣется у окна?
Пріѣдетъ первымъ Коновницынъ,
Дежурнымъ будетъ онъ внизу,
А за ефрейтора Голицынъ
Дежуритъ будетъ наверху,
Пріѣхать въ девять имъ смѣняться!
Пойдутъ же завтра на разводъ...
Ну, перестаньте тамъ смѣяться!
Вы мнѣ откройте только ротъ!!
И такъ, пойдутъ камеръ-пажами —
Задонскій, Линдфорсъ и Козловъ,
Рядовыми же пажами:
Чингисъ, Фредериксъ, Мельгуновъ".
И, вызывая ихъ впередъ,
Другой „списочекъ" онъ беретъ:
„Въ тотъ разъ въ домашнемъ караулѣ
Пажи не знали своихъ мѣстъ...
Кто сзади тамъ сидитъ на стулѣ?
Пилларъ! отправьтесь подъ арестъ!
А камеръ-пажъ, скажу безъ лести,
Отлично свое дѣло зналъ.
И только, при отданьи чести,
Онъ вяло шпагу опускалъ.

Для развитія въ насъ воинственности, по субботамъ Карлъ Карловичъ читалъ намъ реляціи о стычкахъ нашихъ храбрыхъ войскъ съ Шамилемъ. Въ тѣ времена донесенія писались далеко не такъ краснорѣчиво и пространно, какъ впослѣдствіи. Вообще боевыя схватки изображались кратко, сжато, причемъ для произведенія большаго эффекта, потери съ нашей стороны оказывались самыя незначительныя; чаще всего въ реляціяхъ значился «*одинъ раненый казакъ*». Подобныя реляціи, не смотря на всю нашу неопытность, вводили насъ въ сомнѣніе... Въ одну изъ субботъ, во время чтенія реляціи съ Кавказа, разыгралась довольно комичная сцена. Судя по реляціи, дѣло было довольно жаркое, непріятель потерялъ нѣсколько человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, а съ нашей стороны было показано — немного раненыхъ и убитымъ *одинъ казакъ*... И вдругъ, при торжественной тишинѣ, послышался изъ заднихъ рядовъ тоненькій голосъ воспитанника П. З.

— Карлъ Карловичъ! Убитъ, вѣроятно, тотъ самый казакъ, который ужъ много разъ бывалъ раненъ?

Неожиданный запросъ П. З. былъ встрѣченъ общимъ хохотомъ, а Карлъ Карловичъ такъ разсердился на неумѣстную любознательность П. З., что оставилъ его безъ пирожнаго.

Главными помощниками Жирардота и блюстителями за порядкомъ и поведеніемъ воспитанниковъ внѣ классовъ были дежурные офицеры. Въ мое время, пажъ не имѣлъ права уходить изъ корпуса безъ провожатаго, какого бы возраста онъ ни былъ. Очень комично было видѣть, какъ 18-лѣтній юноша, почти взрослый мужчина, уходилъ въ отпускъ въ сопровожденіи «казачка». Одни камеръ-пажи и ефрейторы пользовались привиллегіей ходить по городу безъ провожатыхъ. Упомянутые выше офицеры замѣняли нынѣшнихъ воспитателей, которымъ они, конечно, уступали въ познаніяхъ и подготовкѣ къ дѣлу воспитанія, но надо отдать справедливость: не смотря на то, что они сами, можетъ быть, прошли очень суровую школу, какою въ то время были кадетскіе корпуса, что они не принадлежали къ той средѣ, изъ которой вышли ихъ питомцы, все таки, они обращались съ нами въ высшей степени гуманно и внимательно. Отношенія эти создали имъ между пажами благодарныхъ и преданныхъ друзей.

Дружба эта продолжалась и за стѣнами корпуса, не взирая на разницу лѣтъ. О своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Жирардоту я долженъ сказать, что никогда не былъ его поклонникомъ, да не могу похвастаться, чтобы и онъ меня любилъ. Послѣ одного случая, онъ даже всѣми силами старался поймать меня въ какой либо шалости, чтобы наказать, но это ему очень рѣдко удавалось, что еще болѣе сердило его... Случай заключался въ слѣдующемъ. Въ одну изъ субботъ, — не помню по какому поводу, — К. К., собравъ весь корпусъ, объявилъ намъ со свойственной ему убѣдительностью, что онъ знаетъ «положительно все», что дѣлается въ корпусѣ, и, между прочимъ, обращаясь къ 1-му отдѣленію, состоявшему изъ самыхъ взрослыхъ воспитанниковъ, сказалъ:—«у васъ въ отдѣленіи 16 куракъ». Почему-то при его словахъ я усмѣхнулся. Тогда онъ присталъ ко мнѣ, чтобы я объяснилъ причину смѣха... На всѣ мои увѣренія, что я засмѣялся совершенно безпричинно, онъ говорилъ одно и то же: «нѣтъ, нѣтъ, вы должны сказать, почему»! Все это мнѣ очень

надоѣло и, чтобы отвязаться, наконецъ, я ему сказалъ:— «а вотъ чему: курящихъ-то у насъ не 16, а 18 человѣкъ»! Этотъ ли отвѣтъ, или неточность его свѣдѣній до того поразили почтеннаго командира, что онъ цѣлую недѣлю приставалъ къ намъ за объясненіемъ, кто эти два, о которыхъ онъ не знаетъ. Конечно ему объяснить не могли... Тогда онъ записалъ и меня въ число «куракъ», и все время затѣмъ не переставалъ рыться въ моемъ столѣ, ища папиросъ... И тутъ его ждала неудача, но онъ, все-таки, не отставалъ отъ меня и часто, взявъ подъ руку, гулялъ со мною по корпусу—все для того, чтобы убѣдиться: не пахнетъ ли отъ меня табакомъ. Я на самомъ дѣлѣ не курилъ, а онъ очень огорчался тѣмъ, что не можетъ меня изловить и, вслѣдствіе этого, часто придирался ко мнѣ. Но такъ какъ я вообще былъ довольно исправенъ: фронтовую службу зналъ хорошо, никакихъ особыхъ шалостей и школьничествъ не совершалъ, то и наказать меня ему не удавалось. Вообще же онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый и, не допуская никакихъ противорѣчій или возраженій, считалъ всегда свои поступки непогрѣшимыми.

Въ 11 ч. утра, при выходѣ изъ классовъ, въ дежурной комнатѣ ставилась корзина съ нарѣзанными ломтиками чернаго хлѣба съ солью, — это былъ нашъ завтракъ. Въ половинѣ втораго—обѣдъ, который состоялъ изъ трехъ блюдъ: супъ съ пирожками, говядина средняго качества и пирожное,—весьма незамысловатое. Въ половинѣ восьмаго — ужинъ изъ двухъ блюдъ, въ которомъ главную роль игралъ картофель «въ мундирѣ», каша «размазня», кисель; иногда подавали холодный языкъ, но мяса никогда. Многіе находились всегда впроголодь... Впрочемъ, надо отдать справедливость: продукты всегда были свѣжіе, хотя и не лучшаго качества; но если взять во вниманіе, что на каждаго воспитанника отпускалось всего на всего 15 коп. сер. въ сутки, то надо удивляться: какимъ образомъ на эту, болѣе чѣмъ скромную сумму кормили насъ и такою пищею. Чай воспитанники пили свой 2 раза въ день, за что ежемѣсячно платили служителю 7 р. 15 к. сер. Самъ К. К. ежедневно присутствовалъ при трапезахъ пажей. Бывало, войдетъ въ столовую, сядетъ около

фельдфебеля, котораго мѣсто было у перваго стола при входѣ, попробуетъ всегда пищу и похвалитъ ее вслухъ, вызывая этимъ на похвалу и пажей. Однажды К. К. попробовавъ поданную говядину, по обыкновенію, началъ ее восхвалять... Пажи похвалили ее и съ своей стороны... Я одинъ молчалъ—больно надоѣли мнѣ эти, повторяющіеся изо дня въ день гимны кушаньямъ. К. К., замѣтивъ мое молчаніе, накинулся на меня: «Вы что молчите? Развѣ говядина не хороша»?—Я пресерьезно отвѣтилъ «По моему говядина не хороша» «Это почему?—уже возвышая голосъ, приставалъ К. К.—Вѣдь мясо жирное и сочное»? – Я также хладнокровно отвѣчалъ:—«Совершенно вѣрно, К. К., оно, дѣйствительно, мягко и жирно, но я впродолженіи 6 лѣтъ привыкъ ѣсть твердое и безъ жиру, потому я и нахожу это дурнымъ. Съ непривычки, К. К.». Надо было видѣть въ это время выраженіе лица у нашего ментора! При всей своей выдержанности, онъ не могъ овладѣть собою и, сверкая глазами, прошепталъ: «проклятый»!.. Слѣдующая наша стычка еще забавнѣе. Какъ-то разъ К. К. сталъ намъ проповѣдывать о томъ, что необходимо хорошо вести себя въ корпусѣ. что отъ этого зависитъ вся наша будущая карьера... Въ примѣръ привелъ онъ намъ кн. Паскевича, который воспитывался въ пажескомъ корпусѣ. Когда князя возводили въ фельдмаршалы, то, будто бы, дѣлали запросъ въ корпусъ: какъ онъ велъ себя во время пребыванія въ немъ. По словамъ К. К., выходило, что князь былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ потому, что корпусное начальство дало благопріятный отзывъ о немъ. — Я ему пресерьезно сказалъ на это:—«Стало быть, К. К., кн. Паскевичъ вамъ обязанъ своимъ фельдмаршальскимъ званіемъ»!—К. К. сердито сталъ увѣрять меня, что я ужъ ни въ какомъ случаѣ не буду фельдмаршаломъ... Я вполнѣ понимаю, что всѣ мои выходки не могли расположить ко мнѣ К. К., и надо отдать ему справедливость: онъ меня терпѣть не могъ и при всякомъ случаѣ выказывалъ мнѣ свою нелюбовь... Такъ, будучи еще въ 3 классѣ, я сталъ мечтать о кавалерійской службѣ, для чего и сталъ брать въ лагерѣ уроки верховой ѣзды. Такъ какъ мой учитель былъ занятъ цѣлый день, то я условился съ нимъ брать уроки утромъ

отъ 7 до 8, когда въ лагерѣ воспитанники еще спали. Вотъ однажды, около 8 ч. утра, одинъ изъ нашихъ офицеровъ встрѣтилъ меня совсѣмъ одѣтаго, возвращающагося съ задняго поля (на этомъ полѣ была конюшня школы). На вопросъ, откуда я иду, я откровенно разсказалъ ему о своихъ мечтахъ и урокахъ верховой ѣзды. Во время нашего разговора, къ намъ подошелъ К. К. Онъ, прежде всего, счелъ нужнымъ распечь меня за утреннюю прогулку и, не вѣря моимъ объясненіямъ, отправилъ меня подъ арестъ. Послѣ лагеря воспитанниковъ обыкновенно отпускаютъ на 2 недѣли на свиданіе съ родственниками; меня же оставили безъ этой льготы, сбавили 3 балла за поведеніе и еще 2 мѣсяца не давали отпуска.. При всякомъ случаѣ, К. К. приставалъ ко мнѣ, чтобы я ему сказалъ, гдѣ былъ въ то роковое утро. Такъ онъ мнѣ и не повѣрилъ и все утверждалъ, что я вѣроятно не ночевалъ въ лагерѣ. Во второй разъ почтенный К. К. не преминулъ заявить себя моимъ противникомъ по слѣдующему случаю. Я уже имѣлъ полное право быть ефрейторомъ. Окончательное назначеніе зависѣло отъ комитета, въ которомъ засѣдали. директоръ, инспекторъ, ротный командиръ и 5 отдѣленныхъ дежурныхъ офицеровъ. Вслѣдствіе доброты и безхарактерности однихъ, апатичности другихъ, К. К. пользовался большимъ вліяніемъ, если не былъ главнымъ вершителемъ дѣлъ комитета. Онъ настоялъ, чтобы меня не дѣлали ефрейторомъ, утверждая, что я неблагонравнаго поведенія и пр. Гоненія его дошли до того, что передъ выпускомъ онъ сталъ мнѣ твердить, что я не выйду въ гвардію... По крайней мѣрѣ, онъ принялъ для этого всѣ зависящія отъ него мѣры: такъ, онъ мнѣ поставилъ изъ фронта и воинскаго устава по 9 балловъ, чтобы средній балъ вышелъ ниже требуемаго для производства въ гвардію, между тѣмъ я былъ отличнымъ фронтовикомъ и уставъ зналъ прекрасно.

Кромѣ описанныхъ лицъ, стоитъ остановиться немного на медицинскомъ персоналѣ нашего корпуса. У насъ было два доктора, старшій и младшій. Первый былъ весьма уважаемый человѣкъ и считался у насъ и въ обществѣ хорошимъ медикомъ. Должно сказать, что и у насъ, какъ вездѣ, воспитанники, прельщенные удобствами и far niente лазарета, прибѣгали къ искусственнымъ мѣрамъ, чтобы попасть туда. Такъ, сильный ударъ локтемъ о твердый предметъ вызывалъ усиленное біеніе пульса, пріемъ во внутрь мѣла производилъ разстройство желудка и пр. Нашъ эскулапъ сразу, бывало, узнаетъ такого больнаго, но и виду никогда не подастъ, а съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ назначитъ паціенту габерсупъ или жидкій бульонъ съ булкою,—это называлось діэтой, — да изъ лекарствъ пропишетъ какую нибудь микстуру, по возможности горькую на вкусъ. Надо ему отдать справедливость: рѣдкій изъ притворявшихся выдерживалъ болѣе 3 дней его курсъ леченія; всѣ спѣшили выписаться и попасть на болѣе сытную пищу, такъ какъ въ лазаретѣ, кромѣ прописаннаго докторомъ, нельзя было ничего пріобрѣсти.

Перейду теперь къ карательнымъ и исправительнымъ мѣрамъ, практиковавшимся у насъ. Главнымъ хозяиномъ корпуса былъ въ мое время директоръ, имѣвшій право даже исключать воспитанниковъ изъ корпуса. Болѣе обыденныя наказанія, какъ напр., сажаніе подъ арестъ, оставленіе безъ отпуска и даже наказаніе розгами, находились de jure въ рукахъ инспектора классовъ, но нашъ добрый инспекторъ этимъ правомъ не злоупотреблялъ... Ротный командиръ К. К. Жирардотъ, хотя не имѣлъ права самовластно наказывать розгами, но узурпировалъ его, благодаря добротѣ и безхарактерности высшаго начальства. Такъ, онъ наказалъ розгами *у себя на квартирѣ* одного моего друга-товарища и, благодаря тому, что наказанный былъ круглый сирота, это ему сошло съ рукъ какъ нельзя лучше. Бѣдный мой пріятель былъ такъ запуганъ имъ, что разсказалъ объ этомъ только мнѣ, и то взявъ съ меня предварительно слово не передавать товарищамъ. Никто, кромѣ меня, и не слыхалъ про эту исторію... Я даже не могъ узнать: за что именно постигла его такая кара... А мальчикъ онъ былъ замѣчательный: учился прекрасно, былъ даже записанъ на «красную доску» и оставался все время въ числѣ 5 лучшихъ учениковъ; это былъ прекрасный товарищъ, обладавшій большимъ тактомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, а его рѣдкое самообладаніе и характеръ — производили большое впечатлѣніе на товарищей... Власть дежурныхъ офицеровъ ограни-

чивалась правомъ оставлять безъ обѣда, чая и ужина, поставить провинившагося къ столбу во время обѣда или ужина — просто или на колѣняхъ. Камеръ-пажи имѣли почти тѣ же права, какъ и дежурные офицеры. Считаю необходимымъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. По моему глубокому убѣжденію, право, предоставленное камеръ-пажамъ, не выдерживало никакой критики... Начать съ того, что оставленіе безъ обѣда и ужина дѣтей, нуждающихся въ правильномъ и обильномъ питаніи, дѣло, далеко не соотвѣтствующее воспитательнымъ цѣлямъ. Но предоставить это право дѣтямъ же, для примѣненія наказанія надъ своими товарищами, — это верхъ безразсудства. Дѣло въ томъ, что если эта мѣра, въ рукахъ взрослыхъ, приносила сомнительную пользу, то въ рукахъ дѣтей, съ неустоявшимися взглядами, она развивала заносчивость и вообще портила характеры, какъ у наказывающихъ, такъ и у наказываемыхъ. А иные камеръ-пажи пользовались широко своимъ правомъ! Бывали случаи, что, благодаря имъ, нѣкоторыя дѣти жили по цѣлымъ недѣлямъ впроголодь. Высшимъ наказаніемъ — послѣ тѣлеснаго, конечно, — считалось записываніе фамиліи виновнаго воспитанника на черную доску, висѣвшую въ общей столовой и въ классѣ. Провинившагося одѣвали въ сѣрую солдатскую куртку, въ которой онъ обязанъ былъ щеголять повсюду, стоя во время обѣда и ужина отдѣльно отъ товарищей у чернаго стола. При моемъ поступленіи въ корпусъ, товарищи разсказывали еще про одно наказаніе, но при мнѣ его ни разу не приводили въ исполненіе. Оно состояло въ томъ, что воспитанника, приговореннаго къ исключенію изъ корпуса, облекали въ сѣрую куртку и во время обѣда торжественно провожали черезъ столовую, причемъ сзади исключаемаго шелъ сторожъ съ метлой и заметалъ его слѣды... Это называлось воспитанниками: «исключеніе mit grossen Skandalen...»

Не стану описывать мелочей школьной жизни,—изо дня въ день повторявшихся фактовъ.

Останавливаясь на научныхъ познаніяхъ пажей, я долженъ сознаться, что они были не особенно велики... Въ то время главную роль играло «воспитаніе», т. е. дисциплинированіе, а учили, въ большинствѣ случаевъ,

говоря словами поэта: «чему нибудь и какъ нибудь». Относительно корпуса я бы позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить слова поэта: насъ учили, пожалуй, многому, но «какъ нибудь». Привожу перечень предметовъ, преподававшихся у насъ въ корпусѣ: законъ божій, русскій, франц. и нѣмец. языки и ихъ литературы, исторія, статистика, законовѣдѣніе, тактика, военная исторія, фортификація, артиллерія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, аналитическая геометрія, механика, математическая и физическая географія, и пѣхотный уставъ... Не правда ли, курсъ очень солидный? Но хорошихъ руководствъ въ то время не было; учебныя пособія никуда не годились и ими никогда не пользовались; впрочемъ, надо исключить трехъугольникъ и линейку: это были единственно полезные и употребляемые инструменты. Да и вообще составъ преподавателей былъ далеко не идеальный. Большею частью, это были люди рутины, у которыхъ не шло дальше: «отсюда досюда...» Правда, исторію, статистику, русскую словесность, высшую математику и химію въ послѣднихъ 2-хъ класахъ преподавали профессора,—свѣтила науки того времени, но за то остальные наши педагоги не имѣли никакого понятія о раціональныхъ методахъ преподаванія. Въ итогѣ учились только хорошіе ученики. На лѣнивыхъ обращали очень мало вниманія, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ смотрѣли, какъ на отпѣтыхъ, и предоставляли ихъ научныя познанія волѣ судьбы. Притомъ же, программы составлялись людьми, совершенно незнакомыми съ дѣломъ обученія юношества, почему курсы, требуемые программами, являлись черезчуръ обширными и основательно проходилось только немного болѣе половины; все же остальное готовили только къ экзаменамъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно забыть... Изъ всѣхъ учителей, большимъ уваженіемъ пользовался по праву нашъ незабвенный законоучитель, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настоятелемъ корпусной церкви. «Нашъ батюшка» былъ хорошо извѣстенъ тогдашнему высшему обществу Петербурга. Его привлекательная и располагающая къ себѣ наружность, привѣтливость въ обращеніи, ровность характера, благолѣпіе въ служеніи и удивительная выразительность чтенія — собирали въ

церковь по праздникамъ цѣлую толпу богомольцевъ. Особенно посѣщали нашу церковь въ то время, когда у насъ былъ еще прекрасный хоръ пѣвчихъ, составленный изъ воспитанниковъ. Другой преподаватель, пользовавшійся популярностью, былъ учитель русской словесности въ старшихъ 2 классахъ. Онъ прекрасно велъ свое дѣло, и литературныя произведенія въ его устахъ получали особую выразительность и привлекательность. Будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ педагогомъ и разумнымъ наставникомъ, онъ оставилъ по себѣ прекрасную память. Объ учителяхъ французскаго и нѣмецкаго языковъ распространяться не буду. Это были люди добрые, снисходительные къ шалостямъ, свойственнымъ дѣтскому возрасту, и мы ихъ любили, хотя конечно, они не могли считаться образцовыми педагогами. Отмѣчу еще одного учителя нѣмецкаго языка,—перекреста изъ евреевъ, человѣка очень несимпатичнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Отталкивающая наружность, нечистоплотность, мстительность и корыстолюбіе дѣлали его предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ и презрѣнія... Впрочемъ, онъ вскорѣ былъ удаленъ за какую-то грязную и неблаговидную продѣлку. Преподаватели географіи, исторіи и ариѳметики въ низшихъ классахъ были люди недалекіе и строгіе. Самымъ надменнымъ въ обращеніи съ нами былъ профессоръ исторіи въ камеръ-пажескомъ классѣ,—въ чинѣ тайнаго совѣтника, стало быть, «его превосходительство». Предметъ свой онъ зналъ прекрасно и читалъ интересно, но, къ сожалѣнію, однообразно; притомъ же, не обладая пріятнымъ органомъ, говорилъ безъ всякой интонаціи, а потому и производилъ снотворное дѣйствіе. Вдобавокъ ко всему сказанному, онъ имѣлъ привычку поминутно плевать, и мы, изъ школьничества, передъ его приходомъ обставляли каѳедру нѣсколькими плевательницами, но онъ настолько былъ уменъ и серьезенъ, что дѣлалъ видъ, будто не обращаетъ вниманія на наши продѣлки и продолжалъ плевать, но мимо разставленныхъ плевательницъ. Самымъ забавнымъ былъ учитель русскаго языка въ 4, 5 и 6 классахъ... Пажи называли его Василіемъ Стакановичемъ, вѣроятно, за его любовь къ «стакану». Онъ часто приходилъ въ классъ «подъ хмелькомъ», однако дѣло свое зналъ хорошо и пажи обязаны

ему своимъ знаніемъ русскаго правописанія. Въ числѣ добрыхъ и любимыхъ нами преподавателей слѣдуетъ отмѣтить двухъ Александровъ Михайловичей: «золотаго» и «серебрянаго»; одинъ изъ нихъ носилъ желтые эполеты, другой серебряные (такъ какъ былъ офицеромъ путей сообщенія). Оба по своей добротѣ очень походили другъ на друга. Съ обоими воспитанники черезчуръ много позволяли себѣ. Такъ, при входѣ ихъ въ классъ, всѣ воспитанники вставали со своихъ мѣстъ и хоромъ затягивали: «Александръ Михайловичъ, здравствуйте, здравствуйте!..» При прощаніи, хоръ еще разъ затягивалъ: «Александръ Михайловичъ, прощайте, прощайте!..» Учитель грозился жаловаться и упечь насъ всѣхъ подъ арестъ; тогда пѣли: «Александръ Михайловичъ сердится, сердится!» или: «Александръ Михайловичъ, простите, простите!» Мы отлично знали, что ихъ угрозы никогда не приведутся въ исполненіе. . Кромѣ того, одинъ изъ Ал. Мих. имѣлъ комичную фигуру и несчастную привычку вздергивать непрерывно плечомъ, къ немалой потѣхѣ воспитанниковъ. Обоихъ ихъ, конечно, любили за ихъ изумительную незлобивость.

Заканчивая этимъ свое описаніе учебнаго персонала корпуса, я считаю нужнымъ прибавить, что сохранивъ для нѣкоторыхъ учителей комичныя черты характера, я былъ далекъ отъ мысли выставить ихъ въ каррикатурномъ свѣтѣ. Это случилось по естественной ассоціаціи идей. Вспоминая, напр., о нашихъ милыхъ Александрахъ Михайловичахъ. я не могъ представить себѣ ихъ иначе, какъ подъ аккомпаниментъ хора воспитанниковъ. «Александръ Михайловичъ, здравствуйте, здравствуйте» и т. д. Съ другой стороны, для полноты понятія о нашихъ научныхъ занятіяхъ, какъ безпристрастный историкъ, я бралъ самыя рельефныя черты въ своихъ преподавателяхъ и потому пропустилъ цѣлую серію учителей «безличныхъ», если можно такъ выразиться. Послѣдніе не оставили во мнѣ никакихъ воспоминаній. Ни особеннымъ зломъ, ни добромъ они не отличались, и помянуть ихъ нечѣмъ. Наши познанія по ихъ предметамъ были такъ же безцвѣтны, какъ и они сами...

Теперь мнѣ осталось сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ пажи проводили обыкновенно время. Вста-

вали въ 6 час., мылись, одѣвались и въ 6½ строились въ дортуарахъ на молитву, которая читалась въ каждомъ отдѣленіи вслухъ поочередно воспитанниками. Передъ молитвою камеръ-пажи обязаны были обойти свои десятки и осмотрѣть, аккуратно ли одѣты и причесаны воспитанники, чисты ли у нихъ руки и ногти, и вообще все ли въ порядкѣ. Послѣ молитвы, мы всѣмъ строемъ отправлялись въ столовыя пить чай *). Въ 7 час., также строемъ, шли въ классы, гдѣ отъ 7 до 8 приготовляли уроки, а съ 8 до 11-ти слушали 2 лекціи—каждая по 1½ часа. Въ 11 ч. происходило фронтовое ученіе всему корпусу и продолжалось до обѣда, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, спеціально назначенныхъ изъ гвардейскихъ полковъ лучшихъ фронтовыхъ унтеръ-офицеровъ. Ученіе было самое разнообразное: приготовленіе караула, парадировка 12-ти пажей и 2-хъ камеръ-пажей, передъ разводомъ въ Михайловскомъ манежѣ въ присутствіи государя, приготовленіе къ тому же дню ординарцевъ и проч. Всѣмъ этимъ руководилъ нашъ ротный командиръ. Въ 1½ обѣдъ; послѣ обѣда до 3-хъ часовъ или фехтованіе, или прогулка по нашему плацу. Отъ 3 до 6 опять классы: 2 лекціи по 1½ ч., въ 6½ чай. Отъ 7 до 8 приготовленіе уроковъ въ дортуарахъ. Къ этому же времени пріурочивались гимнастика, танцы, а для пѣвчихъ — пѣніе. Въ 8—ужинъ, а въ 9 ложились уже спать.

Про шалости и игры особенно распространяться не буду: этотъ предметъ уже не разъ служилъ темою для разныхъ очерковъ и воспоминаній. Исключительныхъ шалостей при мнѣ не случалось, а игры того времени были незатѣйливы и достаточно извѣстны читающей публикѣ. Перечислю здѣсь главнѣйшія: гигантскіе шаги, качели, лапта, свайка и т. п. Само собой разумѣется, наши игры далеко уступали нынѣшнимъ въ разнообразности и поучительности. Дурныхъ привычекъ и противоестественныхъ пороковъ, — вслѣдствіе ли бдительности начальства, или хорошаго домашняго воспитанія, — у насъ не встрѣчалось въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ другихъ закрытыхъ заведеніяхъ. Куреніе табаку, не смотря на строгое запрещеніе, производилось

*) Нѣсколько бѣдныхъ воспитанниковъ-сиротъ пили чай казенный; всѣ остальные свой собственный.

въ спеціально избранныхъ для того мѣстахъ, причемъ курильщики разставляли подчасковъ и подкупали служителей. Курили обыкновенно только старшіе ученики и пажи сами слѣдили за тѣмъ, чтобы маленькіе этимъ не занимались. Говоря объ изящныхъ искусствахъ: пѣніи и музыкѣ, я долженъ выразить сожалѣніе, что они обрѣтались въ большомъ загонѣ. У насъ были воспитанники съ хорошими музыкальными способностями, но, къ несчастью, развить эти способности имъ не удавалось, за неимѣніемъ ни времени, ни инструментовъ. Пѣніе ограничивалось изученіемъ церковной службы, а если и случалось воспитанникамъ разучить нѣсколько свѣтскихъ романсовъ или пѣсенъ, то пѣть послѣдніе было неудобно, ибо Жирардотъ не любилъ подобнаго времяпрепровожденія. Кромѣ того, для частныхъ спѣвокъ пришлось бы сойтись воспитанникамъ изъ разныхъ отдѣленій, а этого нашъ почтенный К. К. ужъ и вовсе не позволялъ.

Я какъ-то коснулся, вскользь, что обыкновенно воспитанники принимали новичка нѣсколько недружелюбно, а теперь позволю себѣ еще разъ остановиться на этомъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ школахъ вошло въ обычай встрѣчать новопоступившаго недружелюбно. Каждый «старикъ» считаетъ своимъ долгомъ ущипнуть, толкнуть, съострить и продѣлать разныя другія вещи надъ «новичкомъ». Иногда этотъ обычай доходилъ до крайнихъ предѣловъ варварства. Такъ напр., въ двухъ военно-учебныхъ заведеніяхъ эти обычаи приняли форму отвратительнаго безобразія. Императоръ Николай Павловичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывшій въ то время главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, приказали примѣнить къ виновнымъ самыя строгія мѣры наказанія. Читаешь и съ трудомъ вѣришь: какія пакости творились въ то время молодыми людьми, а—главное—недоумѣваешь: какимъ образомъ это самоуправство могло имѣть мѣсто въ школѣ, гдѣ за воспитанниками обязаны были наблюдать дежурные офицеры. Къ чести пажей я долженъ сказать, что у насъ въ корпусѣ этотъ обычай не принималъ значительныхъ размѣровъ. Такъ напр., при входѣ моемъ въ первый разъ въ дортуаръ корпуса, мнѣ объяснили, что такое «курица», «масло», «пиво» и т. п., но ни особенной боли,

ни обиды я не почувствовалъ. Также, какъ и вездѣ, и у насъ было въ большомъ ходу давать товарищамъ и воспитателямъ разныя клички, подчасъ очень мѣткія, съ которыми до того свыкались, что даже теперь, при встрѣчѣ съ бывшимъ товарищемъ, не смотря на убѣленныя сѣдинами головы, мы называемъ другъ друга школьными кличками.

Отсутствіе въ стѣнахъ корпуса всякой роскоши и пріученіе насъ съ юныхъ лѣтъ къ лишеніямъ, приближавшимъ нашъ быть къ солдатскому, воспитывали изъ насъ хорошихъ служакъ-фронтовиковъ. Долженъ оговориться, что я имѣю въ виду исключительно пѣхотную службу. Что же касается до кавалерійской службы, то здѣсь чувствовался большой недостатокъ въ подготовкѣ. Не смотря на то, что значительная часть изъ насъ выходила въ гвардейскую кавалерію, насъ не учили ни кавалерійскому военному уставу, ни верховой ѣздѣ, такъ какъ нельзя назвать солидной подготовкой ту практику въ верховой ѣздѣ, которую мы пріобрѣтали въ теченіе какихъ нибудь 20 уроковъ въ придворномъ манежѣ. Вслѣдствіе того, пажи, выпускаемые въ армейскіе кавалерійскіе полки изъ 2-го класса, прикомандировывались къ образцовомому кавалерійскому полку, гдѣ они обучались верховой ѣздѣ и всему, что требовалось отъ коннаго офицера, имѣя преподавателями лучшихъ знатоковъ этого дѣла, настоящихъ виртуозовъ, изъ которыхъ иные даже находили поэзію въ плоскомъ шенкелѣ или отыскивали гармонію между поводомъ и шенкелемъ.

Не смотря на указанный недостатокъ подготовки, все-таки, пажи и въ кавалеріи считались лучшими офицерами, такъ какъ скоро пополняли недостающія знанія и, спустя годъ службы, можно было видѣть многихъ въ Михайловскомъ манежѣ, въ качествѣ ординарцевъ при разводахъ, а для этого, какъ извѣстно, требовалось знаніе высшей школы верховой ѣзды, твердая посадка въ сѣдлѣ и прочія тонкости кавалерійскаго искусства. Я могу въ подтвержденіе своихъ словъ сослаться на цѣлый рядъ блестящихъ командировъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, многихъ начальниковъ дивизій и вообще выдающихся кавалерійскихъ генераловъ изъ пажей...

Двухмѣсячное наше пребываніе въ лагерѣ въ Петергофѣ было исключительно посвящено фронтовымъ занятіямъ, начиная отъ одиночнаго, ротнаго, батальоннаго ученія и до отряднаго включительно. По воскресеньямъ и праздникамъ ходили въ «золотой» и «зеленый» парады. Первый происходилъ на верхней площадкѣ предъ большимъ дворцомъ и заканчивался прохожденіемъ церемоніальнымъ маршемъ предъ государемъ, но безъ ружей; второй заключался въ общемъ парадѣ воспитанниковъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній у лагерной походной церкви, помѣщавшейся на переднемъ плацу кадетскаго лагеря, въ зеленомъ шатрѣ, почему и самый парадъ назывался «зеленымъ», или «зеленчакомъ». Въ эти же дни насъ отпускали гулять партіями, въ сопровожденіи офицера, въ придворные сады и парки. Какъ на особенное вниманіе Николая Павловича къ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, укажу на позволеніе намъ посѣщать Александрію, — резиденцію государя, входъ въ которую былъ запрещенъ всѣмъ прочимъ смертнымъ, безъ исключенія. Мы же имѣли право гулять тамъ безъ сопровождавшихъ насъ офицеровъ, которые провожали насъ только до воротъ и здѣсь ждали нашего возвращенія. Проникнувъ въ Александрію, мы быстро перебѣгали пространство, отдѣляющее нижній садъ отъ скромнаго небольшого домика, въ которомъ проживала августѣйшая семья, и поджидали у подъѣзда выхода или выѣзда императрицы Александры Θеодоровны, почти ежедневно ѣздившей кататься въ нижній садъ, чтобы присутствовать въ 9 часовъ на церемоніи «зари», которую исполнялъ стоявшій въ верхнемъ саду караулъ большого дворца. Если императрица долго не выходила, намъ высылали конфектъ, а въ тѣ дни, когда она ѣздила кататься одна (въ 4-мѣстномъ шарабанѣ съ жокеями), то обыкновенно приглашала насъ занять въ ея экипажѣ свободныя мѣста и, окруженная со всѣхъ сторонъ воспитанниками, довозила насъ до верхняго сада.

«Тревоги», производимыя Николаемъ Павловичемъ, по большей части ночью, и купанье въ морѣ были нашими любимыми развлеченіями. Какъ Николай Павловичъ понималъ, каковы должны быть отношенія между воспитанниками, приведу слѣдующій эпизодъ: не помню въ которомъ году, въ лѣтній день, раздалась по всему

лагерю команда: «всѣмъ на линію», что означало пріѣздъ кого нибудь изъ царскихъ особъ; не успѣли мы выстроиться, какъ на правомъ флангѣ показались дрожки съ Николаемъ Павловичемъ, въ его любимой формѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка—сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ. Поравнявшись съ нашей ротой, онъ остановился и вызвалъ пажа Л., мальчика лѣтъ 13, большого шалуна. По выраженію лица и голосу покойнаго государя можно было догадаться, что онъ чѣмъ-то очень недоволенъ... Обратившись къ намъ, онъ сказалъ: «Этотъ негодяй позволилъ себѣ втыкать въ тѣло своей больной матери иголки и булавки! Поручаю вамъ внушить ему всю гнусность его поступка»...

И приказалъ нашему начальству лишить его отпуска. Оказалось, что мать этого нравственнаго урода, кн. Л..., весьма уважаемая женщина, поселилась въ Англійскомъ дворцѣ, расположенномъ въ паркѣ того же названія, смежномъ съ лагеремъ военно-учебныхъ заведеній, чтобы быть поближе къ своему единственному сыну. Она была больна параличемъ ногъ, слѣдствіемъ чего была полная нечувствительность нижнихъ конечностей. Сынъ, желая убѣдиться въ этомъ, вздумалъ втыкать въ больныя ноги матери иголки и булавки. Мальчикъ былъ очень испорченъ нравственно и черезъ два или три года послѣ описаннаго случая, за какой-то проступокъ, былъ исключенъ изъ корпуса и сданъ въ солдаты.

Передъ экзаменами нѣкоторые изъ насъ собирались по нѣскольку человѣкъ у кого нибудь изъ родныхъ и готовились вмѣстѣ. Не могу не помянуть добрымъ словомъ одного изъ родителей нашихъ товарищей. Будучи заслуженнымъ генераломъ и профессоромъ военной академіи, онъ часто репетировалъ съ нами на подобныхъ сборищахъ и помогалъ намъ своими совѣтами и указаніями. Также доброжелательно относился къ намъ еще одинъ артиллерійскій офицеръ, немало оказавшій намъ помощи своими совѣтами. Не стану описывать подробно всѣ продѣлки, ухищренія и подтасовки, которыя употреблялись нами во время экзаменовъ. Все это большею частью уже извѣстно: подсказываніе во всѣхъ видахъ, засматриваніе въ книгу незамѣтно отъ экзаменаторовъ, помѣтка билетовъ заранѣе, исписываніе ладони математическими формулами, главнѣйшими историческими со-

бытіями и хронологіей, и т. п. Кромѣ того, у насъ имѣлся цѣлый архивъ темъ, заданныхъ на экзаменахъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій,—архивъ, передаваемый изъ года въ годъ «старшимъ» 1 и 2 кл., для списыванія съ нихъ во время экзаменовъ, такъ какъ экзаменаціонныя темы рѣдко варьировались; случалось даже, что нѣкоторые преподаватели изъ года въ годъ задавали одну и ту же тему.

Воспитанники старшихъ двухъ классовъ, по сдачѣ экзаменовъ, имѣли обыкновеніе совершать богомольную прогулку въ Сергіевскую пустынь (въ 19 верстахъ отъ Петербурга по Петергофскому шоссе), rendez-vous богомольцы назначали въ 10 часовъ вечера у Нарвскихъ воротъ, откуда и шли пѣшкомъ всѣ вмѣстѣ. Старались сдѣлать такъ, чтобы попасть въ монастырь къ заутренѣ. Отстоявъ и обѣдню, мы пѣшкомъ же направлялись въ обратный путь. На дорогѣ мы предавались дружественной бесѣдѣ, пѣли пѣсни и школьничали, въ послѣдній разъ передъ разлукой. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ: съ наступленіемъ весны, фронтовыя занятія принимали уже слишкомъ исключительный характеръ и начальство слишкомъ усердно налегало на нихъ, такъ что въ итогѣ оставалось очень мало времени для научныхъ занятій, которыя, между тѣмъ, къ экзамену были необходимы. Насъ въ это время водили по 3 раза въ недѣлю, то на плацъ 1-го кадетскаго корпуса, то на Семеновскій или Инженерный плацъ для обученія полковому и батальонному строю, и приготовляли къ майскому параду. Эти странствованія по плацамъ, кромѣ крайняго физическаго утомленія, отнимали время, необходимое для подготовки къ экзаменамъ. Положительно все свободное времи шло на фронтовое ученіе! Какъ подумаешь, сколько времени убивалось для того, чтобы пройти разъ или два церемоніальнымъ маршемъ на майскомъ парадѣ,—становится очень неловко за нашихъ начальниковъ, усердствовавшихъ не по разуму, и даже забывавшихъ, что въ строй выводились 10-лѣтнія дѣти, которыя по своему физическому развитію слишкомъ утомлялись отъ этихъ никому и ни для чего ненужныхъ, но до крайности тягостныхъ шатаній по плацамъ. Прибавлю еще къ сказанному, что нашъ отрядный начальникъ, изъ-за безсмысленнаго тщеславія,

заставлялъ насъ продѣлывать по 50 разъ одинъ и тотъ же рутинный ружейный пріемъ, состоявшій въ отмыканіи штыка съ плеча и ноги или заряжанія ружья въ 12, 8 и 4 темпа, [1]) или веденія по-батальонно развернутымъ фронтомъ, тихимъ учебнымъ шагомъ, добиваясь, чтобы цѣлый батальонъ продѣлывалъ все сіе, какъ одинъ человѣкъ. Все это теперь, конечно, кажется смѣшнымъ, но для насъ въ то время было грустно и тяжело пройти всю эту школу фронтовой эквилибристики. Можно смѣло сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Мы являлись на экзамены далеко не подготовленными, да еще страшно разбитыми физически.

Для провѣрки нашихъ познаній, два раза, въ декабрѣ и маѣ, производились экзамены. Первые назывались *полугодовыми* и имѣли вліяніе на перемѣщеніе учениковъ по оказаннымъ познаніямъ, въ порядкѣ хорошихъ и дурныхъ въ одномъ и томъ же классѣ, вторые же назывались *годичными* и служили для перевода изъ класса въ классъ. Испытанія эти производились въ стѣнахъ корпуса и, кромѣ директора, инспектора, преподавателя иногда ассистента, пріѣзжалъ временами главный инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, въ званіи заслуженнаго генерала, по большей части изъ бывшихъ директоровъ. Кромѣ того, подъ видомъ экзамена же, нами давалось ежегодное большое представленіе, заключавшееся въ томъ, что въ громадной залѣ 1-го кадетскаго корпуса, — въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и всѣхъ начальниковъ и преподавателей военно-учебныхъ заведеній, затянутыхъ въ полной парадной формѣ,—собирались воспитанники послѣднихъ классовъ всѣхъ столичныхъ военныхъ училищъ. Подъ именемъ «публичныхъ экзаменовъ» собравшіеся воспитанники щеголяли другъ предъ другомъ своими познаніями. Въ общемъ выходила нѣкоторая театральность и ходульность.

Я постараюсь еще дать вкратцѣ понятіе о фронто-

[1]) Къ сожалѣнію, исторія не сохранила, кѣмъ придуманъ или откуда заимствованъ этотъ глубокомысленный артикулъ. По предвареніи о томъ, что будетъ заряжаніе на 12 темповъ, раздавалась команда: „слушай!“ Потомъ: 1) къ заряду; 2) чехлы долой, открой полки; 3) вынимай патронъ; 4) скуси патронъ; 5) насыпь; 6) закрой полки; 7) обороти ружье; 8) патронъ въ дуло; 9) зашомполь; 10) прибей; 11) шомполъ въ ложе и 12) на плечо!.. Остальныя заряжанія сокращались на нѣсколько темповъ.

выхъ ученіяхъ того времени. Насъ учили,—какъ я не разъ уже упоминалъ,—всѣмъ тонкостямъ военнаго артикула того времени и наши познанія были очень разнообразны. Правда, мы тратили на послѣдній предметъ очень много времени.

Кромѣ ученій, происходившихъ зимою въ корпусѣ,—ученій состоявшихъ въ ружейныхъ пріемахъ, шагистикѣ, парадировкѣ,—изъ насъ составляли роту, которая во время майскаго парада и лагернаго сбора входила въ составъ 10 батальоновъ отряда военно-учебныхъ заведеній, которые составляли 2 полка. Вступленіе и выступленіе въ лагерь совершалось всегда въ присутствіи императора Николая Павловича, который заканчивалъ лагерный искусъ маневрами около Стрѣльны и, вызвавъ выпускныхъ, поздравлялъ ихъ съ производствомъ въ офицеры, при чемъ всегда говорилъ новопроизведеннымъ офицерамъ нѣсколько ласковыхъ словъ, въ которыхъ выражалъ желаніе видѣть насъ достойными воинами и добрыми сынами Россіи.

Около Стрѣльны, въ дер. Кихники, мы располагались на ночлегъ. Во все время похода мы обязаны были нести всѣ лишенія, сопряженныя съ настоящею походною жизнью. Мы все время шли въ походныхъ колоннахъ, высылали авангарды и арьергады, на бивакахъ спали на землѣ или на соломѣ,—однимъ словомъ, вели походъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. По существовавшему въ корпусѣ обычаю, пришедши въ деревню Кихники, всѣ выпускные ужинали отдѣльно отъ своихъ сотоварищей... На этихъ ужинахъ обязательно присутствовалъ и К. К. Жирардотъ, и офицеры, приведшіе роту. Намъ разрѣшалось уже курить и пить вино, что доказывало, что на насъ съ этого вечера уже смотрѣли, какъ на офицеровъ, хотя Карлъ Карловичъ и не упускалъ случая напомнить намъ, что, пока мы еще не надѣли офицерской формы, мы должны повиноваться ему. Ужинъ этотъ всегда проходилъ чинно и въ высшей степени прилично. Назавтра мы отправлялись вмѣстѣ съ ротою въ городъ. Одно исключеніе допускалось тогда для выпускныхъ: около Нарвскихъ воротъ имъ разрѣшалось ѣхать на лошадяхъ въ городъ, прямо въ корпусъ, гдѣ насъ уже ожидали портные съ офицерскимъ платьемъ. Мы облекались въ новое платье и

уже въ этомъ одѣяніи встрѣчали шедшую пѣшкомъ роту сотоварищей. Послѣ лагеря, насъ отпускали на свиданіе съ родителями. Хорошее время!...

Въ заключеніе этой главы, считаю не лишнимъ привести нѣсколько стихотвореній, написанныхъ моими товарищами во время нашего совмѣстнаго пребыванія въ корпусѣ.

Читатели, конечно, извинятъ нѣкоторыя шероховатости стиха и вольности риѳмы, принявъ во вниманіе возрастъ авторовъ.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе подъ заглавіемъ «Мечты» ,въ которомъ 12-лѣтній авторъ выражаетъ свои мечтанія и жалуется на однообразіе корпусной жизни...

МЕЧТЫ.

Въ міръ далекій и прекрасный
Занесла меня мечта...
И не слышенъ тамъ ужасный,
Голосъ нашего кота [1]),
Тамъ я вижу, какъ въ туманѣ,
Все житье—бытье людей,
Какъ живутъ они въ обманѣ,
Какъ полны они страстей!
Тамъ нѣтъ Т...я [2]) съ женою
И своячницей своей,
Что за Во....цева идетъ,
Душъ шестьсотъ ему даетъ.
Нѣтъ извощиковъ безъ таксы,
Нѣтъ... но — лучше что всего —
Нѣтъ Набокова тамъ, плаксы
И Бреверна comme il faut.
Нѣтъ путей тамъ сообщеній,
Паровозовъ и шоссе,
Нѣту съ Ш—мъ сношеній,
Нѣтъ и глупаго Г—е.
Нѣтъ тамъ Эйхвальда кареты,
Нѣтъ для Б—а [3]) пошлыхъ книгъ....
Но прошло видѣнье это,—
Все умчалось въ тотъ же мигъ.
Окруженъ я всѣмъ казеннымъ,
Мысль казенна и языкъ;
Предо мною, пробужденнымъ,
Зеленѣется ярлыкъ [4]).

Слѣдующее стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Чортъ возьми!» принадлежащее перу того же поэта, очень удачно характеризуетъ всю систему военной выправки того времени.

---

[1]) Жирардотъ.
[2]) Дежурный офицеръ.
[3]) Библіотекарь корпуса.
[4]) Зеленый ярлыкъ надъ кроватью съ обозначеніемъ фамиліи воспитанника.

ЧЕРТЪ ВОЗЬМИ!

„Mezzo pace... Чортъ возьми"!
И все субботы поджидаешь,
И, не дождавшись до семи,
Возьмешь билетъ и удираешь,
Но не сказавши: „Чортъ возьми"!
Еще пѣтухъ не просыпался,
На крышѣ галка сладко спитъ,
А барабанъ уже раздался,
И Жирардотъ уже кричитъ...
Морозъ и сонъ слипаютъ очи,—
Такъ сладко спалъ бы до восьми!...
А какъ подумаешь о ночи,
Невольно скажешь: „Чортъ возьми"!
Къ смотру готовый, на ученьѣ
Часа два держатъ дивизьонъ,
А при малѣйшемъ „шевелѣньѣ"
Его ругаетъ фараонъ [1]).
Готовъ все бросить въ нетерпѣньи,
Но вѣдь *карьера* впереди...

Слѣдующее стихотвореніе написано по поводу вышедшаго распоряженія о замѣнѣ прежней формы пажей—мундира съ фалдами—казакиномъ.

ПРОЩАНІЕ СЪ МУНДИРОМЪ.

Прощай мундиръ, въ которомъ я
Такъ долго ѣздилъ со двора.
Тебя навѣки изгоняютъ
И казакиномъ замѣняютъ....
Лишь мнѣ придется воздыхать,
Когда случится вспоминать,
Съ какимъ душевнымъ наслажденьемъ.
Тебя въ субботу надѣвалъ
И со двора я удиралъ.
Теперь смотрю я съ сожалѣньемъ,
Какъ у тебя Лагренъ портной
Обрѣзалъ фалды—хвостъ тотъ милый.
Который весело, игриво,
Повсюду бѣгалъ за тобой!..

Начиная дальнѣйшее изложеніе я чувствую всю щекотливость своей задачи. Многіе изъ моихъ товарищей еще подвизаются на служебныхъ поприщахъ,— и нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, сочтутъ себя обиженными тѣмъ, что я не признаю за ними тѣхъ выдающихся способностей, которыя они себѣ приписываютъ, а иные найдутъ здѣсь оцѣнку своей бывшей дѣятельности не съ ихъ точки зрѣнія, а съ точки общественнаго мнѣнія. Все это, конечно, очень щекотливо

---

[1]) Директоръ

и трудно согласовать личныя и общественныя мнѣнія.. Въ оправданіе себѣ могу сказать только то, что для историка «личностей» не существуетъ; для него важны факты и правда, даже если бы мимоходомъ пришлось задѣть самолюбіе одного или найти ошибки у другаго.

Въ августѣ 1852 года я былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, расположеннаго тогда въ Новгородской губерніи, въ Аракчеевскихъ Селищенскихъ казармахъ, по берегу рѣки Волхова.

Полковая жизнь и служба офицеровъ до Крымской войны рѣзко отличались отъ современной; тогда службою и обученіемъ солдатъ занимались исключительно эскадронные командиры со своими непосредственными и единственными помощниками, вахмистрами. Субалтернъ-офицеры вовсе не допускались къ участію при занятіяхъ эскадрона; помню даже случай, когда къ намъ поступилъ изъ армейскаго полка молодой поручикъ, ретивый и прекрасный ѣздокъ, жаждущій со всѣмъ пыломъ помогать своему эскадронному командиру, и.... онъ не только былъ безцеремонно недопущенъ къ этому, но ему даже намекнули, что, съ его стороны, это просто нежелательная и неумѣстная выходка.

Спрашивается, что же оставалось дѣлать корнетамъ, поручикамъ и штабсъ-ротмистрамъ, составлявшимъ три четверти личнаго состава полка? Офицерскихъ столовыхъ или собраній въ то время не было и въ поминѣ, библіотеки числились только на бумагѣ и, какъ мнѣ помнится, у насъ не получали ни одного журнала. Правду сказать, всѣхъ газетъ и ежемѣсячныхъ журналовъ тогда было не болѣе пяти: «Сѣверная Пчела» и еще какая-то, заглавія которой не помню («Сынъ Отечества»?), да журналы «Современникъ», «Отечественныя записки» и «Библіотека для чтенія»; слѣдовательно, читать было не много, литература и писатели были въ загонѣ. Столовались мы по артелямъ въ три, четыре или пять человѣкъ; столъ былъ болѣе чѣмъ скромный: въ артеляхъ никогда не полагалось ни вина, ни водки.

Фуража верховыхъ лошадей, а также деньщиковъ

младшимъ офицерамъ по штату не полагалось. Состоятельныхъ офицеровъ почти не было; только одинъ сіятельный князь располагалъ лично своимъ состояніемъ и имѣлъ хорошія средства, жилъ вполнѣ прилично, но не роскошно, а потому не особенно выдѣлялся среди товарищей. Я не ошибусь, если подраздѣлю все общество офицеровъ въ имущественномъ отношеніи такъ: одинъ только получалъ въ годъ до десяти тысячъ рублей, человѣка три тысячи по двѣ, а остальные отъ 600 до 1,500 руб., причемъ болѣе тысячи врядъ ли получали человѣкъ пять. Не знаю почему, но меня считали богатымъ, хотя я получалъ съ 1852 по 1857 годъ всего по 75 рублей въ мѣсяцъ или 900 рублей въ годъ. Вотъ какъ составляются репутаціи богатыхъ людей и какъ трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ!

Вѣроятно, читателю интересно узнать, какимъ образомъ съ такими ничтожными средствами можно было служить въ гвардіи, да еще въ гусарскомъ полку, гдѣ одна венгерка въ тѣ времена стоила 65 рублей серебромъ, то спѣшу объяснить: во-первыхъ, при производствѣ я былъ экипированъ въ достаточномъ количествѣ; во-вторыхъ, въ тѣ годы не существовало зимней и лѣтней венгерокъ, была только одна на круглый годъ; въ третьихъ, такъ-какъ нашъ полкъ былъ расположенъ въ казармахъ внѣ столицы, въ глуши, то мы рѣдко носили венгерки, надѣвая ихъ только при исполненіи служебныхъ обязанностей или когда навѣщали женатыхъ товарищей, а потому, если за годъ сдѣлаешь одну новую венгерку, то этого было положительно достаточно; вообще, обмундировка не составляла для насъ главной статьи расхода. Дороже всего намъ стоилъ лагерь, когда необходимо бывало являться постоянно въ формѣ и расходовать наличныя деньги.

Хотя деньщиковъ у насъ не было, но почти у всѣхъ были свои крѣпостные, не требующіе жалованья. Какъ упомянуто было раньше, столъ былъ скромный и, какъ мнѣ помнится, не обходился дороже 20 рублей въ мѣсяцъ, чаще же всего 15—18 рублей. Развлеченій никакихъ. Мы не имѣли понятія о подпискѣ на подарки, на букеты или на пріемъ нашего высшаго начальства. Карточная игра шла по маленькой; хотя и случалась азартная игра, но старшіе офицеры, *которые въ наше*

время пользовались громаднымъ вліяніемъ на младшихъ, тотчасъ же пріостанавливали порывы увлекающихся и я не помню случая, чтобы за время моего пребыванія въ полку кто-нибудь сильно проигрался. Товарищество въ полку было на прочномъ основаніи; мы не только лично знали другъ друга, но, благодаря квартированію въ казармахъ, взаимно знали матеріальныя средства, образъ мыслей, наклонности и даже семейный бытъ.

Въ указанной обстановкѣ, послѣ нравственнаго воздѣйствія семьи и корпуса, я пробылъ въ полку девять лѣтъ, то есть до 1861 года, когда я былъ назначенъ на должность мироваго посредника, но сохранилъ мундиръ и связь съ полкомъ для производства въ полковники, оберегая, какъ самого себя, такъ и слѣдя за поступками своихъ товарищей, заботясь не уронить достоинства и чести нашихъ гродненцевъ. За все время моего пребыванія въ полку не произошло ни одной предосудительной исторіи, хотя въ промежутокъ девяти лѣтъ троихъ офицеровъ попросили оставить полкъ, но безъ всякаго скандала и по единодушному рѣшенію всего состава офицеровъ; были двѣ дуэли, окончившіяся благополучно, такъ какъ раненые выздоровѣли. Но, чтобы происходили такія возмутительныя случаи, какъ убійства, драки въ ресторанахъ, неоплатные личные долги. поручительства за товарищей на баснословныя большія суммы,—я не припомню даже.

Какъ было сказано раньше, изъ дома я получалъ немного, всего 75 руб. серебромъ въ мѣсяцъ; на такія деньги трудно было не только жить хорошо, но даже невозможно было прилично содержать себя, такъ какъ жалованье въ то время получалось по третямъ и составляло для *корнета около 70 рублей въ треть.* Прибывъ въ полкъ экипированнымъ вполнѣ хорошо, слѣдовательно обезпеченнымъ на годъ со стороны обмундированія, я привезъ наличными около 200 рублей серебромъ и не имѣлъ ни копѣйки долгу, но уже въ 1859 году мнѣ стало трудно сводить концы съ концами и я обратился къ одному портному, польскому еврею (который долго жилъ въ нашемъ собственномъ домѣ на Невскомъ и когда-то работалъ на нашу семью), прекрасно знавшему наши средства, съ предложеніемъ

шить мнѣ въ долгъ на неопредѣленное время, обѣщавъ расплатиться при первой возможности. Еврей попросилъ у меня три дня на размышленіе; совѣтовался онъ съ кѣмъ нибудь или нѣтъ, я не знаю, но предполагаю, что онъ обращался за разрѣшеніемъ къ моему отцу, такъ какъ по истеченіи трехъ дней онъ согласился къ моей радости и, дѣйствительно, безпрекословно шилъ мнѣ всю обмундировку до 1856 года, когда я получилъ свое состояніе. Даже бывали случаи, что, пріѣхавъ изъ лагеря лѣтомъ, я перехватывалъ у него 15—25 рублей. Обезпечивъ себя такимъ образомъ съ этой стороны, я получалъ въ полное мое распоряженіе всѣ назначаемыя мнѣ деньги, а если принять въ соображеніе, что мое пребываніе въ Петербургѣ мнѣ ничего не стоило, то станетъ понятнымъ, почему у меня не переводились никогда, хотя маленькія деньжонки...

Раннею весною 1854 года нашъ полкъ выступилъ въ походъ въ Финляндію и, по военному положенію, намъ стали выдавать фуражъ на три лошади и по такимъ баснословно высокимъ цѣнамъ, что въ концѣ осени (въ ноябрѣ) мы вернулись съ порядочными сбереженіями; за пудъ сѣна намъ выдавали по 1 руб. 45 коп., а за четверть овса отъ 6 до 7 рублей, покупали же мы сѣно не дороже 40 коп., а овесъ—3 рублей. Вотъ образчикъ казеннаго хозяйства!

Зиму на 1855 годъ мы провели въ Петербургѣ, а лѣтомъ отправились въ Ямбургскій уѣздъ, какъ значится въ формулярномъ спискѣ, для охраненія Балтійскаго побережья, оставаясь на военномъ положеніи. 18 февраля 1855 г. скончался императоръ Николай I, вскорѣ палъ Севастополь, а затѣмъ былъ заключенъ миръ. Осенью нашъ полкъ вернулся въ свои казармы на берегу Волхова. Въ августѣ 1856 года въ Москвѣ состоялось коронованіе Императора Александра Николаевича, а по окончаніи коронаціонныхъ празднествъ гродненскіе гусары снова вернулись въ Новгородскую губернію.

Осенью того же года, скончался мой отецъ. Хотя я былъ младшимъ въ семьѣ, но сестры и братья просили меня привести въ исполненіе духовное завѣщаніе, быть вообще распорядителемъ и привести въ ясность наше состояніе, о которомъ мы не имѣли никакого понятія.

Какъ я уже говорилъ, мы всѣ пятеро должны были, по духовному завѣщанію, наслѣдовать поровну.

Сестеръ выдѣлили и ввели во владѣніе, а сами мы раздѣлились только послѣ 19 февраля 1861 года; старшій братъ женился, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, но имѣніемъ, хотя я и остался служить въ полку, завѣдывалъ и распоряжался я, причемъ фактическое наблюденіе принялъ на себя старшій братъ Михаилъ, какъ жившій безвыѣздно на мѣстѣ.

Такимъ образомъ, наши братскія дружескія отношенія между собою дали намъ возможность вести общее хозяйство, а разумная жизнь всѣхъ троихъ не допускала прибѣгать къ займамъ подъ разными предлогами, вслѣдствіе чего явилась полная возможность не обремѣнять имѣнія долгами, улучшить наше матеріальное положеніе и мы могли даже, въ теченіи пяти лѣтъ послѣ смерти отца, уплатить оставшійся послѣ покойнаго долгъ наслѣдникамъ сенатора Абакумова, который ссудилъ когда-то (въ 1838 году) нашему отцу 100,000 рублей для покупки имѣнія, а отецъ не успѣлъ при жизни расплатиться вполнѣ (см. автобіографическія записки сенатора А. Д. Боровкова въ «Русской Старинѣ» за 1898 годъ, мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь).

Для приведенія въ исполненіе духовнаго завѣщанія, нашего семейнаго раздѣла и, вообще, ознакомленія съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, я взялъ 10-мѣсячный отпускъ и отправился въ воронежское имѣніе, гдѣ безвыѣздно пробылъ все время отпуска, хотя мнѣ было всего 23 года. Въ то время я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о деревенской глуши и о жизни въ ней, тѣмъ болѣе, что тогда не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, а почта приходила только два раза въ недѣлю; несмотря на это, я не скучалъ, а сталъ присматриваться къ сельскому хозяйству подъ руководствомъ вполнѣ опытнаго и практически знающаго управляющаго, который велъ хозяйство въ нашемъ имѣніи болѣе десяти лѣтъ при покойномъ отцѣ и, дѣйствительно, считался хорошимъ управляющимъ въ то нетребовательное время, при существовавшей барщинѣ, такъ что я и теперь могу утвердительно сказать, что,

не забывая, конечно, себя, доставлялъ хорошій доходъ и намъ, не раззоряя имѣнія и не отягощая крестьянъ.

Какъ оказалось, жизнь въ деревнѣ того времени была не скучная; многіе помѣщики жили въ своихъ помѣстьяхъ и притомъ широко, по барски и хлѣбосольно. Какъ страстный любитель лошадей, я объѣздилъ почти всѣ конные заводы какъ нашей, такъ и сосѣднихъ губерній (Харьковской, Тамбовской и Курской). Кое-что узналъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ напримѣръ, сталъ отличать плугъ отъ сохи, ознакомился, какіе хлѣба называются яровыми, а какіе озимыми, когда и какъ ихъ сѣять. Даже помню, что составилъ себѣ табличку съ указаніемъ сколько сѣмянъ того или другого хлѣба высѣвается на десятину...

Не могу пройти молчаніемъ курьезнаго случая, какъ однажды, со свойственною молодымъ лѣтамъ самонадѣянностью и гусарскимъ ухарствомъ, я влетѣлъ въ просакъ. Какъ-то въ обществѣ я вступилъ въ споръ съ опытнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщикомъ, который сразу увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ верхоглядомъ; когда рѣчь зашла о десятинахъ, онъ вѣжливо спросилъ:

— А позвольте узнать, Николай Александровичъ, вы говорите о хозяйственной или о казенной десятинѣ?

Не зная въ то время разницы (въ хозяйственной десятинѣ 3.200 квад. саж., а въ казенной 2.400 квад. саженей), я сталъ уклоняться отъ прямого отвѣта, но язвительный помѣщикъ началъ настойчиво приставать и я, наконецъ, брякнулъ:

— Разумѣется, я говорю о собственныхъ, а не о казенныхъ!...

Къ веснѣ 1858 года я вернулся въ полкъ и вступилъ въ круговоротъ обычной строевой жизни: ученье утромъ, ученье вечеромъ, лагерь, маневры, въ промежуткахъ кутежи, волокитство и тому подобное. Но для меня такая жизнь тянулась недолго, такъ какъ послѣ лагеря, въ сентябрѣ уже, я былъ удостоенъ выбора въ члены губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, отъ нашего Павловскаго уѣзда Воронежской губерніи. Этотъ лестный для молодого человѣка выборъ сильно повліялъ на меня и на всю мою будущую карьеру; я сразу попалъ въ среду дѣльныхъ, по тому времени лицъ, быть можетъ, нѣсколько

односторонних, но людей опытных, практических хозяевъ, съ установившимися убѣжденіями. Собраніе такихъ людей имѣло сильное вліяніе не только на мои неустановившіеся тогда еще взгляды, но окончательно выработало мой характеръ, а главное, положило предѣлъ моимъ, подчасъ легкомысленнымъ сужденіямъ. Послѣднія я усвоилъ, конечно, въ обществѣ свѣтской гвардейской молодежи, къ которой я принадлежалъ по своему рожденію, воспитанію и гусарской формѣ, и среди которой я вращался со времени выхода изъ пажескаго корпуса.

Съ этого времени кончилась для меня жизнь беззаботнаго гусара, а настала пора труда и заботъ общественнаго дѣятеля.

II.

Занятія въ комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Возвращеніе въ полкъ и пребываніе въ немъ до назначенія мировымъ посредникомъ.

Въ началѣ сентября 1858 г. я прибылъ въ Воронежъ, гдѣ въ скоромъ времени начались занятія губернскаго комитета, подъ зоркимъ наблюденіемъ и даже давленіемъ губернатора. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, состоялъ изъ депутатовъ, выбранныхъ дворянами по два отъ каждаго уѣзда, и двухъ членовъ отъ правительства, назначенныхъ губернаторомъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Большинство депутатовъ были люди со средствами, пользующіеся авторитетомъ не только въ своемъ уѣздѣ, но и во всей губерніи, проживающіе въ своихъ помѣстьяхъ и считающіеся опытными хозяевами, какъ люди зрѣлыхъ лѣтъ, они были убѣжденные крѣпостники, хотя среди нихъ встрѣчались и либералы, вполнѣ раздѣляющіе взгляды правительства о необходимости положить конецъ рабовладѣльчеству.

Поэтому съ самаго начала на засѣданіяхъ обозначилось два направленія: большая часть стояла, если не за удержаніе прежнихъ порядковъ, то, по крайней мѣрѣ, за отсрочку на неопредѣленное время реформы; меньшинство же, имѣя за собою молодость, образованіе,

знакомство съ заграничными порядками и прекрасныя средства, умѣряли пылъ крѣпостниковъ и, не желая своего полнаго раззоренія, разумными доводами много содѣйствовали къ разрѣшенію почти всѣхъ споровъ, принимавшихъ подчасъ острый характеръ, при опредѣленіи размѣра вознагражденія и разграниченія будущихъ отношеній, какъ личныхъ, такъ и поземельныхъ, между помѣщиками и ихъ крѣпостными.

Излагать подробно ходъ засѣданій и описывать споры и пререканія депутатовъ, при разрѣшеніи этихъ важныхъ вопросовъ—я не стану. Оно могло имѣть интересъ въ то время, но по прошествіи 40 лѣтъ теряетъ свой характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, несправедливо выдвигать тѣхъ крѣпостниковъ, которые отстаивали свои права, когда-то дарованныя закономъ, или восхвалять либераловъ, чаще рисовавшихся красивыми и трескучими фразами, (входившими въ то время въ моду), чѣмъ желающихъ искренно облегчить участь будущихъ свободныхъ землепашцевъ матеріальными жертвами. Но на основаніи этихъ прямо противоположныхъ воззрѣній и мнѣній было выработано къ назначенному сроку довольно объемистое «Положеніе», со всевозможными ссылками на дарованныя законами права и дворянскія граматы, въ сущности, не рѣшающія самаго вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Работа комитета съ журналами засѣданій и всѣми приложеніями находятся у меня, но пусть они лежатъ на полкахъ до поры до времени; можетъ быть, настанетъ время и этимъ матеріаламъ появиться въ свѣтъ, чтобы послужить наглядною иллюстраціею взглядовъ, мнѣній и сужденій крѣпостной Россіи.

Не думаю, чтобы «Положеніе» нашего комитета, а также и другихъ комитетовъ, много содѣйствовали редакціонной коммиссіи при окончательномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Онъ былъ рѣшенъ безповоротно, но болѣе мудро, справедливо и безобидно для обѣихъ сторонъ. Безсмертная и вѣчная слава и благодарность Царю-Освободителю! Честь и хвала его сотрудникамъ! А потому не стану вдаваться въ подробное разбирательство, выработаннаго комитетомъ воронежскаго дворянства положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ сказано было выше, это положеніе, въ

общемъ, нисколько не отличалось отъ работъ другихъ губернскихъ комитетовъ и разница заключалась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: періодъ срочно-обязаннаго состоянія бывшихъ крѣпостныхъ по оцѣнкѣ личности при выкупѣ и размѣръ оцѣнки земель и угодій установленъ такъ, § 21 опредѣляетъ 12-лѣтній срокъ срочно-обязанныхъ отношеній; § 154 предоставляетъ дворовымъ право выкупаться ранѣе 12-лѣтняго срока съ уплатою: за совершеннолѣтняго мужчину 200 руб.; за совершеннолѣтнюю женщину 60 руб.; за лицъ отъ 15 до 21 года половину; дѣти дворовыхъ, моложе 15-ти лѣтъ, отпускаются безъ выкупа вмѣстѣ съ родителями; въ §§ 94 и 95 опредѣленъ размѣръ платы помѣщику за каждую пахатную десятину на время пользованія ею въ періодъ 12-лѣтняго срочно-обязаннаго состоянія. Цѣны были назначены не высокія, довольно близко подходящія къ существовавшимъ въ то время, но за выгонную сѣнокосную землю плата значительно возвышена; усадебная же осѣдлость оцѣнена по 25 коп. за квадратную сажень (§ 37). Такъ какъ въ «Положеніи» нигдѣ не говорится о правѣ крестьянъ на пріобрѣтеніе въ собственность полевого надѣла, о чемъ въ комитетѣ и рѣчи не было, то крестьянамъ предоставлено было право на покупку только своей усадебной осѣдлости (§§ 39, 40 и 41) по вышеприведенной оцѣнкѣ.

Преклоняясь передъ мудрымъ въ общемъ рѣшеніемъ редакціонною коммисіею такого важнаго вопроса, не могу не указать и на пробѣлъ въ ея работѣ, касательно вопроса о полномъ прекращеніи вліянія помѣщиковъ на сельскіе и волостные сходы и правленія. Было-ли это сдѣлано умышленно или по незнанію деревни, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, но подорвались вліяніе и авторитетъ помѣщика съ униженіемъ его правъ; послѣднія ничѣмъ не были замѣнены, а потому разнузданная темная орава, почуявъ свободу и подогрѣтая дешевкою, подпала игу міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ, подъ предсѣдательствомъ волостнаго писаря, и, въ концѣ концовъ, результаты получились крайне плачевные: народъ спился, обѣднѣлъ, недоимки возрасли до громадныхъ размѣровъ и русскія деревни обратились въ раззоренныя пьянствомъ, бездѣльничествомъ и развратомъ скопища.

Думается, что судьба освобожденныхъ крестьянъ была бы нѣсколько другая, если бы редакціонная коммиссія потрудилась внимательно ознакомиться съ тою частью «Положенія», выработаннаго воронежскимъ комитетомъ, которая изложена въ главѣ VIII. Такъ, напримѣръ, § 169 гласитъ: «каждое помѣщичье имѣнье составляетъ участокъ сельскаго общества»; въ § 177 (о полицейскомъ устройствѣ въ обществѣ) сказано, что полицейское устройство въ имѣніяхъ, составляющихъ общество, имѣетъ начало въ вотчинномъ правѣ каждаго помѣщика, а исполнительныя по оному дѣйствія возлагаются на лицъ, выбранныхъ изъ крестьянъ. Далѣе, глава IX, озаглавленная «Права и отношенія помѣщиковъ», заключаетъ въ себѣ 28 параграфовъ, въ которыхъ встрѣчается не мало практически полезныхъ указаній, обнаруживающихъ предусмотрительность составителей. Приведемъ примѣры: въ § 225 говорится, что помѣщику въ своемъ имѣньи присвоивается званіе попечителя общества; § 227 даетъ помѣщику право воспрещать крестьянамъ, поселеннымъ на его землѣ, возводить новыя строенія, измѣняющія положеніе улицъ, застроивать площади, переулки и пустыя мѣста между дворами, которыя оставлены въ видахъ предупрежденія отъ пожаровъ, а также возводить всякія постройки или промышленныя заведенія, своею нечистотою и зловоніемъ наносящія селенію вредъ и безпокойство; § 234 предоставляетъ помѣщику право, не вмѣшиваясь непосредственно въ распоряженія общества, принимать жалобы крестьянъ на неправильность такихъ распоряженій, требовать объясненій отъ деревенскаго начальства и, если будетъ усмотрѣна его несправедливость, передавать о поступкѣ старосты суду общественной управы, а о неправильныхъ распоряженіяхъ управы сообщать мірскому судьѣ. Вообще, въ «Положеніи» роль помѣщика ясно опредѣлена въ смыслѣ попеченія и огражденія крестьянъ отъ могущихъ быть произвола и притѣсненій, имѣя въ виду традиціи русскаго дворянства въ коренномъ призваніи каждаго помѣщика охранять и защищать меньшую братію, своихъ крѣпостныхъ, отъ всякой неправды и самоуправства. Какъ извѣстно, для выработки «Положенія» былъ назначенъ 6-мѣсячный срокъ, но пока всѣ депутаты съѣхались,

ознакомились между собою, подѣлились впечатлѣніями, произведенными на нихъ созывомъ комитета, позлословили, да пошутили, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ что на серьезную работу осталось немного болѣе трехъ мѣсяцевъ; поэтому комитетъ рѣшилъ обратиться, черезъ губернатора, къ министру внутреннихъ дѣлъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія продлить срокъ еще на три мѣсяца, въ виду невозможности всесторонняго обсужденія этого важнаго, общегосударственнаго вопроса. Но по всему было замѣтно, что правительство не придавало особаго значенія трудамъ губернскихъ комитетовъ и желало скорѣе покончить этотъ гуманный по идеѣ вопросъ.

Въ одинъ прекрасный день губернаторъ собралъ насъ у губернскаго предводителя и торжественно, даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, сообщилъ намъ полученное отъ министра увѣдомленіе, что наше ходатайство отклонено; затѣмъ онъ обратился къ намъ съ такими словами: «Господа, объявляя вамъ прочитанное мною сообщеніе г. министра, я, съ своей стороны, не могу не замѣтить, что я удивлялся и удивляюсь теперь вашему ходатайству, ибо, зная васъ всѣхъ лично и слѣдя за вашими занятіями, я никогда не сомнѣвался, чтобы комитетъ, при такомъ блестящемъ и даровитомъ личномъ составѣ, не могъ выполнить въ шесть мѣсяцевъ Высочайше возложенной на него задачи».

Мода писать стихи на злобу дня и вообще осмѣивать людскія слабости представителей губернскаго общества не миновала Воронежа; въ одинъ прекрасный день появились довольно остроумные стихи мѣстнаго зоила-поэта на комитеты:

Le comité,
Говорятъ,
Des deputés
Говорятъ,
На счетъ душъ,
Говорятъ,
Порятъ чушь,
Говорятъ,
Ты мужланъ,
Говорятъ,
Ты болванъ,
Говорятъ,
На печи,
Говорятъ,
Ты лежи,
Говорятъ.
А земли,
Говорятъ,
И не проси.
Говорятъ.

Въ то доброе старое время жизнь въ губернскихъ городахъ на зиму оживлялась наѣздомъ помѣщиковъ, у которыхъ были барышни-невѣсты, а въ годъ губернскихъ выборовъ, что повторялось каждое трехлѣтіе, почти всѣхъ дворянъ, не только проживающихъ постоянно въ деревнѣ, но нарочно пріѣзжающихъ на выборы изъ обѣихъ столицъ. Въ февралѣ 1859 года долженъ былъ состояться съѣздъ дворянъ для выборовъ какъ уѣздныхъ предводителей, такъ равно и губернскаго, а если добавимъ, что почти всѣ семьи депутатовъ съ осени переѣхали въ Воронежъ, къ тому же два послѣднихъ года были урожайные, цѣны на хлѣбъ, по случаю окончанія крымской войны, стояли высокія, объ оскудѣніи дворянъ и помину не было, — то можно себѣ представить, какъ губернія веселилась: красавицъ было много, о рахитикахъ и нервныхъ никто понятія не имѣлъ и въ мужской молодежи недостатка не было, такъ какъ въ самомъ городѣ помѣщались квартиры двухъ полковъ, артиллерія, корпусный штабъ и два начальника дивизій со своими штабами. Жизнь была не дорога, денегъ много, а желанія повеселиться еще больше, и дѣйствительно, балы, обѣды, спектакли безъ перерыва слѣдовали одинъ за другимъ; театръ былъ вновь выстроенъ заботами губернатора на деньги откупщика, труппа была очень хорошая, и жилось весело и беззаботно. Мѣстный поэтъ-зоилъ, вдохновленный какимъ-то аристократическимъ баломъ, писалъ:

Плясалъ полковникъ тамъ .... скій,
Забывъ жену, забывъ дѣтей,
Межъ тѣмъ какъ дома мразъ чертовскій
Пробралъ ихъ бѣдныхъ до костей....

Послѣ шумной зимы наступилъ великій постъ, выборы окончились, занятія комитета были на исходѣ и всѣ стали разъѣзжаться. Губернскій городъ опустѣлъ, все вошло въ свою колею. Красавицы перекочевали въ столицы, но слава о ихъ красотѣ и романическихъ исторіяхъ долго гремѣла отъ береговъ Невы до тихаго

Дона..., mais comme tout passe, такъ и мои воспоминанія покрылись дымкою забвенія.

Къ концу сезона отношенія губернатора съ губернскимъ предводителемъ обострились на столько, что последній, несмотря на единогласное избраніе, не былъ утвержденъ въ должности; однако, вскоре онъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ качестве члена редакціонной коммиссіи, а губернаторъ покинулъ нашу губернію. Считаю нужнымъ посвятить несколько строкъ этому деятелю, Н. П. Синельникову. Такихъ дельныхъ, честныхъ, заботливыхъ и доступныхъ губернаторовъ я не встречалъ за всю мою долгую жизнь не только въ нашей губерніи, въ которой за сорокъ летъ ихъ сменилось четырнадцать, но и въ целомъ ряде другихъ губерній, куда приходилось ездить какъ по собственнымъ, такъ и по служебнымъ деламъ; я могу, съ сожаленіемъ, подтвердить положительно, что такихъ полезныхъ деятелей въ Россіи немного, а если и есть, то ихъ не умеютъ или не хотятъ отъискивать и привлекать на государственную службу. Бедная Россія! Какъ нуждается она, между темъ, въ такихъ людяхъ!

Къ Пасхе я вернулся въ полкъ, въ которомъ оставался до назначенія меня въ мировые посредники; пребываніе въ полку, съ апреля 1859 по іюнь 1861 года, пролетело быстро. Зимы я проводилъ въ Петербурге, танцуя и ухаживая; хотя въ 1861 году я былъ уже ротмистромъ, но эскадрономъ не командовалъ, такъ какъ после войны полки изъ 8-эскадроннаго состава были сокращены до 5-эскадроннаго: четыре действующихъ и пятый резервный, и старшихъ офицеровъ въ полку было более, чемъ полагалось по штату; такъ какъ субалтернъ-офицеры не допускались къ занятіямъ съ солдатами, то нашъ новый полковой командиръ, принадлежавшій къ высшему обществу, человекъ гуманный, образованный, светскій и смотревшій на офицеровъ не черезъ очки манежа и конюшни, поощрялъ въ насъ посещеніе общества и, видя въ этомъ средство умственнаго развитія и пріобретенія хорошихъ манеръ, никогда не препятствовалъ желающимъ ехать въ Петербургъ, самъ много выезжалъ и любилъ встречать въ высшемъ столичномъ кругу своихъ офицеровъ.

Съ первой недели поста приступали къ эскадроннымъ ученьямъ и полкъ начиналъ готовиться къ Высочайшему смотру, который всегда происходилъ въ начале іюня въ Царскомъ-Селе, при переходе нашемъ изъ зимней стоянки въ Новгородской губерніи въ Красносельскій лагерь. По выправке нашъ полкъ считался въ гвардейской кавалеріи однимъ изъ лучшихъ и изъ лихихъ; мы этимъ гордились и всеми силами старались поддерживать установившуюся и заслуженную репутацію; этого point d'honneur въ полку было много.

Лето 1859 года я провелъ на даче въ Царскомъ-Селе, такъ какъ былъ прикомандированъ къ 5-му резервному эскадрону, который на лето отделялся отъ полка и входилъ въ составъ Царскосельскаго гарнизона, не принимая никакого участія въ красносельскихъ ученіяхъ, смотрахъ и маневрахъ, потому что въ немъ находились молодыя лошади и рекруты последняго набора. Службы никакой, дачная жизнь и посещенія Павловска, где въ то время игралъ знаменитый оркестръ Штрауса, оставили во мне пріятное воспоминаніе. Каждую осень я бралъ 28-дневный отпускъ и отправлялся въ воронежское именіе, чтобы собирать доходы, поддерживать связь съ деревнею, понабраться силъ, а затемъ снова жуировать зимою въ Петербурге. Выезжая много, я посещалъ все слои общества, начиная съ аристократическихъ салоновъ, бывалъ у финансовой знати, у своихъ сослуживцевъ, не пренебрегалъ будуарами знаменитыхъ кокотокъ; владычество и сильное вліяніе некоторыхъ изъ нихъ доходило въ те годы до апогея, такъ что многихъ изъ своихъ protégés оне выводили въ люди. Боже, что за роскошь была! Какія громадныя состоянія на моихъ глазахъ исчезали безследно въ альковахъ этихъ красавицъ-космополитокъ. Какъ весело и безпечно жилось!

Но я забежалъ впередъ..., а потому возвращаюсь къ іюню 1861 года, то есть ко времени вступленія моего въ должность мироваго посредника.

Я вовсе не искалъ этой лестной и почетной должности и даже о своемъ назначеніи узналъ совершенно случайно изъ газетъ, въ конце мая готовясь идти въ лагерь во главе эскадрона, командиромъ котораго только что былъ назначенъ, по дошедшей до меня очереди.

И такъ, совершенно неожиданно я очутился, вместо

глотанія пыли и надрыванія голоса на военномъ Красносельскомъ полѣ, дѣятелемъ и исполнителемъ величайшей реформы царствованія Императора Александра II, освобожденія крестьянъ отъ вѣковой крѣпостной зависимости. Я не въ силахъ описать того восторженнаго чувства и той гордости, съ которыми приступилъ къ своей новой дѣятельности. Кромѣ очевидной пользы, которую я могъ принести добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей въ качествѣ мироваго посредника, я могъ составить уставныя граматы (этотъ краеугольный камень реформы) по всѣмъ нашимъ имѣніямъ, ознакомиться ближе со своими собственными средствами и, наконецъ, совершить раздѣлъ между нами, братьями, доставшагося намъ по наслѣдству большаго воронежскаго помѣстья.

Для военныхъ, назначенныхъ мировыми посредниками, предоставлены были слѣдующія льготы: числиться въ полку, а потому носить мундиръ все время пребыванія въ посредникахъ, жалованье 1.500 рублей, а главное, жить въ деревнѣ и имѣть возможность устроить свои дѣла на новыхъ началахъ, вслѣдствіе упраздненія дароваго труда, слѣдовательно, возможность выясненія своего матеріальнаго положенія на будущее время.

Простясь съ полкомъ, я уѣхалъ въ началѣ іюня, не предполагая, что служить въ любимомъ полку мнѣ болѣе не придется; втянувшись въ деревенскую жизнь, ведя большое хозяйство, увеличивая постепенно запашки, я совершенно отсталъ отъ строевой службы.

Совсѣмъ забылъ упомянуть о странной аномаліи, существовавшей не только въ нашемъ, но во всѣхъ кавалерійскихъ полкахъ: продать своему товарищу-однополчанину негодную для фронта лошадь не считалось дѣломъ предосудительнымъ. Не понимаю до сихъ поръ, какъ это неприглядное барышничество совмѣщалось съ рыцарски строгими традиціями во всѣхъ другихъ случаяхъ повседневной жизни. Въ утѣшеніе, развѣ можно замѣтить, что это практиковалось не только между товарищами-офицерами, но многіе полковые командиры, даже иногда корпусные, не были этому чужды. Получался, какъ бы косвенный налогъ на молодыхъ офицеровъ, уплачиваемый въ пользу старшихъ.

Причемъ въ одну изъ поѣздокъ, кажется въ сентябрѣ 1860 года, проѣзжая на извѣстный конскій заводъ Станкевича, въ 30 верстахъ отъ Острогожска въ Воронежской губерніи, мнѣ пришлось неожиданно быть свидѣтелемъ бунта крестьянъ въ одномъ селѣ, въ которое для усмиренія былъ вытребованъ баталіонъ солдатъ и гдѣ происходила экзекуція непокорныхъ, заключающаяся въ сѣченіи чуть-ли не десятаго. Заинтересованный, такъ какъ я никогда не видалъ экзекуціи, я остановился на нѣсколько часовъ, чтобы узнать причину бунта; съ того времени прошло сорокъ лѣтъ, но я до сихъ поръ чувствую себя возмущеннымъ, не проявленіемъ волненія среди крестьянъ, но принятыми административными мѣрами, считавшимися тогда необходимыми и поэтому даже законными. Дѣло было такъ: нѣсколько селеній Острогожскаго уѣзда порѣшили на сходѣ не пить водки, а потому не посѣщать кабаковъ; это рѣшеніе крестьянъ было признано за своевольство и даже за бунтъ, наносящій ущербъ государственнымъ интересамъ, такъ какъ откупа составляли чуть не двѣ трети государственнаго бюджета и самые откупщики были всесильны. И вотъ за то, что крестьяне рѣшили воздержаться отъ пьянства, ихъ сочли за бунтовщиковъ и ввели цѣлый баталіонъ для понужденія посѣщать кабаки. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ, хотя самъ былъ очевидцемъ!... Не припомню, да врядъ-ли была такая мѣра примѣнена когда-нибудь къ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которые составляли приговоры, чтобы не открывать и не посѣщать школы и казалось бы, что результаты воздѣйствія оказались бы различными..

Кстати здѣсь тоже вспомнить и о томъ, что до 1858 года никогда *«о волѣ»* (освобожденіи крестьянъ) не упоминалось, никто не помышлялъ и разговоры объ этомъ въ гостинныхъ не велись; только съ созыва депутатовъ отъ дворянствъ въ губернскіе комитеты спеціально по этому вопросу, стали поговаривать, да и то по большей части въ полголоса и преимущественно на французскомъ языкѣ, а если кто громко затѣвалъ разговоръ объ этомъ предметѣ, да еще на русскомъ языкѣ и при слугахъ, то тотчасъ же слышалось «finissez, devant les gens»!...

III

Служба мировымъ посредникомъ съ 1861 по 1866 г. Деревня и помѣщики того времени. Введеніе земства и гласнаго суда.

Въ началѣ іюня я пріѣхалъ въ деревню и тотчасъ же вступилъ въ исполненіе моей новой должности. Въ нашемъ уѣздѣ было всего два мировыхъ участка; въ моемъ, первомъ, считалось семь волостей съ населеніемъ немного болѣе 16 тысячъ душъ, а во второмъ было тоже семь волостей, но душъ немного менѣе.

Что меня болѣе всего удивило, такъ это то, что до моего пріѣзда никто не исправлялъ моихъ обязанностей и, такимъ образомъ, со дня обнародованія Высочайшаго манифеста въ первыхъ числахъ марта до іюня, крестьяне были предоставлены сами себѣ, управлялись безъ посторонней помощи, а потому мнѣ не отъ кого было принимать должности. Это только можетъ служить доказательствомъ мудрости нашего русскаго народа, который, освободившись отъ вѣкового рабства, не предался своеволію, пьянству, разгулу и буйству.

Я засталъ уже открытыми всѣ волостныя правленія, съ волостными старшинами во главѣ, и весь обычный составъ волостного суда и сельскихъ управленій, избранныхъ вполнѣ осмысленно и вступившихъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Весь комплектъ выбранныхъ должностныхъ лицъ, не исключая даже волостныхъ писарей (впослѣдствіи главной язвы сельской общины), былъ удачный и всѣ оказались трезвыми, стойкими, разумными и пользующимися уваженіемъ и авторитетомъ среди своихъ односельчанъ; они у помѣщиковъ также считались хорошими, исправными домохозяевами. Великъ Богъ земли Русской!..

Помѣщиковъ въ моемъ участкѣ числилось 36; изъ этого числа 14 было крупныхъ, владѣвшихъ отъ 200 до 1,000 душъ (у одного было девять тысячъ душъ), а остальные 22 составляли мелкопомѣстныхъ, обладавшихъ не болѣе 2—18 душъ и жившихъ въ собственныхъ домахъ (скорѣе простыхъ избахъ) среди государственныхъ крестьянъ одного большого села. На основаніи положенія 19 февраля крестьяне такихъ помѣщиковъ не надѣлялись землею, а оставались въ услу-

женіи у своихъ господъ наравнѣ съ дворовыми, то есть оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ два года (по 19 февраля 1863 года), а затѣмъ получали увольнительныя свидѣтельства. Изъ крупныхъ помѣщиковъ только у четверыхъ крестьяне были на барщинѣ, а у остальныхъ они платили оброкъ, причемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ этотъ оброкъ былъ ниже нормальной оцѣнки, опредѣленной «Положеніемъ» для нашего Павловскаго уѣзда.

Что крестьяне до 1861 года не относились враждебно къ своимъ помѣщикамъ, а слѣдовательно совершенно напрасно, въ угоду господствовавшихъ тогда воззрѣній, помѣщики были устранены отъ бывшихъ своихъ крестьянъ, доказывается въ слѣдующемъ письмѣ (30 апрѣля 1864 г.) князя М. С. Воронцова ко мнѣ: «Я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше черезъ депутатовъ отъ Воронцовскихъ крестьянъ-собственниковъ, поднесшихъ мнѣ св. икону съ благодарственнымъ адресомъ отъ своего общества. Принявъ отъ нихъ этотъ знакъ вниманія къ добрымъ отношеніямъ, существовавшимъ всегда между нами и выразивъ имъ въ отвѣтѣ моемъ, желаніе мое и надежду видѣть продолженіе этихъ взаимно-пріятныхъ чувствъ и въ будущемъ, я пользуюсь настоящимъ отъѣздомъ ихъ (изъ Одессы), чтобы поблагодарить искренно и Васъ за любезное посредничество, которое Вамъ угодно было принять въ этомъ случаѣ.—Выраженное въ письмѣ Вашемъ желаніе крестьянъ-собственниковъ имѣть въ обществѣ своемъ портреты, мой и жены моей, я, къ сожалѣнію, не могъ исполнить теперь же, по неимѣнію у меня таковыхъ готовыхъ, какъ и выразилъ это посланнымъ изустно, обѣщавъ имъ прислать таковые въ общество при первой возможности».

Одновременно кн. Воронцовъ написалъ письмо къ своимъ прежнимъ крестьянамъ, въ которомъ, между прочимъ, было высказано слѣдующее: «По волѣ Нашего Всемилостивѣйшаго Государя произошла та великая реформа, которая, вызвавъ къ самостоятельной жизни миллионы людей, служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ будущаго богатства и величія нашего отечества. Благодаря этой счастливой реформѣ, вы теперь собственники, люди свободные и земледѣльцы, граждане великаго нашего

государства, ваша будущность въ вашихъ рукахъ, отъ васъ зависитъ повести великое дѣло къ великому успѣху. Въ страхѣ Божіемъ, въ повиновеніи законнымъ властямъ, въ трудахъ собственныхъ и въ воспитаніи дѣтей вашихъ достигнете вы той цѣли, къ которой мы всѣ должны стремиться и которая для насъ всѣхъ одна: это прославить нашу великую православную Русь.

Старыя отношенія наши измѣнились, не измѣнились лишь сердечное желаніе вашего счастія и благословенія, перешедшее ко мнѣ отъ отца и дѣда и всегда во мнѣ существовавшее. Какъ при введеніи новаго «Положенія», такъ и впредь я всегда буду стремиться къ сохраненію нашихъ старыхъ взаимныхъ дружескихъ чувствъ и къ устройству отношеній нашихъ на обоюдно справедливыхъ и обоюдно выгодныхъ условіяхъ, какъ слѣдуетъ между добрыми сосѣдями».

Иконы были поднесены крестьянами еще М. С. Гаряинову и кн. И. В. Гагарину. Эти факты были своевременно отмѣчены и въ «Воронежскихъ Губ. Вѣдом.» была помѣщена (1864 г. № 22) слѣдующая статья:

Въ Павловскомъ уѣздѣ, въ слободахъ: Воронцовкѣ—имѣніи свѣт. кн. М. С. Воронцова, Петровкѣ — М. С. Гаряинова и Михайловкѣ—кн. И. В. Гагарина, крестьяне, движимые чувствомъ благодарности за прошлыя оказанныя имъ благодѣянія, рѣшились предложить своимъ бывшимъ владѣльцамъ, въ знакъ памяти и признательности, золотыя семейныя иконы, съ изображеніемъ святыхъ—тезоименниковъ каждаго владѣльца съ его семействомъ. Изъ трехъ заказанныхъ съ этою цѣлью иконъ, одна, въ слоб. Михайловкѣ, была поднесена въ знаменательное для крестьянъ число—19 февраля этого года, утромъ, послѣ молебствія, лично князю И. В. Гагарину съ семействомъ; въ слободахъ Воронцовкѣ и Петровкѣ владѣльцы не живутъ, а потому крестьяне этихъ слободъ отправили иконы—къ князю С. М. Воронцову, съ депутаціей отъ себя, въ Одессу, гдѣ онъ служитъ градскимъ главою, а къ М. С. Горяинову, по мѣсту его жительства въ настоящее время, въ Женеву, при письмѣ съ выраженіемъ своихъ чувствъ.—Для того же, чтобы память о благодѣяніяхъ этихъ помѣщиковъ сохранилась вѣчно въ дальнѣйшемъ потомствѣ крестьянъ, они, при поднесеніи образовъ, просятъ у владѣльцевъ ихъ семейныхъ портретовъ, которые желаютъ поставить въ мѣстныя сельскія училища. Мѣсто это, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе приличествуетъ для этихъ портретовъ, тѣмъ болѣе, что названные помѣщики принимали дѣятельное участіе въ образованіи крестьянъ. Ими же, или съ ихъ пособіемъ, открылись и училища.

а) Въ Воронцовкѣ—училище, по методѣ Ланкастера, открыто владѣльцемъ еще въ 1820 году. Нынѣ имъ пожертвованъ домъ, занимаемый училищемъ, каменный, подъ желѣзною крышей, и ежегодно выдается 200 руб. сер. на жалованье учителю. Вообще должно замѣтить, что крестьяне этой слободы вполнѣ сознаютъ пользу грамотности; доказательствомъ этого служитъ и то, что они, сверхъ существующаго у нихъ училища, въ которомъ обучается до 200 мальчиковъ, открываютъ еще 2-е училище, на устройство котораго опредѣлена сумма 1000 руб. сер. (700 р. на покупку дома и 300 р. на первоначальное обзаведеніе). Нѣтъ сомнѣнія, что училище это будетъ существовать на прочныхъ и хорошихъ началахъ, тѣмъ болѣе, что наблюденіе за устройствомъ его принялъ на себя мировой посредникъ Н. А. Боровковъ.

б) Въ Петровкѣ—школа открыта, если не ошибаемся, въ прошломъ году, при содѣйствіи того же мирового посредника. Н. А. Боровковъ, кромѣ этой школы, открылъ въ своемъ участкѣ еще четыре—въ Михайловкѣ, Александровкѣ, Кислѣ и Семеновкѣ. Владѣлецъ Петровки, М. С. Гаряиновъ, пожертвовалъ для этого училища домъ и постоянно не оставляетъ его своею помощью. Кстати о Петровскомъ училищѣ: при немъ образовывается въ настоящее время библіотека, большею частью изъ книгъ, жертвуемыхъ помѣщикомъ и окрестными жителями. Къ сожалѣнію, о составѣ библіотеки мы ничего не можемъ сказать въ настоящее время. Къ этому должно прибавить, что Петровское училище пользуется лучшей репутаціей изъ вновь открытыхъ въ Павловскомъ уѣздѣ; главный виновникъ этого—наставникъ училища, состоящій при Петровской помѣщичьей экономіи, Н. Т. Ключанскій, человѣкъ еще молодой, но пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, принявшій на себя обязанность учителя безмездно. Кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ вообще въ приходскихъ училищахъ,

г. Ключанскій знакомитъ своихъ учениковъ съ наиболѣе необходимыми грамматическими правилами и, вкратцѣ, съ отечественною исторіею и географіею. Учащихся въ училищѣ болѣе 50.

в) Въ Михайловкѣ—училище также не было оставлено пожертвованіями со стороны помѣщика. Замѣчательно, что въ устройствѣ его принимали участіе и всѣ окрестные жители всѣхъ сословій. Мальчиковъ въ этомъ новооткрытомъ училищѣ до 40; обученіемъ занимается приходскій дьячекъ,—какъ слышно, довольно успѣшно.

Недоимокъ не было. Слободы и села представлялись скорѣе зажиточными, почти вездѣ на крестьянскихъ гумнахъ стоялъ необмолоченный хлѣбъ въ скирдахъ; лошадей и воловъ въ достаточномъ количествѣ. Въ моемъ участкѣ было два сахарныхъ и пять винокуренныхъ заводовъ; кабаковъ, при существовавшихъ тогда откупахъ, оказалось ограниченное количество, особеннаго пьянства не замѣчалось. Крестьянскіе усадебные участки были обстроены хорошо и въ порядкѣ. Въ каждой помѣщичьей усадьбѣ можно было найти разныхъ мастеровыхъ, какъ-то: токарей, столяровъ, плотниковъ, кузнецовъ, маляровъ, слесарей, портныхъ, сапожниковъ и пр.

Большинство населенія составляли хохлы (малоруссы) и самый малый процентъ великоруссы. Малорусскія деревни, всѣ безъ исключенія, отличались хозяйственностью, а также внутреннею чистотою; хохлы чистоплотны, хозяйки ихъ домовиты и замѣчательно опрятно содержатъ своихъ дѣтей и свои жилища, у великоруссовъ вездѣ грязь, неряшливость, но деньгами они богаче. Грамотныхъ среди хохловъ значительно больше; школа существовала одна и содержалась исключительно на счетъ помѣщика (князя Воронцова), преподаваніе въ ней велось по ланкастерской системѣ; въ остальныхъ селахъ грамотности обучали причетники, а чаще все отставные солдаты за невысокую плату.

Въ строгомъ смыслѣ крѣпостниками въ моемъ участкѣ можно было считать только двухъ помѣщицъ; и дѣйствительно, обѣ онѣ были такія злостныя, что я, въ силу предоставленной мнѣ власти, долженъ былъ уволить двухъ ихъ работниковъ изъ дворовыхъ ранѣе двухъ лѣтъ, то есть ранѣе 19 февраля 1863 года. Неесмотря

на принесенныя на меня жалобы мировому съѣзду и губернскому присутствію, послѣднее не отмѣнило моего распоряженія; это поразило помѣщицъ такъ, что онѣ выѣхали обѣ изъ нашего уѣзда и этимъ былъ положенъ предѣлъ ихъ жестокимъ притѣсненіямъ и насильственнымъ вымогательствамъ разнаго рода.

Съ остальными помѣщиками я былъ настолько хорошъ, что они, почти всѣ, предоставили мнѣ составленіе уставныхъ граматъ, а потому большая часть послѣднихъ составлялась у меня по обоюдному соглашенію и даже, гдѣ было нужно переселеніе крестьянъ, и тамъ все совершалось по обоюдному соглашенію. У меня хранится нѣсколько благодарственныхъ адресовъ по этому поводу отъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Такъ, княземъ Воронцовымъ было написано, 14 сентября 1862 года, особое письмо слѣдующаго содержанія: «Оказавъ съ моей стороны возможное содѣйствіе къ благополучному исходу дѣла, устройства крестьянъ Воронцовскихъ и Семеновскихъ, я долгомъ считаю поблагодарить Васъ отъ души за участіе Ваше въ этомъ благомъ дѣлѣ и просить Васъ принять выраженіе совершеннаго моего къ Вамъ почтенія и преданности».

Была высказана благодарность еще г-жей Лагоріей (письмо отъ 25 апрѣля 1862 г.), которая «не находила словъ, чтобы выразить чувствительную признательность за обязательное вниманіе». Далѣе въ письмѣ указывалось: «Вы такъ добры были, что приказали составить для меня уставную грамоту, которую я подписала».

Къ началу 1864 года, благодаря моимъ хорошимъ отношеніямъ къ помѣщикамъ, во всѣхъ семи волостяхъ мною открыты школы. Дома пожертвованы помѣщиками, а въ нѣкоторыхъ школахъ тѣ же помѣщики приняли на себя и жалованье учителямъ. Такимъ образомъ, грамотность стала распространяться въ моемъ участкѣ довольно быстро и даже въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ волостяхъ было открыто по нѣсколько школъ, какъ. напримѣръ, въ Воронцовской, Семеновской и Петровской. Результаты могли быть еще лучше и процентъ грамотныхъ возвысился бы значительно болѣе, если бы мнѣ не запретили снабжать школы книгами на малорусскомъ нарѣчіи въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ большинство населенія составляли хохлы. Изъ Воронежа мнѣ дали знать,

что губернскій училищный совѣтъ этого не разрѣшаетъ и мнѣ пришлось поневолѣ изъять изъ всѣхъ только что начавшихъ составляться сельскихъ библіотекъ всѣ находившіяся тамъ изданія въ прозѣ и стихахъ на малорусскомъ нарѣчіи. А жаль! Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, любовью и охотою подростки учили малорусскія пѣсни и стихотворенія, а по праздникамъ и вечеринкамъ распѣвали ихъ въ своихъ семьяхъ и среди родныхъ на болѣе понятномъ мѣстномъ нарѣчіи. Въ этомъ административномъ запретѣ я и теперь вижу недальновидность слишкомъ ретивыхъ преслѣдователей сепаратизма (въ данномъ случаѣ хохломаніи) того времени... Вѣдь цензура существовала, стало быть дозволенныя цензурою изданія не могли быть вредными для народныхъ школъ, тѣмъ болѣе постоянно находящихся подъ надзоромъ мирового посредника, провѣряемаго въ этомъ отношеніи членами-ревизорами училищнаго совѣта.

Хотя до поступленія въ мировые посредники я служилъ въ гусарскомъ полку, но, какъ было упомянуто раньше, сестры и братья поручили мнѣ, послѣ смерти отца, веденіе всѣхъ нашихъ дѣлъ, а потому я, болѣе или менѣе, ознакомился съ гражданскою перепискою въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и вывелъ заключеніе, что у насъ, въ нашей бюрократической Россіи, главное зависитъ отъ формализма а очень важно имѣть, на всякій случай, «бумажку» за №. А потому первымъ дѣломъ послѣ пріѣзда въ деревню, предвидя массу столкновеній между помѣщиками и крестьянами, только что освобожденными отъ крѣпостной зависимости и поставленными, на основаніи «Положенія», въ совершенно новыя отношенія къ своимъ бывшимъ безконтрольнымъ рабовладѣльцамъ,—мнѣ необходимо было пріискать письмоводителя честнаго и знакомаго съ существовавшими законами, такъ какъ ему приходилось бы, по неволѣ, чаще моего непосредственно сноситься, переговаривать и объясняться съ крестьянами, которые не сразу, при ихъ недовѣрчивости къ помѣщику, возникшей вслѣдствіе вѣкового крѣпостничества, установили правильно свои отношенія къ мировому посреднику, все-таки принадлежащему къ той же средѣ помѣщиковъ; пока мы не заслужили лично довѣрія, намъ по неволѣ приходилось дѣйствовать черезъ письмоводителей, доступъ къ которымъ, какъ къ чиновникамъ, былъ для крестьянъ легче, а отношенія въ разговорахъ сердечнѣе и откровеннѣе, потому что чиновники не принадлежали къ сословію дворянъ-помѣщиковъ и не владѣли душами. И мнѣ дѣйствительно посчастливилось въ высшей степени найти хорошаго, а главное, добраго человѣка, опытнаго по дѣлопроизводству, какъ занимавшаго раньше должность столоначальника и въ губернскомъ правленіи, и въ гражданской палатѣ.

Самому мнѣ пришлось изучать «Положеніе» и знакомиться съ должностными лицами волостныхъ правленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ присматриваться къ существующимъ среди крестьянъ мѣстнымъ обычаямъ. По воскресеньямъ и праздникамъ я объѣзжалъ волости, присутствовалъ при рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, предоставляя, по возможности, бывшимъ крѣпостнымъ самимъ рѣшать всѣ мелкія недоразумѣнія, притязанія и споры между собою; довольно скоро мнѣ пришлось убѣдиться, какъ много здраваго смысла у нашего русскаго крестьянина и какъ всѣ рѣшенія волостныхъ судовъ того времени были разумны и справедливы. Но надо добавить, что въ волостныхъ судахъ того времени водка и волостные писаря не играли той первенствующей роли, какъ впослѣдствіи, когда ни одинъ приговоръ волостного суда не сталъ обходиться безъ дѣятельнаго участія того и другого; причина этого печальнаго явленія возникла въ 1864 году, когда наши мировыя учрежденія стали перекраиваться на обще-россійскій чиновничій ладъ съ появленіемъ адвокатовъ (большею частью изъ упраздненныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ), подстрекающихъ крестьянъ къ возбужденію всевозможныхъ исковъ и кляузъ. Въ то же время появилась дешевка (водка), а при отсутствіи «Сельскаго устава», обѣщаннаго «Положеніемъ 19 февраля» и до сихъ поръ (1899 г.) не появившагося на свѣтъ, давалась возможность адвокатамъ путать еще болѣе не совсѣмъ окрѣпшія и установившіяся отношенія крестьянъ къ своимъ бывшимъ господамъ. Наконецъ, несовершенства самого «Положенія», еще болѣе запутаннаго разными разъясненіями и дополненіями (часто противорѣчащихъ между собою) въ министерскихъ циркулярахъ, написан-

ныхъ притомъ чиновничьимъ языкомъ. Появленіе указанныхъ причинъ можно считать началомъ растлѣнія нашей деревни, упадка твердой власти съ введеніемъ многовластія, общаго пьянства и преобладанія надъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ волостныхъ писарей и кабатчиковъ. Мировые посредники перваго призыва, предвидя послѣдствія и лишенные новымъ направленіемъ, идущимъ свыше, своей самостоятельности, стали отказываться отъ этой почетной должности и были замѣнены...

Результаты неустойчивости, колебаній, распущенности и пьянства начали быстро проявляться, и въ деревнѣ сдѣлалось невозможнымъ жить: конокрадства, поджоги, своевольства, лѣсныя порубки, потравы и пр., въ большинствѣ случаевъ остававшихся нерозысканными и безнаказанными, выжили дворянъ изъ деревни. Это я положительно утверждаю, потому что при такой разнузданности крестьянъ и ихъ своеволія, вести хозяйство оказалось невозможнымъ: появились Колупаевы и Разуваевы, деревня преобразилась, пошли рубки лѣсовъ, вѣковыхъ садовъ и съ какимъ-то остервенѣніемъ пошло общее раззореніе, доведшее всѣхъ до настоящаго печальнаго положенія. Боже! На что стали похожи усадьбы и какъ хищнически повели хозяйство. Опять-таки скажу прямо, что всякія министерства земледѣлія, комиссіи, съѣзды всѣсвѣдущихъ и прочія модныя затѣи окажутся безсильными поднять упавшее дворянство и ихъ хозяйство. Одно средство: перевоспитаніе и пріученіе къ разумной разсчетливости, а для этого надо время, время и время, да сознаніе самого дворянства въ этомъ.

Къ концу лѣта я уже пріобрѣлъ довѣріе крестьянъ, которые всегда имѣли доступъ ко мнѣ. Никогда не собиралъ сходовъ въ будни, зная, какъ это тягостно ложится на крестьянина, отзывая его отъ полевыхъ работъ, затѣмъ всѣ споры и жалобы крестьянъ между собою, а также крестьянъ на помѣщиковъ, разбиралъ въ волостныхъ правленіяхъ гласно и почти всѣ претензіи оканчивалъ въ тотъ же день; тутъ же писалъ постановленіе и приказывалъ немедленно приводить его въ исполненіе. Сначала помѣщики, а особенно ихъ управляющіе, отнеслись недружелюбно къ такому гласному судопроизводству; многимъ такое нововведеніе было

непріятно, а нѣкоторые даже находили такой гласный судъ для себя оскорбленіемъ, такъ какъ приходилось давать показанія при всѣхъ, да еще въ волостномъ правленіи! Такъ какъ я положительно объявилъ, что всѣ дѣла между крестьянами (а также дворовыми) и помѣщиками я буду разбирать только въ волостныхъ правленіяхъ, то имъ по неволѣ пришлось подчиниться, а между тѣмъ этому гласному судопроизводству я обязанъ былъ большимъ сокращеніемъ пустыхъ придирокъ и несостоятельныхъ претензій, часто возникавшихъ изъ-за личныхъ отношеній.

Затѣмъ я часто провѣрялъ уплаты крестьянами всѣхъ повинностей, для чего сличалъ отмѣтки въ ихъ квиткахъ и биркахъ съ записью въ книгахъ и тѣмъ провѣрялъ сборщиковъ податей, принимающихъ платежи, и волостныхъ писарей, записывающихъ поступленія. Эта работа, кажущаяся неважною, имѣетъ громадное значеніе въ быту крестьянъ, такъ какъ аккуратное записываніе служитъ гарантіею, что внесенныя деньги не растрачены. Но много было мнѣ хлопотъ, пока я не привелъ эту часть въ должный порядокъ; однако, благодаря этому, въ моемъ участкѣ почти не было недоимокъ, такъ какъ съ самаго вступленія своего въ должность, я обратилъ на это свое вниманіе. Тоже много способствовало прекращенію недоимокъ мое требованіе, чтобы крестьяне вносили платежи круглый годъ, а не такъ, какъ практиковалось прежде, когда оброки, подушные и вообще всѣ повинности начинали собирать за мѣсяцъ до назначеннаго срока. Причина, почему я приказалъ собирать всѣ налоги въ теченіе цѣлаго года, была та, что крестьянину легче заплатить 30 рублей въ нѣсколько сроковъ, по мелочамъ, чѣмъ разомъ; и дѣйствительно, результатъ оказался блестящимъ.

Самою тягостною и раззорительною повинностью для крестьянской семьи въ то время была рекрутская, ибо военная служба того времени, по своей долгосрочности, 25-ти лѣтняго отчужденія отъ семьи и въ самую лучшую пору жизни, совсѣмъ отстраняло крестьянъ отъ участія въ наслѣдствѣ и пользованіи землею, да и отдача въ солдаты людей порочныхъ, въ видѣ наказанія, только прекратилась съ введеніемъ всеобщей воинской повин-

ности; часто наполняли ряды войскъ отбросами и порочными членами сельскаго населенія. И вотъ почему вошло въ обычай при объявленіи рекрутскихъ наборовъ, намѣченныхъ лицъ, изъ опасенія ихъ укрывательства и побѣговъ, до сдачи въ рекрутскія присутствія, содержать закованными при волостныхъ правленіяхъ; такой порядокъ я засталъ при первомъ рекрутскомъ наборѣ въ бытность свою посредникомъ, кажется въ 1863 году. Само собой я былъ крайне возмущенъ этимъ и при первомъ своемъ посѣщеніи волости, я ихъ всѣхъ освободилъ, какъ ни старались полицейскія и сельскія власти меня убѣдить, что эта мѣра необходима и что если ихъ оставить на свободѣ, то они всѣ разбѣгутся; но я настоялъ на своемъ, приказавъ ежедневно являться въ волостное правленіе, чтобы быть убѣжденнымъ, что они всѣ на лицо, а въ случаѣ неявки тотчасъ принять мѣры къ ихъ отысканію; для удержанія ихъ, я сознаюсь, прибѣгнулъ къ водкѣ, негласно приказавъ выдавать имъ по чаркѣ ежедневно и вообразите, что ни одинъ не сбѣжалъ, а когда ихъ привели въ уѣздный городъ для сдачи, то они съ пѣснями прослѣдовали черезъ весь городъ до рекрутскаго присутствія. Оказанное мною имъ довѣріе польстило ихъ самолюбію, котораго весьма много у хохловъ и подняло ихъ во мнѣніи односельчанъ, т. к. до этого ихъ называли колодочниками (кондалы крестьяне называютъ колодками). Мнѣ удалось приводить въ исполненіе рекрутскій наборъ безъ подкуповъ и безъ поголовнаго спаиванья всего схода, и притомъ самымъ простымъ способомъ, а именно: на всѣхъ сходахъ, при назначеніи рекрутовъ, я тутъ же спрашивалъ родныхъ о правильности распоряженій схода; если оказывались нарушенія, то на томъ же сходѣ предлагалъ выслушать жалобщиковъ, а такъ, какъ сходъ былъ трезвый, вслѣдствіе моего присутствія, и о вымогательствѣ выпивки не могло быть и рѣчи, то вопросъ о правильномъ назначеніи рѣшался быстро и почти всегда справедливо. Этимъ я избавлялся впослѣдствіи отъ разбора претензій, когда недовольные имѣли право, по закону, обжаловать постановленіе схода въ мировомъ съѣздѣ, а послѣдній, со своей стороны, опять-таки по закону, обязанъ былъ передать жалобу мировому посреднику для разслѣдованія и опроса схода; между

тѣмъ, рекруту забривался лобъ и онъ сдавался въ солдаты, а возвращался только тогда (что случалось черезъ годъ и даже позднѣе), когда жалоба окажется основательною. Поэтому семьи раззорялись, такъ какъ на цѣлый годъ лишались работника, да и самая сдача сопровождалась большими расходами.

На раскладкѣ и провѣркѣ общественныхъ суммъ, производимыхъ сходомъ, я всегда присутствовалъ, причемъ часто требовалъ внезапныхъ повѣрокъ книгъ, особенно денежныхъ, подъ непосредственнымъ моимъ руководствомъ и при нѣсколькихъ понятыхъ.

Вотъ какъ дѣйствовало большинство мировыхъ посредниковъ перваго призыва, вынесшіе на своихъ плечахъ безъ всякихъ сильныхъ потресеній эту величайшую реформу, доказавъ на дѣлѣ, что русское дворянство, безпредѣльно преданное Монарху, всегда готово стать во главѣ всякой реформы, задуманной Имъ, тѣмъ болѣе, если, она клонится къ силѣ, пользѣ и преуспѣшности ихъ отечества.

Прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ, а память о высокополезной дѣятельности первыхъ мировыхъ посредниковъ нисколько не померкла и сохранилась по настоящее время.

Почти всѣ уставныя грамоты, кромѣ двухъ, были составлены по обоюдному соглашенію; всѣ переселенія, гдѣ они были необходимы, совершились также по соглашенію. Казалось бы, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ и, полномъ довѣріи крестьянъ ко мнѣ, все должно было бы и окончиться хорошо,—но увы! Благодаря опять неустойчивости и послабленіямъ правительства, а также немудрой мѣрѣ, заключающейся въ разселеніи поляковъ, замѣшанныхъ въ польскомъ возстаніи, не исключая поляковъ—военныхъ (въ полкахъ, расположенныхъ въ западныхъ губерніяхъ, находилось не мало лицъ польскаго происхожденія, которыя не желали драться противъ своихъ собратьевъ; имъ всѣмъ предоставили право перейти въ полки, квартирующіе во внутреннихъ губерніяхъ и даже обѣщали выдать прогоны на проѣздъ до новаго мѣста ихъ служенія. Предоставляю читателямъ оцѣнить это распоряженіе, способствующее пропагандѣ польскихъ идей!), по внутреннимъ губерніямъ, крестьяне рѣзко измѣнились, стали ожидать «золотой

воли», появились прокламаціи, поджигатели, цѣлыя деревни стали выгарать, а власти бездѣйствовали, никогда ничего не открывали, никого не поймали и не уличили. Тѣмъ временемъ деревни горѣли, среди крестьянъ появились разные смутные слухи, во многихъ мѣстахъ обнаружилось неповиновеніе и, наконецъ, въ ожиданіи «золотой воли», крестьяне перестали платить оброкъ, а правительство, вмѣсто того, чтобы при первомъ появленіи непослушанія поступить энергично, приказало намъ, негласнымъ путемъ, не принимать никакихъ строгихъ мѣръ, а ожидать марта 1863 года, такъ какъ это было окончаніемъ двухъ-лѣтняго срока, упомянутаго въ «Положеніи». При этомъ наивно разсчитывали, что крестьяне убѣдятся, послѣ двухъ-лѣтняго срока, что никакой «золотой воли» не будетъ, сами образумятся и тогда все пойдетъ своимъ порядкомъ. Неудачное редактированіе статьи, включенной въ общую часть «Положенія» и касающейся дворовыхъ людей, которые два года (1861—1863) оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ, дало поводъ злоумышленникамъ перетолковать эту статью въ томъ смыслѣ, что черезъ два года, по объявленіи манифеста, всѣ будутъ свободны, а потому съ 1863 года никакихъ оброковъ и повинностей платить не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что вся помѣщичья земля поступитъ въ собственность крестьянъ.

Эти слухи и вообще все, что творилось тогда въ Россіи, исходило отъ польскаго ржонда и руководилось имъ. Мнѣ это было извѣстно уже въ то время и я своевременно сообщалъ кому слѣдуетъ, но все оставлялось безъ вниманія и никакихъ мѣръ не предпринималось для розысканія источника смутъ и разслѣдованія, до того было ослѣплено наше недальновидное и наивно довѣрчивое правительство титулованными и хорошо подготовленными агентами іезуитско-польской интриги, стремящейся вызвать разладъ и недовольство во всей Россіи съ цѣлью подорвать довѣріе народа къ самодержавной власти. Этимъ объясняется двойственность большей части мѣропріятій того времени: съ одной стороны искренно заботились о благѣ и процвѣтаніи отечества, съ другой же вводили многовластіе и взаимный контроль, а въ народѣ сѣяли смуты и вызывали раздраженіе, умышленно бестактнымъ примѣненіемъ гуманности и репрессивныхъ

мѣръ; все это сопровождалось либеральными разглагольствованіями, при удобныхъ случаяхъ, о томъ, что въ западной Европѣ живется лучше и легче, такъ какъ тамъ конституціонная форма правленія.

Наконецъ, наступилъ 1863 годъ. Крестьяне одной изъ волостей, въ числѣ безъ малаго 3,000 душъ, стали уклоняться отъ взноса оброка, но прямого сопротивленія пока не оказывали; узнавъ объ этомъ, я тотчасъ отправился и, собравъ сходъ, принялся убѣждать ихъ не задерживать платежей, опираясь на то, что у нихъ уставныя граматы составлены по обоюдному соглашенію, слѣдовательно это актъ добровольный, а всякое добровольное соглашеніе обязательно. Но никакія мои доводы не могли ихъ убѣдить; оставаясь въ полномъ повиновеніи, они положительно всѣмъ сходомъ объявили, что ожидаютъ «золотой воли», а потому платить оброка не будутъ. Такъ продолжалось январь и февраль; я почти ежедневно ѣздилъ уговаривать ихъ, доносилъ губернатору, просилъ принять строгія мѣры, потому что другія волости, видя упорство съ одной стороны и непринятіе никакихъ мѣръ къ понужденію съ другой, также пріостановили взносы платежей, въ ожиданіи, чѣмъ окончится вся исторія. Тѣмъ временемъ, изъ Воронежа мнѣ присылали предложенія ничего не предпринимать и ожидать 7 марта (вторая годовщина объявленія въ Воронежской губерніи манифеста 19 февраля 1861 года), такъ какъ сами крестьяне, убѣдясь, что въ этотъ день не будетъ объявлено никакихъ милостей и льготъ, сдѣлаются послушными и примутся вносить слѣдуемые налоги. О, либерально-чиновничья мудрость!..

Само собою понятно, что 7 марта прошло, а крестьяне и не думали платить. Тогда я поѣхалъ въ губернскій городъ и прямо заявилъ, что послѣдствія могутъ быть очень плачевныя и неповиновеніе можетъ принять громадные размѣры, такъ какъ уже почти весь уѣздъ пересталъ платить, и я имѣю свѣдѣнія, что изъ сосѣдней Тамбовской губерніи прибыли крестьяне съ цѣлью узнать, чѣмъ все это окончится; если и теперь правительство не приметъ энергичныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, то черезъ нѣсколько недѣль придется усмирять не одинъ нашъ уѣздъ, но всю губернію. Только тогда начальство рѣшилось послать губернскаго жан-

дармскаго штабъ-офицера и въ распоряженіе ему данъ былъ цѣлый баталіонъ.

Возвратясь обратно въ свой участокъ, я еще разъ поѣхалъ и умолялъ крестьянъ повиноваться, но, при полномъ порядкѣ и безъ шума, вся громада объявила, что платить не будетъ. Впослѣдствіи сами крестьяне говорили мнѣ, что если бы съ самаго начала были приняты болѣе строгія мѣры, то никогда никакого ослушанія не возникло, но видя, что правительство ничего не предпринимаетъ, крестьяне заключили, что они правы. Явился на мѣсто баталіонъ и началась экзекуція; послѣ наказанія двадцати человѣкъ, упорствующіе сдались, тутъ же на площади поставленъ былъ столъ и крестьяне начали вносить оброки. Главные виновники были, конечно, задержаны и преданы суду; началось слѣдствіе, тянувшееся два года, и коноводы непослушанія были посажены въ острогъ. Слѣдя за ходомъ слѣдствія и узнавъ, что главнаго виновника сошлютъ въ Сибирь, я отправился въ Воронежъ и обратился къ губернскому прокурору Александру Алексѣевичу Шахматову, моему пріятелю, человѣку передовому и энергичному, съ просьбою указать мнѣ способъ или разрѣшить своею властью взять мнѣ главнаго бунтовщика (какъ тогда называли) на поруки, такъ какъ окончательное рѣшеніе его судьбы зависѣло отъ прокурора; при этомъ я добавилъ, что считаю подсудимаго человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, но введеннымъ въ заблужденіе, благодаря его неграмотности, вліянію неблагонадежныхъ лицъ, сбившихъ его разными росказнями, и бездѣятельностью правительственныхъ лицъ; наконецъ, я разсказалъ прокурору, откуда идутъ разные темные толки въ народѣ и что до появленія у насъ ссыльныхъ поляковъ все шло благополучно, ни о какой «золотой волѣ» никто не слыхалъ, да и опустошительныхъ пожаровъ не было.

Разрѣшеніе я получилъ и недѣли черезъ двѣ имѣлъ удовольствіе взять на поруки содержавшагося два года въ острогѣ временно-обязаннаго крестьянина слободы Александровской, свѣтлѣйшаго князя С. М. Воронцова, Ефима Оголева. Онъ вполнѣ оправдалъ мое довѣріе и продолжалъ быть честнымъ, домовитымъ земле-

пашцемъ; своимъ вмѣшательствомъ я спасъ человѣка имѣвшаго четверыхъ дѣтей, отъ полнаго раззоренія.

Разсказанная экзекуція является единственнымъ темнымъ пятномъ въ моей дѣятельности, какъ мирового посредника; до этого я гордился своими отношеніями къ крестьянамъ и довѣріемъ ко мнѣ какъ ихъ, такъ и помѣщиковъ. Какъ было указано раньше, мой участокъ считался образцовымъ, но вотъ, благодаря самому правительству, пославшему изъ польскихъ и ополяченныхъ губерній къ намъ завѣдомыхъ враговъ Россіи, появились воззванія, пропаганда, поджоги и непослушанія не только у меня, но во всей губерніи.

Въ теченіе второй половины 1863 года и въ продолженіи 1864 года всѣ крестьяне моего участка перешли на выкупъ, но при этомъ произошло слѣдующее: желая облегчить крестьянамъ уплату выкупныхъ платежей и зная существованіе статьи «Положенія», въ которой опредѣленно сказано, что выкупные платежи заключаются въ процентахъ за выданную ссуду помѣщику, а извѣстный процентъ отчисляется на погашеніе ссуды, которая ежегодно возростаетъ, и что разрѣшается сумму, причитающуюся въ погашеніе выданной ссуды (капитальный долгъ) вносить выкупными свидѣтельствами, принимая ихъ по нарицательной цѣнѣ, и какъ въ это время биржевая цѣна выкупныхъ свидѣтельствъ стояла на 30% ниже нарицательной, то я составилъ табличку съ вычисленіемъ, сколько каждой волости приходится ежегодно платить процентовъ и сколько въ погашеніе капитала. Такъ какъ въ большинствѣ волостей моего участка числилось отъ 1,500 до 4,000 душъ, то погашеніе капитала составляло довольно значительную сумму и съ остающимися въ пользу крестьянъ 30% экономіи давало порядочное подспорье въ общемъ расходѣ.

Но каково было мое удивленіе, когда казначейство отказалось принимать выкупныя свидѣтельства въ уплату, ссылаясь на то, что на этотъ предметъ не имѣется указаній казенной палаты. Немедленно я полетѣлъ въ Воронежъ и, будучи хорошо знакомъ съ управляющимъ казенной палаты, просилъ его немедленно послать въ казначейство предписаніе, но и здѣсь потерпѣлъ пораженіе, потому что въ казенной палатѣ

мнѣ сообщили, что на этотъ предметъ они не получали изъ Петербурга никакого указанія. По неволѣ пришлось подождать разрѣшенія изъ Петербурга, но вмѣсто того мнѣ вскорѣ намекнули конфиденціально, чтобы я это дѣло оставилъ. Вотъ и извольте служить, стараться приносить пользу и облегчать участь бѣдныхъ крестьянъ, объясняя смыслъ Высочайше дарованныхъ имъ правъ по «Положенію»; но не говоря о возмутительной несправедливости относительно крестьянъ, это окончательно подрывало довѣріе и уваженіе къ мировому посреднику, ихъ единственному защитнику.

Царилъ полнѣйшій разладъ въ дѣйствіяхъ главныхъ представителей государственной власти общей безурядицѣ и отсутствію крѣпности государственной системы управленія, въ зависимости отъ лицъ поставленныхъ случайно во главѣ главныхъ управленій въ концѣ концовъ сбили съ толку и правительство, и народъ. И такъ во всемъ. Постоянно получались министерскіе циркуляры, противорѣчащіе другъ другу и часто искажающіе смыслъ «Положенія», которымъ мы, посредники, должны были руководствоваться. При такихъ порядкахъ въ высшихъ сферахъ честное и справедливое исполненіе своихъ обязанностей мировыми посредниками было невозможно и я подалъ прошеніе объ отчисленіи, но самъ остался жить и хозяйничать въ деревнѣ.

Въ 1865 году въ нашей губерніи были введены земскія учрежденія, прекрасныя по мысли, такъ какъ веденіе всего хозяйства въ уѣздѣ предоставлялось самимъ плательщикамъ, безъ различія сословій. Но трудно было ожидать, чтобы лица, не умѣющія вести своего собственнаго хозяйства, по безпечности и неразсчетливости, вдругъ проявили бы способности, соблюдали бы общіе интересы и экономно расходовали бы земскія суммы. Дворянство оскудѣло; духовенство, вслѣдствіе своего ненормальнаго положенія, вполнѣ зависимаго отъ прихода, не пользовалось особымъ довѣріемъ и вліяніемъ; купцы и мѣщане-землевладѣльцы, по причинѣ своего кулачества, также не пользовались авторитетомъ; а крестьяне, большею частью безграмотные и не успѣвшіе еще привыкнуть къ самостоятельной дѣятельности, легко подчинялись какому-нибудь краснобаю-пустомелѣ

и, къ сожалѣнію, не высказывали своихъ мнѣній; хотя между ними были разумные, но, увы, пользы отъ нихъ ждать нечего было. Такъ какъ съ введеніемъ земства открылись платныя мѣста и пресловутый общественный пирогъ, то появилась масса жаждущихъ заполучить какую-нибудь должность и интригамъ между гласными открылось широкое поприще. Результатъ 35-лѣтней дѣятельности передъ нами! Налоги увеличились, дороги остались такими же непроѣздными, какъ и были, подъема экономическаго благосостоянія не замѣтно, хотя надобно отдать справедливость земству: оно открывало школы и оказывало кое-какую дѣятельность относительно врачебной части, увеличивъ число земскихъ врачей, а о земскихъ больницахъ стали поговаривать въ обществѣ.

Кажется, въ 1867 году открытъ гласный судъ и вступили въ должность мировые судьи. Гласный судъ былъ встрѣченъ всѣмъ населеніемъ восторженно, въ немъ видѣли и надѣялись встрѣтить полное безпристрастіе судей и невозможность облекать дѣла, подобно бывшимъ присутственнымъ мѣстамъ, канцелярско-судейскою тайною. Выборъ первыхъ мировыхъ судей палъ на дѣйствительно достойныхъ людей. Но въ скоромъ времени общее направленіе въ Россіи такъ измѣнилось, что появились судьи, пожелавшіе идти въ тонъ общаго концерта, желавшіе, во чтобы-то ни стало, оправдывать «меньшую братію», даже въ ущербъ справедливости и фактамъ, лишь бы обвинить стоящихъ повыше и принадлежащихъ къ интеллигенціи. Общее растлѣніе коснулось, отчасти, и этой благородной должности, мирового судьи, такъ какъ выборы ихъ происходятъ въ земскомъ собраніи, гдѣ главными вершителями являются не лучшіе люди уѣзда, составляющіе меньшинство, а главари партій, умѣющіе искусстно подчинять себѣ большинство гласныхъ. Но все-таки гласный судъ положилъ навсегда предѣлъ возмутительнымъ рѣшеніямъ дореформенныхъ судовъ. Впрочемъ, трудно было бороться съ броженіемъ умовъ, охватившемъ тогда Россію, при неустойчивости самого правительства и легкомысліи стоящихъ во главѣ высшихъ учрежденій.

Вотъ почему при всей моей любви къ хозяйству и деревенской жизни, пребываніе въ деревнѣ стало для меня невозможнымъ. Вслѣдствіе потворства судей къ неис-

полненію крестьянами договоровъ, безнаказанности конокрадства, поджоговъ, потравъ, порубокъ и повальнаго пьянства, веденіе хозяйства сдѣлалось немыслимымъ, я продалъ свое насиженное и прекрасно устроенное, незаложенное имѣніе и переселился въ Петербургъ.

У меня сохранился экземпляръ «Положенія», въ которомъ я собственноручно отмѣчалъ противъ каждой статьи всѣ разъясненія, циркуляры, поясненія и дополненія министерства внутреннихъ дѣлъ, появившіеся за время моей службы мировымъ посредникомъ. О, Боже, какое получилось собраніе противорѣчій, искаженій и затѣмненій основныхъ статей «Положенія»! Извольте съ такими неустойчивыми правительственными лицами исполнять свои обязанности и проводить въ жизнь дарованныя Высочайшею властью новыя права освобожденнымъ отъ рабства крестьянамъ, когда министерство почти ежедневно перетолковывало все по своему. Бѣдная Россія!

Въ бытность мою мировымъ посредникомъ мнѣ было предложено кн. Черкасскимъ перейти на службу въ Польшу, съ обѣщаніемъ назначить меня губернаторомъ одной изъ польскихъ губерній. Но такъ какъ въ то время мы съ братьями еще не раздѣлились, я еще не устроилъ своего имѣнія, да на рукахъ у меня было въ опекѣ большое имѣніе, тоже неустроенное и обремененное долгомъ почти въ полмилліона, я не могъ выѣхать изъ деревни и оставить всѣ дѣла на произволъ судьбы тѣмъ болѣе, что положеніе опекаемой мною особы было отчаянное. И такъ по долгу дружбы, я счелъ себя нравственно обязаннымъ привести въ порядокъ запущенное имѣніе моего друга и окончить всѣ дѣла по опекѣ, пожертвовавъ для этого сулящимъ мнѣ въ недалекомъ будущемъ блестящею карьерою, мѣстомъ губернатора.

При отказѣ моемъ отъ должности мирового посредника и при окончательной ликвидаціи всѣхъ дѣлъ съ деревней, когда я рѣшился переѣхать окончательно въ Петербургъ, я, по неволѣ и къ сожалѣнію, вынужденъ былъ сложить съ себя званіе предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, къ обязанностямъ котораго я всегда весьма серьезно относился, сочувствуя школьному дѣлу и постоянно поощряя процвѣтаніе крестьянскихъ школъ; подтвержденіемъ чего можетъ служить то, что къ концу

1864 г., послѣ трехлѣтняго моего пребыванія мировымъ посредникомъ, въ моемъ участкѣ, благодаря моимъ хорошимъ отношеніямъ къ помѣщикамъ, во всѣхъ семи волостяхъ моего участка были школы. Большинство помѣщиковъ дали помѣщенія, а другіе приняли на себя уплату жалованья учителямъ. Желая хоть чѣмънибудь оказать на будущее время содѣйствіе и помощь къ поощренію тѣхъ крестьянскихъ мальчиковъ, которые пожелали бы продолжать ученіе по окончанію курса въ гимназіяхъ или прочихъ училищахъ и перейти въ высшія спеціальныя заведенія въ столицахъ, но по бѣдности и недостатку средствъ ихъ родителей лишены были бы этой возможности, я, при отъѣздѣ, препроводилъ въ Павловскій уѣздный училищный совѣтъ небольшую сумму для выдачи первымъ двумъ мальчикамъ изъ крестьянъ Павловскаго уѣзда Воронежской губ., которые пожелаютъ продолжать свое образованіе. При этомъ я установилъ правила, которыми училищный совѣтъ долженъ былъ руководствоваться при выдачѣ этихъ денегъ, а именно: 1) необходимымъ условіемъ была выдача училищнымъ совѣтомъ удостовѣренія, что мальчики окончили курсъ въ гимназіи или въ какомълибо ремесленномъ или земледѣльческомъ училищѣ; 2) деньги должны выдоваться съ наросшими %; 3) во всякомъ случаѣ сумма выдаваемая одному лицу должна быть не менѣе 100 руб., если появится нѣсколько достойныхъ конкурентовъ. Но вотъ прошло уже 30 лѣтъ и никто не явился за полученіемъ ассигнованной мною суммы, хранящейся въ уѣздномъ казначействѣ и достигшей болѣе 1,000 руб.; нельзя надѣяться, что и въ будущемъ найдутся желающіе поступить въ высшія учебныя заведенія; такъ измѣнились взгляды и направленіе самаго общества въ Россіи въ послѣднее время въ томъ смыслѣ, что стали трезвѣе и практичнѣе и крестьяне убѣдились что имъ и прежде гораздо болѣе пользы принесутъ хорошіе мастеровые, необходимые въ каждой деревнѣ, чѣмъ кандидаты правъ, профессора, доктора философіи и прочіе мудрые люди; тѣмъ болѣе, что врядъ ли можно надѣяться, чтобы они вернулись опять въ свою крестьянскую среду. Поэтому я рѣшилъ къ пожертвованнымъ мною ранѣе деньгамъ присоединить 2 десятины усадебной земли и въ бывшемъ моемъ имѣ-

нiи устроить ремесленную школу, для распространенiя въ народѣ практическихъ знанiй по различнымъ ремесламъ, въ которой могли бы обучаться крестьянскiе мальчики ремесламъ первостепенной важности и необходимымъ въ крестьянскомъ обиходѣ. Съ Божiею помощью и если позволитъ здоровье, то съ будущей весны приступлю къ осуществленiю моего намѣренiя, тѣмъ болѣе, что не имѣя собственной земли при бывшемъ нашемъ селѣ, я обратился къ моей племянницѣ Е. М. Главче, владѣтельницѣ бывшей нашей усадьбы, которая, какъ добрая женщина, съ свойственной ей отзывчивостью, тотчасъ же изъявила свое согласiе уступить мнѣ необработанную десятину усадебной земли, прилегающей къ границѣ селенiя. Такимъ образомъ остается пока выработать и составить планъ устройства школы и приступить къ его осуществленiю.

Не могу не разсказать какимъ образомъ въ 1867 г. возникла у меня мысль учредить вышеупомянутыя стипендiи. Встрѣтивъ въ одной семьѣ студента-гувернера, приглашеннаго на вакацiонное время въ деревню для занятiя съ дѣтьми, я какъ-то съ нимъ разговорился о житьѣ-бытьѣ студентовъ и вотъ онъ мнѣ подробно описалъ, какъ трудно бѣднякамъ, прiѣхавшимъ въ столицу для поступленiя въ университетъ, безъ знакомствъ съ грошами въ карманѣ, устроиться въ началѣ, пока не найдется уроковъ или какихъ-либо постороннихъ занятiй; разсказалъ, что онъ самъ испыталъ въ первое время по пребытiи въ Петербургъ. Жилъ въ углу, питался больше чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, разстроилъ свое здоровье, пролежалъ въ больницѣ и только случайно нашелъ урокъ въ богатомъ домѣ. Онъ мнѣ сознался, что бывали дни, когда онъ положительно хотѣлъ наложить на себя руки, но будучи религiознымъ человѣкомъ, онъ пересиливалъ малодушiе; возвратиться въ деревню онъ не могъ, потому что въ университетъ поступилъ противъ воли родителей и въ заключенiе своего разсказа сказалъ, что если студентъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть обезпеченъ квартирой и столомъ, то немного энергичный человѣкъ всегда сумѣетъ обезпечить свое существованiе на остальное время своего студенчества, но главное, это первое время, когда безъ души знакомыхъ попадешь въ большой городъ, положительно многимъ

не подъ силу эта борьба за существованiе и махнувъ рукой, добавилъ: много талантливыхъ честныхъ натуръ изъ нашего брата погибли безъ возврата.

IV.

Возвращенiе на жительство въ Петербургъ.—Причисленiе къ военному министерству.—Полное мое бездѣйствiе по службѣ.—Поѣздки за-границу.—Война 1877 года.—Моя служба въ тылу армiи.

Покончивъ всѣ дѣла по продажѣ своего имѣнiя, я возвратился на постоянное жительство въ Петербургъ, гдѣ поселился опять на нашей общей семейной квартирѣ и на прежнихъ условiяхъ, то есть съ извѣстною ежегодною платою и общимъ хозяйствомъ. Жизнь потекла мирно, дружно, и если не роскошно, то и не бѣдно, явилась возможность много выѣзжать, такъ какъ свободнаго времени оказалось не мало. Будучи произведенъ въ полковники, съ отчисленiемъ отъ полка и причисленiемъ къ военному министерству, разумѣется безъ содержанiя, я имѣлъ полную надежду, что скоро получу какое-нибудь назначенiе, такъ какъ привыкъ работать; я поучился, прiобрѣлъ нѣкоторую опытность, занимая должности мирового посредника, мирового судьи и предсѣдателя мирового съѣзда, а, проживя нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и лично ведя хозяйство, также прiобрѣлъ нѣкоторую опытность по хозяйственнымъ вопросамъ. Къ сожалѣнiю, ждать мнѣ пришлось долго, никто ничего не предлагалъ, а самъ я просить не умѣлъ и не хотѣлъ. Такимъ образомъ, будучи совершенно свободнымъ, я ежегодно ѣздилъ за границу, гдѣ съ особенною пользою внимательно осматривалъ заграничныя хозяйства и поражался, какъ мы во всемъ отстали по этой части и какъ варварски ведемъ свое собственное хозяйство, не сознавая, что идемъ неминуемо къ разоренiю. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 30 лѣтъ, но мы нисколько не измѣнились и послѣдствiя оказались въ рядѣ полныхъ неурожаевъ. Можетъ быть, такая печальная дѣйствительность заставитъ нашихъ землевладѣльцевъ очнуться и приняться серьезно, толково и научно за обработку полей и не возлагать надежды и не ожидать чего-то необыкновеннаго, вродѣ манны небесной, отъ новорожденнаго министерства земледѣлiя.

И такъ, имѣя много свободнаго времени и обладая хотя не большимъ, но наличнымъ капиталомъ, я могъ легко быть вовлеченнымъ въ разные проекты, аферы и концессіи, сильно развившіяся въ то время; и дѣйствительно, надо было обладать сильнымъ характеромъ, чтобы устоять отъ соблазнительныхъ предложеній разныхъ прожектеровъ, которыми Петербургъ въ то время (1867—1876 гг.) былъ переполненъ. Не проходило недѣли, чтобы ко мнѣ не являлись лица разныхъ національностей и положеній, предлагая вступить въ компанію для постройки желѣзныхъ дорогъ или чего-нибудь другого, причемъ, разумѣется, требовали отъ меня, безъ всякихъ гарантій, моихъ денегъ или же выдавали вновь введенныя ими соблазнительныя промессы, то есть, что въ случаѣ полученія концессіи, мнѣ обезпечивалось участіе въ дѣлѣ. И сколько наивныхъ людей, моихъ хорошихъ пріятелей, попались на эту удочку, одни отдавъ свои сбереженія, другіе заложивъ имѣнія и, въ концѣ-концовъ, оказавшихся безъ денегъ и съ неоплатными долгами. А все жажда наживы! Да, какъ вспомнишь это время лихорадочнаго стремленія спекулировать во чтобы-то ни стало! Дѣйствительно, трудно было устоять отъ заманчивыхъ и соблазнительныхъ обѣщаній, тѣмъ болѣе имѣя примѣръ въ быстрой наживѣ бѣднаго чиновника Д. на постройкѣ Рязанской желѣзной дороги.

Впрочемъ, и я не устоялъ, тоже вступилъ въ двѣ компаніи, но поставилъ условіемъ быть принятымъ въ число распорядителей, чтобы всегда знать, въ какомъ положеніи находится предпріятіе, и контролировать отчетность. По порученію общества я ѣздилъ на мѣсто эксплуатаціи и убѣдившись въ безсодержательности предпріятія, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія правленія, но мнѣ не повѣрили; ихъ ослѣпленіе было такъ сильно, что на первомъ же собраніи, послѣ моего возвращенія, у меня купили мои паи, возвратили внесенныя мною деньги и даже насмѣялись надъ моею мнительностью; затѣмъ продолжали дѣло безъ меня, но не прошло двухъ лѣтъ, какъ дѣло оказалось убыточнымъ и всѣ затраченныя на него деньги безповоротно потерянными. Въ другомъ предпріятіи, казавшемся на первый взглядъ крайне выгоднымъ, я ознакомился съ заключеннымъ

долгосрочнымъ контрактомъ и будучи знакомъ съ мѣстными условіями той губерніи, въ которой предполагалась дѣятельность общества, предвидѣлъ и предугадалъ неминуемые убытки вслѣдствіе положительной невыгодности заключеннаго контракта; благодаря этому, я во время отказался отъ участія и тѣмъ спасъ себя отъ большихъ потерь, такъ какъ общество черезъ годъ убѣдилось въ невыгодности предпріятія, рѣшило лучше уплатить обусловленную контрактомъ неустойку и ограничиться тѣми убытками, которые оказались по день уничтоженія контракта.

Двукратная неудача въ попыткахъ скораго обогащенія принятіемъ участія въ двухъ вышеуказанныхъ предпріятіяхъ, къ счастію для меня окончившаяся безубыточно, сдѣлала меня еще болѣе осторожнымъ и несговорчивымъ на всевозможныя соблазнительныя предложенія. Благодаря моей твердости характера, я сохранилъ свой небольшой капиталъ. А какія заманчивыя предложенія дѣлались и даже навязывались!

Въ кругу пріятелей и въ водоворотѣ свѣтской жизни, съ болѣе или менѣе обезпеченными средствами, быстро пронеслось время моей служебной бездѣятельности до объявленія русско-турецкой войны въ апрѣлѣ 1877 года.

Въ концѣ мая я былъ вызванъ въ Бухарестъ съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи начальника военныхъ сообщеній, моего пріятеля, знакомаго съ характеромъ моей пятилѣтней дѣятельности въ бытность мою мировымъ посредникомъ, такъ какъ онъ состоялъ въ то время командиромъ полка, квартирующаго въ Павловскомъ уѣздѣ, въ районѣ моего участка. Хотя онъ былъ гораздо старше меня, но мы съ тѣхъ поръ уже подружились. Такихъ честныхъ людей и съ такими высоко нравственными и религіозными убѣжденіями, какъ былъ генералъ Василій Васильевичъ Каталей, мнѣ въ жизни не часто приходилось встрѣчать. Онъ былъ убитъ шальною турецкою пулею, даже не въ дѣлѣ, а при передвиженіи во главѣ своего отряда съ одной позиціи на другую. Миръ праху твоему, незабвенный другъ, доблестный воинъ и безупречный человѣкъ.

По прибытіи въ Бухарестъ, я тотчасъ же былъ назначенъ завѣдывающимъ эвакуаціею раненыхъ по узкоколейной желѣзной дорогѣ отъ береговъ Дуная до пре-

дѣловъ Россіи, для чего были сформированы четыре санитарныхъ поѣзда отъ военнаго вѣдомства, нищенски снабженные всѣмъ требующимся для ухода за больными и ранеными и во всѣхъ отношеніяхъ неудобные. И только благодаря обществу «Краснаго Креста», уполномоченные котораго явились во время со своими шестью санитарными поѣздами, прекрасно устроенными и обильно снабженными бѣльемъ и всѣмъ прочимъ матеріаломъ, а кромѣ того, дополненнымъ бѣльемъ и прочими принадлежностями четыремъ поѣздамъ военнаго вѣдомства, была возможность принести пользу нуждающимся. Не приди на помощь «Красный Крестъ», какимъ лишеніямъ и неудобствамъ подверглись бы бѣдные больные и раненые; для примѣра приведу слѣдующее: по положенію для каждаго поѣзда, выработанному военнымъ вѣдомствомъ для мирнаго и военнаго времени, на 230 человѣкъ больныхъ и раненыхъ, принимаемыхъ каждымъ поѣздомъ, которому приходилось быть въ пути 3½ сутокъ, полагалось по штату 100 деревянныхъ ложекъ, 30 простынь, столько же рубашекъ и кальсонъ, остальное въ такомъ же размѣрѣ... комментаріи излишни!

Описывать всѣ неустройства, безобразія и вообще всѣ возмутительные недочеты, оказавшіеся при приведеніи арміи на военное положеніе, я не стану, такъ какъ все это было достаточно выяснено судебными процессами по окончаніи войны и прессою того времени, а потому постараюсь быть краткимъ и безпристрастнымъ, сказавъ, что войска было мало и притомъ не обуто, не одѣто и голодно, вооруженіе и порохъ хуже, чѣмъ у турокъ,—вотъ результаты дѣятельности нашего военнаго министерства въ тиши двадцатилѣтняго мира послѣ севастопольской кампаніи. Улучшенія по снабженію арміи и всѣхъ порядковъ оказались въ томъ, что всѣ хищенія творились за № ... Одно только осталось прежнее: беззавѣтная храбрость, стойкость, выносливость и терпимость русскаго солдата,—качества, не нуждающіяся никогда ни въ описаніяхъ, ни въ похвалахъ простыхъ смертныхъ.

Даже карта Балканскаго полуострова оказалась невѣрною и ни на что не годною, а потому пришлось

пользоваться картою Канница, изданною въ Австріи. И такъ, благодаря обществу «Краснаго Креста», добросовѣстной дѣятельности уполномоченныхъ общества, самоотверженности и изумительной преданности дѣлу со стороны русской женщины, явившейся въ качествѣ сестры милосердія и не щадившей себя, участь нашихъ больныхъ и раненыхъ была вполнѣ обезпечена, всѣ были во время накормлены и перевязаны, сердечное отношеніе и безупречный уходъ всего персонала заслужили общую благодарность и признательность перевозимыхъ. Вниманіе и постоянное наблюденіе врачей во время пути много способствовали общей гармоніи такъ хорошо обставленной эвакуаціи въ тылу арміи, тѣмъ не менѣе затруднительной, такъ какъ районъ дѣятельности находился не въ предѣлахъ Россіи, а въ Румыніи, хотя и союзницы нашей, но помогавшей намъ далеко не добросовѣстно; румыны, вообще, представляютъ въ высшей степени корыстолюбивый народъ.

Про плодотворную дѣятельность, порядокъ и прекрасные результаты эвакуаціи по Румыніи подробно писано профессоромъ Н. И. Пироговымъ въ его извѣстной книгѣ «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877 и 1878 гг.» и въ отчетахъ главныхъ уполномоченныхъ общества «Краснаго Креста» П. А. Рихтера и Н. С. Абазы. И, кажется, это единственная часть изъ всѣхъ многочисленныхъ управленій арміи и ея тыла, заслужившая одобреніе, такъ какъ эвакуація въ Болгаріи и внутри самой Россіи, по словамъ тѣхъ же лицъ, была ниже всякой критики и съ такими лишеніями, что всякій, испытавшій ихъ на себѣ, вспоминалъ съ горькимъ чувствомъ. Но все-таки прекрасный результатъ нашего отдѣла я всецѣло приписываю добрымъ отношеніямъ, существовавшимъ между военнымъ вѣдомствомъ и представителями «Краснаго Креста», при полномъ отсутствіи канцелярскаго формализма, который я съ самаго начала, по предоставленной мнѣ власти и въ виду полнаго довѣрія ко мнѣ моихъ непосредственныхъ начальниковъ, генерала Каталея и генералъ-адъютанта Дрентельна, до крайности

упростилъ. Отрадно мнѣ было прочесть лестные отзывы о нашей совокупной дѣятельности въ тылу арміи отъ такихъ компетентныхъ лицъ, во главѣ которыхъ я былъ поставленъ.

По окончаніи войны я напечаталъ статью въ «Военномъ Сборникѣ» подъ заглавіемъ: «Организація санитарной части въ арміи и транспортировка больныхъ и раненыхъ», а въ приложеніи къ «Гражданину»—«Краткій очеркъ эвакуаціи больныхъ и раненыхъ въ минувшую войну 1877—1878 гг. и участіе въ ней Россійскаго общества Краснаго Креста», гдѣ безцеремонно указалъ всѣ существовавшіе порядки, неурядицы и пробѣлы по этой части. Такъ какъ въ первый разъ общества «Краснаго Креста» активно стало дѣйствовать и вошло въ составъ отдѣловъ полевого управленія, что не было предвидѣно его составителями, то часто происходили пререканія между энергичными уполномоченными общества и военнымъ вѣдомствомъ, такъ какъ сферы ихъ дѣйствій не были полевымъ положеніемъ предусмотрѣны, а потому и не опредѣлены и не разграничены, но во всякомъ случаѣ помощь, оказанная «Краснымъ Крестомъ», была велика, причемъ уполномоченные и сестры милосердія явились лучшими контролерами, часто предупреждая и недопуская многія злоупотребленія, годами вкравшіяся въ госпитальную администрацію, широко снабжали и дополняли недостающіе предметы, замѣняя массу негодныхъ положенныхъ по табели, улучшали скудную пищу, госпитальныя порціи и если въ чемъ можно упрекнуть «Красный Крестъ», то въ излишней роскоши въ собственныхъ лазаретахъ и санитарныхъ поѣздахъ. Организація, распредѣленіе должностей, обязанностей и устройство богато снабженныхъ складовъ были сдѣланы главноуполномоченнымъ княземъ Черкасскимъ, который былъ первымъ и единственнымъ главноуполномоченнымъ при началѣ кампаніи. По переходѣ Дуная, явилась необходимость въ устройствѣ двухъ самостоятельныхъ раіоновъ съ двумя уполномоченными: одинъ для тыла арміи (отъ берега Дуная до конечнаго пункта границы Яссы-Унгелы) въ г. Букарестѣ въ лицѣ статсъ-секрет. П. А. Рихтера и другимъ въ г. Яссахъ, въ предѣлахъ Россіи. во главѣ котораго былъ Н. С. Абаза. Здѣсь кстати замѣтить, что при моей встрѣчѣ съ кн. Черкаскимъ, онъ опять мнѣ предложилъ мѣсто губернатора въ Болгаріи, но я опять отстранилъ это лестное предложеніе, сдѣланное мнѣ до переправы черезъ Дунай; при этомъ онъ мнѣ припомнилъ, что я второй разъ уклоняюсь отъ его предложенія.

Въ концѣ октября я былъ командированъ за границу (въ Вѣну, а затѣмъ въ Швейцарію) для покупки вагоновъ, для санитарныхъ поѣздовъ взамѣнъ пришедшихъ почти въ полную негодность, (нанятыхъ нашимъ военнымъ вѣдомствомъ у румынскаго правительства), вслѣдствіе постояннаго ихъ нахожденія въ движеніи при усиленной перевозкѣ больныхъ и раненныхъ послѣ двукратной неудачной осады злополучной Плевны. Впрочемъ, еще при принятіи вагоновъ отъ румынскаго правительства, они были стары и уже сильно истрепанными, о чемъ я, рапортомъ отъ 23 іюня за № 37, донесъ начальнику военныхъ сообщеній.

Сама по себѣ моя командировка была вполнѣ заурядною, но по послѣдствіямъ и по открытой мною интригѣ оказалась очень интересною и могла бы быть даже полезною и поучительною, если бы уроки прежнихъ ошибокъ шли нашему правительству въ пользу и служили бы предостереженіемъ въ будущемъ. Однако, какъ бы тяжелы и убыточны ни были для насъ всосавшіяся въ нашу администрацію злоупотребленія, разъ война окончилась, все какъ-то забывается, а съ новою войною все идетъ по старому, только грабежи увеличиваются въ геометрической пропорціи да способы ухищреній въ подлогахъ совершенствуются. Солдаты, по прежнему, голодаютъ, не имѣютъ обуви и одѣты скверно.

Но возвращаюсь къ командировкѣ. Въ данномъ мнѣ предписаніи сказано: «Предписываю немедленно вашему высокоблагородію отправиться въ города: Вѣну, Цюрихъ, Штутгартъ и Парижъ и пріобрѣсти 250 вагоновъ съ прочными корпусами для примѣненія съ санитарной службѣ; въ распоряженія вашего высокоблагородія, для осмотра и опредѣленія годности и исправности вагоновъ, наряжается вольный инженеръ-технологъ такой-то» (почему-то назначенъ прусскій подданный, оказавшійся, впрочемъ, честнымъ, знающимъ и прекраснымъ человѣкомъ). Кромѣ того, мнѣ предписы-

валось, по пріѣздѣ въ Вѣну, обратиться къ тремъ лицамъ, коммиссіонерамъ нашего военно-дорожнаго отдѣла тыла арміи: французу виконту Гастону, извѣстному фокуснику и престидижитатору, италіанцу Обану, представителю макаронной фабрики въ Миланѣ (очутившемуся въ Букарестѣ), и какому-то аферисту, французу Марижу, торговцу перчатокъ. Какъ тогда, такъ и теперь не могу понять, почему наше военное вѣдомство избрало этотъ тріумвиратъ своими коммиссіонерами, какое могли эти лица имѣть отношеніе къ желѣзнодорожному отдѣлу и какія могли быть ихъ спеціальныя познанія въ подвижномъ составѣ желѣзной дороги, Для меня это непостижимо.

По прибытіи моемъ въ Вѣну, на другой день ко мнѣ явились фокусникъ, макаронщикъ и перчаточникъ съ предложеніемъ осмотрѣть вагоны, находящіеся на городской станціи Süd-Bahnhof'a. Вагоны состояли изъ пассажирскихъ 3 и 4 классовъ и фургоновъ, оказались хорошими, но на мой вопросъ о цѣнѣ, коммиссіонеры авторитетно заявили, что это до меня не касается, я долженъ только высказать свое мнѣніе о ихъ пригодности для санитарныхъ поѣздовъ, а цѣну они сами уже объявятъ въ Букарестѣ и потому я не имѣю права торговаться!.. Между тѣмъ, въ данномъ мнѣ предписаніи, мнѣ поручалось «купить», слѣдовательно, по точному смыслу, я являлся отвѣтственнымъ не только за годность вагоновъ, но и за соблюденіе казеннаго интереса, то есть пріобрѣсти ихъ, по возможности, за настоящую цѣну, а не соглашаться на первую запрошенную, прямо чудовищную, такъ какъ я имѣлъ возможность совершенно случайно узнать, за какую цѣну желѣзная дорога уступала или, правильнѣе сказать, обѣщала уступить, потому что вагоны еще не были куплены, а только заключено условіе, что если русское правительство найдетъ ихъ годными, то общество дороги обязуется уступить, и только ему, за извѣстную плату; но при этомъ назначенъ 2-недѣльный срокъ, послѣ котораго обязательство уничтожается и дорога можетъ продать вагоны кому угодно. Я узналъ про это обязательство, а потому предложилъ коммиссіонерамъ настоящую цѣну плюсъ 20 проц. барыша; запрошенная

же имъ цѣна была ровно втрое. Переговоры эти шли въ Вѣнѣ, а изъ Букареста меня осаждали телеграммы и принуждали скорѣе окончить покупку, не смотря на то, что я телеграфировалъ генералъ-адъютанту Дрентельну о запрашиваемой тріумвиратомъ баснословно высокой цѣнѣ и о томъ, что я надѣюсь пріобрѣсти вагоны 1 и 2 класса, вмѣсто 3 и 4, находящіеся въ прекрасномъ состояніи и дешевле предлагаемыхъ на нѣсколько сотъ тысячъ гульденовъ, но мнѣ необходимо выждать 2-недѣльный срокъ. Хотя я не получилъ отвѣта, но рѣшился дѣйствовать на свой рискъ и отправился лично въ правленіе Süd Bahnhof'a съ предложеніемъ уступить мнѣ, по истеченіи назначеннаго срока, всѣ вагоны, которые я найду для себя подходящими.

Какъ ни тяжело мнѣ писать нижеслѣдующее, но для полноты картины необходимо привести мой разговоръ съ директоромъ-распорядителемъ дороги. Первымъ дѣломъ онъ спросилъ, для кого я покупаю вагоны, и на отвѣтъ, что для русскаго правительства, категорически заявилъ, что никакихъ дѣлъ съ нашимъ правительствомъ не желаетъ имѣть, такъ какъ они люди коммерческіе, у которыхъ купля и продажа совершаются быстро, а разсчеты немедленно, «если же имѣть дѣло съ вашимъ правительствомъ, а особенно разсчеты, то оно всякое дѣло затягиваетъ безполезною формалистикою и пустою перепискою, неизбѣжными и никогда не предвидимыми накладными расходами, и задержкою въ уплатѣ». При этомъ онъ привелъ два факта. Сознаюсь, тяжело было мнѣ, русскому, выслушивать его, но, знакомый съ гнетущимъ и возмутительнымъ формализмомъ русскаго чиновничества, не могъ въ душѣ не соглашаться съ нимъ. Мнѣ осталось только попросить его указать способъ выполнить данное мнѣ порученіе; къ счастью для меня директоръ оказался настолько добросовѣстнымъ, что указалъ мнѣ одного норвежца, имѣющаго свой заводъ въ окрестностяхъ Вѣны и постояннаго кліента общества. «если онъ согласится быть посредникомъ между нами, то дѣло можно будетъ сдѣлать».

Я такъ и поступилъ. Послѣ переговоровъ съ норвежцемъ, необходимое количество вагоновъ было куп-

лено въ три дня, деньги уплачены по мѣрѣ пріема, казнѣ сохранено безъ малаго 300,000 гульденовъ, а больныхъ и раненыхъ на санитарныхъ поѣздахъ стали перевозить въ вагонахъ 1 и 2 классовъ, вмѣсто старыхъ скотскихъ вагоновъ отъ румынъ, какъ было до того времени.

Казалось бы, послѣ этого должны были прекратиться всѣ претензіи тріумвирата, но именно съ этого времени они начали предъявлять требованія о возмѣщеніи убытковъ, полученныхъ ими вслѣдствіе того, что я купилъ вагоны помимо ихъ, хотя, по ихъ словамъ, не имѣлъ на это никакого права, такъ какъ военное вѣдомство (кѣмъ, когда и какими обязательствами?) заключило съ ними условіе, а потому они требуютъ возмѣщенія убытковъ и, если имъ не уплатятъ 200,000 франковъ, то они предъявятъ искъ. Генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ былъ не изъ трусливыхъ и, убѣжденный, что я поступилъ во всемъ правильно, не боялся угрозъ съ ихъ стороны и скандальнаго процесса; предполагая вести дѣло въ румынскихъ судебныхъ мѣстахъ, тріумвиратъ выписалъ изъ Парижа извѣстнаго адвоката.

Но странное дѣло! многіе приняли ихъ сторону и даже нашъ генеральный консулъ убѣждалъ меня уговорить генерала Дрентельна согласиться выдать требуемую сумму и не допустить гласнаго суда, но я прямо заявилъ, что если я былъ не правъ, то пусть меня судятъ, только на уступки, а тѣмъ болѣе въ соглашеніе съ ними не пойду. Тріумвиратъ подавалъ прошеніе въ главную квартиру и князю А. М. Горчакову, министру иностранныхъ дѣлъ, а также графу Н. П. Игнатьеву, нашему послу, но генералъ Дрентельнъ остался непоколебимымъ, не смотря на появленіе въ румынскихъ газетахъ обличительныхъ статей. Въ концѣ концовъ тріумвиратъ сталъ сбавлять просимую сумму и дошелъ до 50,000 франковъ, но и въ этомъ было отказано, а въ судъ они почему-то не подавали. Понадобилось уплатить адвокату обратный проѣздъ въ Парижъ, тогда три пріятеля стали просить хотя 10,000 франковъ, но разумѣется, и этихъ денегъ не получили. А жаль, что они не предъявили иска! я готовилъ интересныя разоблаченія всей этой закулисной сдѣлки и нашихъ порядковъ...

Не могу пройти молчаніемъ, какъ я былъ принятъ Новиковымъ, нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, къ которому я имѣлъ письмо отъ князя А. М. Горчакова, проживавшаго въ Букарестѣ; въ этомъ письмѣ онъ рекомендовалъ меня ему и просилъ оказать всяческое содѣйствіе, какъ уполномоченному «Краснаго Креста»; такъ какъ я долженъ былъ пріобрѣсти и доставить въ Румынію подвижной составъ для перевозки больныхъ и раненыхъ, а въ силу женевской конвенціи я могъ всѣ вагоны и все имущество, предназначенное для облегченія участи больныхъ и раненныхъ, перевезти даромъ по всѣмъ австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, что составило бы тоже порядочную сумму...

Не безъ интереса окончательная судьба «моихъ» вагоновъ. По окончаніи войны и ухода нашихъ войскъ на родину, правленіе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ предполагало купить эти вагоны, такъ какъ они приспособлены къ заграничнымъ узкоколейнымъ дорогамъ и предлагало хорошую цѣнуа; но у насъ все дѣлается какъ-то по особенному, своеобразно странно, поэтому и въ этомъ случаѣ потребовались переписка, сношенія и обсужденія съ разными министерствами, управленіями и пр. и пр.; дѣло, конечно, затянулось, а вагоны, тѣмъ временемъ, были отправлены въ депо, устроенное въ пограничномъ мѣстечкѣ Унгены, и тамъ простояли подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ непогоды въ теченіи почти двухъ лѣтъ, пока не пришли въ такую негодность, что были проданы съ аукціона на вѣсъ находящагося въ нихъ желѣзнаго матеріала, то есть за безцѣнокъ.. Хорошіе порядки!

Къ этому слѣдуетъ добавить слѣдующее. Когда вопросъ о покупкѣ новыхъ вагоновъ былъ рѣшенъ въ Букарестѣ въ утвердительномъ смыслѣ (конецъ октября 1877 года), то необходимо было устроить вновь и отопленіе; поэтому немедленно былъ заключенъ контрактъ съ однимъ московскимъ заводчикомъ для устройства въ вагонахъ водяного отопленія, вообще хорошаго, но самого сложнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ системъ и самаго дорогого, почему контрагентъ обязался доставить всѣ приспособленія изъ Москвы въ Букарестъ къ извѣстному сроку; мнѣ пришлось ознакомиться

съ условіями заключеннаго контракта и, зная контрагента за честнаго и добросовѣстнаго человѣка, но неопытнаго (онъ былъ прусскій подданный и заводчикомъ въ Москвѣ), счелъ необходимымъ предупредить его, что врядъ ли можно надѣяться, чтобы наши желѣзныя дороги доставили грузъ къ извѣстному сроку, а потому посовѣтовалъ оговорить въ контрактѣ, что за своевременную доставку онъ не ручается, а обязуется только заготовить всѣ принадлежности къ извѣстному сроку и сдать лицу или коммиссіи въ самой Москвѣ, но чтобы само военное вѣдомство распорядилось затѣмъ отправкою вещей въ Букарестъ, какъ военнаго груза. Контрагентъ такъ и поступилъ. Что же оказалось? Въ Москвѣ онъ сдалъ все къ назначенному въ контрактѣ сроку, самъ пріѣхалъ въ Букарестъ и началъ поджидать доставки груза, но прошла вся зима, настала весна, миръ былъ заключенъ, наконецъ миновало лѣто, а осенью 1878 года всѣ войска и всѣ управленія тыла арміи возвратились въ предѣлы Россіи, но приспособленія къ водяному отопленію такъ и не появились. Сколько денегъ было потрачено на депеши и на командировку разныхъ лицъ для отысканія злополучнаго груза, отправленнаго изъ Москвы въ началѣ декабря 1877 года! Однако, нѣсколько нагруженныхъ вагоновъ не были найдены, они словно въ воду канули.

Военное вѣдомство пріостановило платежи для окончательнаго разсчета ни въ чемъ не повинному заводчику. Тогда я отправился къ генералъ-адъютанту Дрентельну и объяснилъ ему все, указавъ, что неуплатою денегъ контрагентъ будетъ доведенъ до банкротства; тогда справедливый и честный начальникъ приказалъ немедленно произвести разсчетъ и этимъ спасъ злополучнаго заводчика отъ полнаго раззоренія, такъ какъ ему приходилось что-то около 40,000 рублей. Этотъ техникъ и заводчикъ до сихъ поръ проживаетъ въ Россіи, но свою дѣятельность онъ перенесъ въ Севастополь, гдѣ выстроилъ прекрасный чугунно-плавильный заводъ и считается однимъ изъ самыхъ исправныхъ и добросовѣстныхъ подрядчиковъ морского вѣдомства.

Только лѣтъ черезъ пять или черезъ шесть приспособленія для отопленія санитарныхъ вагоновъ очутились за Кавказомъ и вотъ какимъ образомъ. Въ началѣ войны было предположеніе устроить желѣзный мостъ черезъ Дунай, около Зимницы, но послѣ блестящей переправы нашихъ войскъ, въ виду ли предполагаемаго скораго окончанія войны или по другимъ, мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, постройка моста была отмѣнена и всѣ принадлежности были сложены на берегу Дуная, около Журжева, гдѣ пролежали до окончанія войны. Грузъ, прибывшій въ Букарестъ изъ Москвы отъ заводчика, оказался безъ накладной и желѣзно-дорожное начальство, не зная его назначенія, рѣшило, что это вѣроятно, принадлежности къ желѣзному мосту, а потому отправило ихъ въ Журжево, гдѣ они также пролежали до окончанія войны. Когда Государь приказалъ весь матеріалъ, предназначенный для дунайскаго моста, перевезти въ Тифлисъ для постройки желѣзнаго же моста черезъ Куру, то всѣ котлы, трубы и прочія принадлежности, вмѣстѣ съ матеріалами для моста, были отправлены на Кавказъ; только по прибытіи на мѣсто, при разборѣ груза спеціалистами и техниками, ошибка разъяснилась. Вышла картина, довольно поучительная!..

По окончаніи войны и послѣ заключенія мира въ мартѣ 1878 года, я былъ назначенъ предсѣдателемъ повѣрочной коммиссіи для провѣрки счетовъ и составленія окончательнаго разсчета съ товариществомъ Грегера, Горвица и Когана, принявшимъ на себя продовольствіе дѣйствующей арміи во время всей кампаніи. Причиною передачи этого дѣла спеціальной коммиссіи была та, что во время кампаніи деньги выдавались товариществу авансомъ подъ представляемыя имъ квитанціи, никѣмъ не провѣренныя, даже не зарегистрованныхъ, а сваленныя въ кучу интендантствѣ тыла арміи; такимъ образомъ было выдано по январь 1878 года 61,000,000 рублей. Дѣло это возбудилъ полевой контролеръ, такъ какъ товарищество просило выдать ему, до окончательнаго разсчета, еще 11,000,000 рублей золотомъ, необходимыхъ для сведенія счетовъ со своими поставщиками, торговыми фирмами и банкирами, у которыхъ товарищество кредитовалось.

Въ принципѣ, по моему мнѣнію, полевой контро-

леръ былъ правъ, потому что трудно допустить, чтобы можно было выдать десятки милліоновъ рублей безъ провѣрки счетовъ, квитанцій и долговыхъ обязательствъ, но допуская, что во время войны трудно вести отчетность такъ, какъ она ведется въ мирное время, это слѣдовало предвидѣть при заключеніи контракта съ товариществомъ и потому включить въ самый контрактъ нѣсколько параграфовъ, опредѣляющихъ какимъ способомъ должна будетъ производиться уплата. Такой пробѣлъ въ контрактѣ и полное отсутствіе организаціи спеціальнаго разсчетнаго отдѣленія въ интендатствѣ, какъ полевого, такъ и находящагося въ тылу арміи, и были причиною протеста контролера противъ новой выдачи денегъ товариществу, указавъ на необходимость привести въ извѣстность, сколько въ дѣйствительности приходится еще уплатить за произведенныя поставки товариществу. Но, къ сожалѣнію, въ это дѣло замѣшались впослѣдствіи, страсти, личности, оскорбленныя самолюбія и жажда карьеризма, перешедшія позднѣе въ умышленное искаженіе правды, недостойную подтасовку фактовъ и злоупотребленіе печатнымъ словомъ, вообще въ явное намѣреніе подорвать подобными дѣйствіями довѣріе въ добросовѣстность правительства. Но все это настолько интересно, что дѣлу товарищества Грегера, Горвица и Когана, необходимо посвятить отдѣльную главу.

V.

Предсѣдательство въ повѣрочной коммиссіи по продовольствію арміи въ войну 1877—1878 годовъ товариществомъ Грегера, Горвица и Когана.

Двадцатилѣтній періодъ мира, продолжавшійся отъ окончанія крымской кампаніи до объявленія послѣдней войны съ Турціею, былъ посвященъ внутреннимъ реформамъ. Въ крымскую войну въ организаціи и въ дѣятельности интендантства обнаружились пробѣлы неустройства, упущенія, злоупотребленія и т. п.; поэтому казалось бы, что лихорадочная дѣятельность преобразованій по всѣмъ учрежденіямъ Россіи со времени вступленія на престолъ Императора Александра II,

даже вѣрнѣе сказать, ломка всего стараго, должны неминуемо коснуться и главнаго нерва войны, самого интендантства. Однако объявленіе войны въ 1877 году застало нашу дѣйствующую армію, въ этомъ отношеніи, совсѣмъ не обезпеченною и вовсе не подготовленною. Вотъ почему главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, стоя близко къ войскамъ въ мирное время и зная полную несостоятельность нашего интендантства, былъ вынужденъ заключить контрактъ на поставку для арміи всѣхъ припасовъ съ частными лицами, на коммиссіонныхъ началахъ.

Ни одна война не оканчивается безъ преданія суду чиновъ интендантства почти во всѣхъ государствахъ (впрочемъ Наполеонъ I только вѣшалъ интендантовъ во время войны съ Испаніею), но у насъ это дѣлается съ какимъ-то трескомъ, продолжается обязательно нѣсколько лѣтъ, но всегда оканчивается мыльнымъ пузыремъ.

Въ послѣднюю же кампанію, казалось бы, вслѣдствіе заключеннаго съ частными лицами контракта, интендантство должно было играть пассивную роль, но на дѣлѣ скамьи подсудимыхъ оказались занятыми исключительно чинами интендантскаго вѣдомства; никто изъ членовъ товарищества не былъ привлеченъ къ суду. А сколько шуму, писанія, траты денегъ, времени и т. д.! Но что всего интереснѣе, такъ это появленіе лицъ, которыя кричали и увѣряли все высшее начальство, что казна вовсе ничего не должна товариществу, но что съ него еще слѣдуетъ до 11,000,000 рублей, будто бы переданныхъ ему. На основаніи такихъ-то криковъ и начато было все дѣло: принялись назначать коммиссіи повѣрочную, особую, разсчетную, контрольную, потратили на нихъ бездну денегъ, исписали массу бумаги и, въ концѣ концовъ, черезъ четыре года, уплатили товариществу болѣе 10,000,000 рублей золотомъ, свыше 100,000 руб. кредитныхъ и вернули всѣ залоги, не предавъ никого суду. Кстати, привожу журнальное постановленіе по этому предмету.

«Журналъ общаго присутствія разсчетной коммиссіи, высочайше учрежденной по дѣламъ съ контрагентами и коммиссіоне-

рами бывшей дѣйствующей арміи. С.-Петербургъ, февраля 1 дня 1882 года № 77. Присутствовали: предсѣдатель коммиссіи, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Егоръ Павловичъ Старицкій; члены дѣйствительные статскіе совѣтники: Анатолій Павловичъ Иващенковъ, Николай Адріановичъ Неклюевъ и Николай Владиміровичъ Граве; дѣлопроизводитель, статскій совѣтникъ Модесъ Павловичъ Мининъ; не присутсcвовалъ членъ коммиссіи, генералъ-лейтенантъ графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ, за бытностью въ отпуску.

По всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, министра финансовъ и государственнаго контролера, въ 8 день мая и 25 день іюня 1880 года, Высочайше повелѣно: а) для разсчетной части по дѣламъ какъ товарищества Грегера, Горвица и Когана, такъ и вообще контрагентовъ и коммиссіонеровъ бывшей дѣйствующей арміи, образовать разсчетную коммиссію изъ представителей министерствъ: военнаго, финансовъ и юстиціи и государственнго контроля, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Старицкаго; б) коммиссіи этой предтсавить права военнаго совѣта и подчиненъ ее, по приносимымъ на нее жалобамъ, непосредственно правительствующему сенату; и в) назначеніе чиновниковъ въ разсчетную коммиссію представить ея предсѣдателю, по согласію съ подлежащими вѣдомствами, причемъ могутъ быть приглашены въ коммиссію для занятій благоадежныя лица и по вольному найму.

«Коммиссія открыла свои дѣйствія 26 іюня 1880 года, примемъ ею разсмотрѣны слѣдующія дѣла и операціи:

1) Дѣла по разсчетамъ съ товариществомъ Грегера, Горница и Когана по контрактамъ 16 апрѣля 1877 г. и по подпискамъ 10 и 18 сентября и 9 и 22 ноября 1877 года на по-ставку предметовъ продольствія и сухарей въ войска, склады и госпиталя дѣйствующей арміи. Сумма всей этой операціи опредѣлена разсчетною коммиссіею въ 49,031,960 руб. 61¾ коп. сер. металлическихъ и 13,140 руб. кредитныхъ. Разсчеты между казною и товариществомъ переданы были въ коммисію изъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіорѣ Бо-

ровкова повѣрочной коммиссіи, которая, совмѣстно съ временною контрольною коммиссіею для провѣрки отчетности бывшей дѣйствующей арміи, составила къ марту 1880 года своды количества поставленныхъ товариществомъ продуктовъ. Въ виду предъявленнаго товариществомъ согласія признать опредѣленныя повѣрочною и контрольною коммиссіями количества продуктовъ безспорными, разсчетная коммиссія получила возможность объявить товариществу окончательный разсчетъ 28 августа 1880 года, и затѣмъ 30 декабря 1880 года, по разсмотрѣніи представленнаго возраженія, постановило по сему разсчету заключеніе, которое и привело въ исполненіе. По сему разсчету коммиссія признала, что товариществу, за поставленные продукты, причитается доплатить изъ казны 7,193,859 руб. 1½ коп. золотомъ и 8,337 руб. 16¼ коп. кредитныхъ, но, какъ съ товарищества подлежало ко взысканію въ казну неустойки за неисправности, всего въ суммѣ 3,528,659 руб. 56½ к. золотомъ, то отпускъ суммъ изъ казны ограниченъ 3,665,199 руб. 45 коп. золотомъ и 8,337 руб. 16¼ к. кредитными. Сверхъ сего, коммиссія признавала справедливымъ удовлетворить товарищество за тѣ изъ неоплаченныхъ по незапискѣ на приходъ по отчетности продукты, на сумму 2,282,755 руб. 89¾ коп. золотомъ, которые окажутся по контрольной повѣркѣ поступившими на довольствіе арміи и показанными приходомъ, хотя бы и не въ установленномъ закономъ и договоромъ порядкѣ. Означеннымъ рѣшеніемъ дѣла товарищество осталось недовольно и 27 февраля 1881 г. предъявило въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ къ казнѣ искъ, коимъ опредѣлило требованіе свое съ казны въ суммѣ 26,146,002 руб. 46½ коп. металлическихъ. Не смотря, однако, на предъявленіе иска, товарищество ходатайствовало о миролюбивомъ окончаніи его разсчетовъ, испрашивая уплаты ему сначала 19,500,000 р. золотомъ, а затѣмъ 11,341,400 руб. золотомъ и 9,900 р. кредитныхъ. По разсмотрѣніи сего ходатайства, согласно Высочайше утвержденному положенію комитета гг. министровъ 14 ноября 1881 года, товариществу предло-

жено отъ казны, какъ послѣднее слово правительства въ дѣлѣ окончанія разсчетовъ товарищества съ казною, въ безспорномъ порядкѣ 10,027,079 руб. золотомъ и 10,046 руб. кредитными, на что товарищество изъявило свое согласіе и затѣмъ разсчеты его съ казною нынѣ навсегда окончены» (по вѣдомости, приложенной при журналѣ, товариществу выдано 10,078,149 руб. золотомъ и 118,649 руб. 87 коп. кредитными).

Какъ видно, это длилось четыре года: 6 марта 1878 года была назначена моя повѣрочная коммиссія въ Букарестѣ, обстоятельно выяснившая всю поставку товарищества, а закончилось, послѣ разныхъ переписокъ, въ С.-Петербургѣ 1 февраля 1882 года. Вотъ кстати припомнить припѣвъ одной русской пѣсни: «Ахъ, на что было огородъ городить»?...

Вотъ образчикъ нашего судопроизводства. всемогущества русскаго чиновника и излюбленный способъ правительственныхъ дѣятелей разсчитываться со своими поставщиками! На это послѣднее обстоятельство я особенно упираю на томъ основаніи, что неоднократно былъ предсѣдателемъ и членомъ коммиссій для окончательныхъ разсчетовъ съ разными подрядчиками и рѣшенія возникающихъ недоразумѣній; и почти всегда такая тяжба кончалась не въ пользу казны.

Причиною этого, большею частью, оказываются искустно написанные контракты, несвоевременныя уплаты, а главное, усердіе охранителей казеннаго интереса. Но приступаю къ самому контракту.

«1) По заключенному 16 апрѣля 1876 года договору, товарищество приняло на себя поставку всѣхъ продуктовъ, которые потребуются для продовольствія войскъ арміи, во все время пребыванія ихъ за-границею, какъ при расположеніи арміи на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и съ переходомъ за Дунай. во всѣхъ мѣстностяхъ театра войны.—2) Продукты должны поставляться, въ опредѣленные интендантствомъ сроки, или въ магазины и склады, или прямо въ войска подъ квитанціи. Нарядъ интендантства долженъ быть сообщаемъ товариществу не позже какъ за недѣлю до начала поставки, поставка же прямо въ войска, по непосредственному требованію командировъ, за три дня до времени дѣйствительной потребности въ продуктахъ».

Спрашивается, возможно ли это во время военныхъ дѣйствій, при наступательной войнѣ, быстрыхъ передвиженіяхъ и постоянномъ наступленіи отрядовъ впередъ? Замѣтимъ при этомъ, что перемѣрка, перевозка, покупка и починка мѣшковъ, укладка въ ярусы или стопы, таможенныя пошлины. преміи смотрителямъ и вычеты въ страховой капиталъ,— все это относится на счетъ казны.

3) «Поставка всѣхъ предметовъ для продовольствія арміи, во все время ея пребыванія за-границею, производится товариществомъ на коммиссіонномъ началѣ, по дѣйствительно существующимъ цѣнамъ на мѣстахъ слѣдованія и стоянки войскъ. Къ покупнымъ цѣнамъ, удостовѣреннымъ контрактами съ торговыми домами, банками и частными лицами, или счетами ихъ или другими документами (?), присоединяется коммиссіонная плата, въ размѣрѣ 10% стоимости продуктовъ, въ вознагражденіе за трудъ и на расходы по содержанію администраціи».

Вотъ главныя основанія контракта; затѣмъ слѣдуютъ параграфы о порядкѣ уплаты денегъ, о чемъ говорится такъ:

«Уплата денегъ за поставленные продукты и за коммиссію должна производиться по предъявленіи каждой квитанціи на сданное «въ срокъ или раньше срока количество продуктовъ, по разсчету полевого интендантства, выдающаго талоны на полученіе денегъ въ теченіи двухъ недѣль по представленіи квитанцій на сданные уже продукты Исправное выполненіе принятыхъ обязательствъ обезпечивается залогомъ въ 500,000 рублей серебромъ».

Затѣмъ слѣдуютъ параграфы о неисправности поставки, общей всѣхъ контрагентовъ. «При общей неисправности товарищества и когда посему будетъ составленъ актъ, неустойка опредѣлена въ 25% со стоимости невыставленнаго количества продуктовъ, считая по цѣнамъ, по которымъ покупка обойдется казнѣ».— «Окончательный разсчетъ долженъ быть составленъ не позже какъ черезъ мѣсяцъ по предъявленіи послѣднихъ квитанцій и на который, не долѣе шести недѣль

по врученіи, товарищество возвращаетъ съ надписью о согласіи или несогласіи; по истеченіи 6-ти-недѣльнаго срока никакія возраженія не принимаются и полевое интендантство препровождаетъ подлинный разсчетъ въ контроль».

Выдача денегъ во время довольствія производилась, какъ сказано выше, въ видѣ авансовъ по приблизительнымъ разсчетамъ, основаннымъ на утвержденныхъ еще въ мирное время (въ 1876 году) смѣтныхъ цѣнахъ на 1877 годъ, но по предъявленіи квитанцій. Однако, въ іюлѣ 1877 года главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, по особымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, приказалъ предложить товариществу черезъ полевого интенданта измѣнить § 6 контракта и установить точно опредѣленныя цѣны. Въ сентябрѣ 1877 года товарищество изъявило свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобы цѣны были выработаны по соглашенію съ интендантствомъ, а до выработки порядокъ останется прежній, то есть производить разсчетъ по смѣтнымъ цѣнамъ, такъ какъ это было необходимо, чтобы не происходило пріостановки въ довольствіи войскъ.

Этотъ порядокъ соблюдался до 28 марта 1878 года, когда въ послѣдній разъ были выданы товариществу деньги; всего было выдано 61.000,000 руб. кредитныхъ. Цѣны же были утверждены главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николай Николаевичемъ 10 апрѣля 1878 года, причемъ было повелѣно выполнить по нимъ разсчетъ за все время довольствія арміи и госпиталей. А на самомъ дѣлѣ окончательный разсчетъ состоялся только 1 февраля 1882 года.

Теперь приступаю къ описанію работъ повѣрочной коммиссіи.

Дѣятельность свою коммиссія начала 25 марта въ Букарестѣ, о чемъ я донесъ генералъ-адъютанту Дрентельну рапортомъ, въ которомъ говорится: «При пріемѣ въ вѣдѣніе коммиссіи квитанцій отъ интендантства оказалось: квитанціи были расположены по полкамъ, безъ всякой системы и описи, а болѣе 30,000 квитанцій изъ 75,000 въ рогожныхъ тюкахъ; само собою разумѣется, что никакой описи имъ не имѣлось, причемъ командированный для сдачи всѣхъ дѣлъ, касающихся до подряда товарищества, интендантскій чиновникъ заявилъ, что квитанціи и дѣла были имъ приняты не счетомъ, а въ тюкахъ, и только нѣкоторыя при описяхъ и то отъ товарищества; о чемъ былъ составленъ протоколъ коммиссіи отъ 1 апрѣля за № 4».

Такое положеніе дѣла, а равно особая важность квитанцій, какъ денежныхъ документовъ, обусловливали особую осмотрительность и тщательность въ пріемѣ квитанцій. Кромѣ квитанцій, въ коммиссію поступило довольно значительное количество бумагъ, относящихся до претензій войскъ и госпиталей къ товариществу относительно неисправностей послѣдняго, до взысканій съ товарищества разнаго рода неустоекъ и пр. Подобно квитанціямъ, упомянутыя переписки тоже не отличались порядкомъ, вслѣдствіе чего коммиссія, прежде чѣмъ приступить къ выполненію своихъ прямыхъ обязанностей, сочла необходимымъ: а) разсортировать около 75,000 квитанцій, составивъ имъ опись, и б) сгруппировать остальныя бумаги въ соотвѣтствующія категоріи дѣлъ. Между тѣмъ, квитанціи и бумаги продолжали поступать и къ концу мая число первыхъ достигло уже до 101,000.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ и существовавшихъ порядкахъ мнѣ пришлось приступить къ работамъ. Къ концу мая все было приведено въ ясность, составлены описи, заведено правильное дѣлопроизводство и началась провѣрка квитанцій войсковыхъ, госпитальныхъ и другихъ. Къ августу уже выяснилось, что товариществу слѣдуетъ по квитанціямъ, признаннымъ коммиссіею правильными, до шести милліоновъ, о чемъ былъ составленъ протоколъ, который я представилъ генералъ-адъютанту Дрентельну, съ приложенными при немъ подробными вѣдомостями о количествѣ продуктовъ. Такъ какъ товарищество требовало уплаты, то генералъ Дрентельнъ отправляясь въ Санъ-Стефано, гдѣ находилась главная квартира, повезъ съ собою составленныя вѣдомости, причемъ передъ отъѣздомъ я предупредилъ, что, по моему мнѣнію, товариществу можетъ быть выдано, теперь же безъ всякаго риска, до четырехъ милліоновъ, ранѣе составленія окончательнаго разсчета. Новый полевой интендантъ, генералъ-лейтенантъ Скворцовъ, всѣми уважаемая личность и самъ по

себѣ честнѣйшій и безукоризненно справедливый человѣкъ, съ своей стороны, въ то же время, признавалъ необходимымъ выдать 6.000,000 руб. на первыхъ порахъ. Того же мнѣнія была особая коммиссія, составленная при главной квартирѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Штадена, который доложилъ свое замѣчаніе о необходимости и возможности выдачи товариществу, до окончанія разсчета, шести милліоновъ.

Но вотъ съ этихъ поръ начинается интересная комедія, продолжавшаяся почти четыре года; съ этихъ поръ все дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, благодаря протесту полевого контролера.

Представивъ докладъ и вѣдомости, я предполагалъ, что послѣ того останется приступить къ составленію окончательнаго разсчета, такъ какъ съ 1 іюня 1878 г. товарищество прекращало свою дѣятельность по соглашенію, состоявшемуся съ новымъ главнокомандующимъ, графомъ Э. И. Тотлебеномъ, о чемъ оно было извѣщено 5 мая начальникомъ штаба, свѣтлѣйшимъ княземъ Имеретинскимъ. Я взялъ отпускъ на два мѣсяца и отправился за-границу для отдыха и подкрѣпленія своего расшатаннаго здоровья, вслѣдствіе полуторагодового сильнаго напряженія дѣятельности, повліявшаго на всю нервную систему, по просту говоря, отдохнуть отъ переутомленія.

По возвращеніи изъ отпуска въ концѣ октября и вступивъ снова въ исполненіе должности предсѣдателя, я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что денегъ товариществу не выдали вслѣдствіе заявленія что не только товариществу ничего не слѣдуетъ, но что еще съ него слѣдуетъ взыскать до 11.000,000 рублей; другими словами: всю работу повѣрочной коммиссіи признать негодною и всѣхъ членовъ ея предать уголовному суду. Я допускаю еще, что при такомъ громадномъ и крупномъ по суммѣ дѣлѣ могло при подсчетѣ возникнуть недоразумѣніе въ окончательномъ итогѣ, допускаю даже, что цифра самой разницы могла дойти до милліона въ ту или другую сторону, но чтобы одна сторона считала себя кредиторомъ казны на нѣсколько милліоновъ и вдругъ очутилась бы должною ей 11.000,000, признаюсь, есть

чему удивиться, и, воля ваша, для меня, простого смертнаго, это непонятно!

Въ это время нашу коммиссію перевели въ Одессу, гдѣ образовалась новая контрольная коммиссія, совмѣстно съ которою у насъ закипѣла работа Отчетные листы, не смотря на строгія предписанія, все-таки поступали довольно медленно, вслѣдствіе разбросанности по всей Имперіи бывшей дѣйствующей арміи, и только къ маю 1879 года обѣ коммиссіи окончили сообща работу, причемъ опять выяснилось, что товариществу причитается безспорно болѣе 7.000,000 р. металлическихъ.

Въ это время въ Одессѣ засѣдала высочайше учрежденная особая коммиссія для разслѣдованія дѣйствій полевого интендантства и товарищества по продовольствію дѣйствующей арміи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Глинки-Маврина, которой были подчинены всѣ существующія тогда, числомъ пять, разныхъ наименованій коммиссіи, работающія по одному и тому же предмету.

Къ этому времени, по высочайшему повелѣнію, въ Одессу пріѣхалъ съ особыми полномочіями статсъ-секретарь дѣйствительный тайный совѣтникъ Е. П. Старицкій. Коммиссіи по прежнему усердно и вполнѣ успѣшно продолжали порученную имъ особою коммиссіею египетскую работу: распредѣлить квитанціи на восемь категорій, а потомъ на безчисленное множество группъ; все расцѣнили и по окончаніи, въ апрѣлѣ 1880 года, представили результатъ. И опять-таки оказалось, что казна должна товариществу 7.491,362 руб. 78 коп. металлическихъ и нѣсколько сотъ тысячъ кредитныхъ оставался одинъ выходъ: привлеченіе къ уголовному суду. (При этомъ le refrain de le chanson: а денегъ все-таки не уплатили!) По окончаніи этой четвертой провѣрки, я не утерпѣлъ и высказалъ Е. П. Старицкому, что «сколько бы ни заставляли перевѣрять, все это будетъ напрасная трата времени, такъ какъ цифры не поддаются измѣненію между тѣмъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, людскія убѣжденія очень измѣнчивы и эластичны».

Всѣ одесскія коммиссіи закрылись въ концѣ мая, не приведя ни къ какому окончательному исходу,

главное, къ желательному. Всѣ были недовольны. И вотъ, на пепелищѣ всѣхъ существовавшихъ коммиссій, возродилась новая, подъ именемъ «разсчетной по дѣламъ контрагентовъ и коммиссіонеровъ бывшей дѣйствующей арміи», подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Е. П. Старицкаго.

Такъ какъ все было подготовлено повѣрочною и временно-контрольною коммиссіями, то самой послѣдней, очевидно, немного было работы, потому что черезъ два мѣсяца (засѣданія тянулись съ 26 іюня по 28 августа 1880 года) она имѣла возможность объявить товариществу окончательный разсчетъ, по которому она признала, что за поставленные продукты товариществу причитается дополучить изъ казны 7,193,859 рублей 1½ коп. золотомъ и 8,337 руб. 16¼ коп. кредитными (интересно, что ни одинъ разсчетъ, производимый русскимъ чиновникомъ, не можетъ обойтись безъ долей копѣйки; надо думать, что чиновникъ хочетъ поразить точностью своихъ вычисленій или рисуется своимъ знаніемъ дробей).

Указаннымъ рѣшеніемъ дѣла товарищество осталось недовольно и обратилось, какъ уже извѣстно, въ судъ. Интересенъ мотивъ, приведенный разсчетною коммиссіею въ ея журнальномъ постановленіи: «коммиссія признала возможнымъ не по принадлежащему товариществу праву, а въ видахъ возможно болѣе справедливаго окончанія счетовъ между нимъ и казною, по цѣнамъ и основаніямъ, утвержденнымъ по докладамъ полевыхъ интендантовъ главнокомандующими дѣйствующей арміи». Изъ этого вытекаетъ заключеніе, что права товарищества не имѣетъ, а по справедливости ему слѣдуетъ. О, премудрый Эдипъ, разрѣши сіе!..

Избави насъ Богъ отъ такихъ судей!

По моему мнѣнію, для достоинства правительства и послѣдовательности слѣдовало представить суду рѣшить этотъ споръ, продолжавшійся четыре года, но правительство пошло на мировую, уплатило товариществу не семь милліоновъ, а 10.078,149 руб. металлическихъ, 118,649 руб. 87 коп. кредитныхъ и возвратило ему залогъ въ 500,000 руб. (но изъ дѣла не видно: по праву или по справедливости?) Этимъ закончилась вся эпопея.

Крайне лестно было мнѣ узнать изъ журнала коммиссіи за № 77 (приведенномъ въ началѣ этой главы), что всѣ разсчеты, сдѣланные повѣрочною коммиссіею подъ моимъ предсѣдательствомъ, послужили основаніемъ для составленія окончательнаго разсчета, тѣмъ болѣе, что и товарищество, съ своей стороны, выразило согласіе признать правильными всѣ выводы, сдѣланные моею коммиссіею совмѣстно съ временно-контрольною. По окончаніи этого громкаго дѣла, были розданы награды: кому чинъ, кому орденъ. Кромѣ этихъ наградъ, были выданы и денежныя, въ размѣрѣ отъ одной до десяти тысячъ рублей золотомъ, при этомъ со мною произошелъ очень характерный эпизодъ, который привожу здѣсь.

Когда было рѣшено выдать денежныя награды лицамъ, способствовавшимъ окончанію «товарищескаго» дѣла, я получилъ оффиціальное извѣщеніе, что мнѣ тоже предположено 5,000 рублей, а потому приглашаютъ доставить формулярный списокъ для внесенія этой награды. Я полюбопытствовалъ узнать, въ какомъ размѣрѣ назначены наградныя суммы членамъ бывшей моей коммиссіи, но къ крайнему удивленію узналъ, что награды назначены не членамъ, а только предсѣдателямъ бывшихъ коммиссій; находя это несправедливымъ, я просилъ назначенную мнѣ сумму раздѣлить между членами моей бывшей коммиссіи; мнѣ обѣщали и я сообщилъ имъ объ этомъ для своевременнаго представленія формуляровъ. Вскорѣ я уѣхалъ заграницу. Послѣ моего возвращенія, я довольно долго не встрѣчалъ своихъ бывшихъ сотрудниковъ, но затѣмъ мнѣ захотѣлось узнать, сколько каждому изъ нихъ досталось, такъ какъ всѣ они были людьми бѣдными и содержали себя однимъ жалованьемъ; велико было мое изумленіе, когда оказалось, что никто изъ нихъ не получилъ ни копейки. Тогда я отправился къ лицу, которому я передавалъ свою просьбу о передачѣ назначенной мнѣ награды моимъ сотрудникамъ, и просилъ указать судьбу 5,000 рублей; чиновный олимпіецъ внушительно объяснилъ мнѣ, что передать мои наградныя нельзя было потому, что ни одинъ изъ предсѣдателей другихъ ком-

миссій не возбуждалъ такого вопроса, а такъ какъ суммы уже были распредѣлены, то мѣнять нельзя было; если бы я хотѣлъ, то могъ бы, получивъ деньги, отъ себя раздать бывшимъ моимъ товарищамъ.

Какъ только я узналъ, что послѣдовало высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о добровольномъ соглашеніи и окончаніи навсегда всѣхъ разсчетовъ товарищества съ казною въ безспорномъ порядкѣ, съ уплатою болѣе 10 милліоновъ золотомъ, я поспѣшилъ къ глубокоуважаемому Александру Романовичу Дрентельну, чтобы сообщить ему это извѣстіе и высказать, сколько я перечувствовалъ и выстрадалъ за эти долгіе для меня четыре года, не имѣя возможности оправдать себя передъ нимъ, пока не окончатся разсчеты съ товариществомъ, такъ какъ еще въ августѣ 1878 года я докладывалъ ему, сколько можно еще выдать денегъ товариществу безъ опасенія переплаты и тогда же представилъ вѣдомости, изъ которыхъ было видно, что можно выдать безъ риска до 6 милліоновъ металлическихъ. Эти свѣдѣнія онъ повезъ въ главную квартиру, а тамъ полевой контролеръ заявилъ въ самой положительной формѣ, что товариществу переплачено до 11 милліоновъ золотомъ.

«Теперь дѣло окончилось, ваше высопревосходительство, и я поспѣшилъ увѣдомить васъ, чтобы возстановить то лестное мнѣніе, которое вы имѣли обо мнѣ, поручая это колоссальное по суммѣ претензіи, наконецъ, многосложное дѣло, требующее тщательной, внимательной и усидчивой работы. Когда меня потребовали въ главную квартирувъ іюнѣ 1878 года, чтобы дать новое назначеніе, вамъ угодно было телеграфировать кратко но выразительно: многомилліонное дѣло товарищества я поручилъ полковнику Боровкову, онъ мнѣ необходимъ и я ему вполнѣ довѣряю».

А. Р. Дрентельнъ поцѣловалъ меня и при этомъ подтвердилъ, что онъ никогда не измѣнялъ обо мнѣ своего мнѣнія и всегда радъ служить со мною.

Слѣдовало бы для полноты этой славы представить характеристики дѣйствующихъ лицъ въ громкомъ «товарищескомъ» дѣлѣ, но я закончу перефразировкою извѣстнаго стиха:

Бюрократовъ не убавимъ въ Россіи,
А переучить ихъ не хватитъ намъ силъ...

Вскорѣ послѣ окончанія всѣхъ разсчетовъ съ товариществомъ, въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, членомъ котораго я состоялъ, начали судить чиновниковъ полеваго интендантства, а также тыла арміи, и во главѣ всѣхъ ихъ оказался бывшій главный интендантъ дѣйствующей арміи. Судъ продолжался безъ малаго три мѣсяца, описывать его не стоитъ, потому, что было бы повтореніемъ всѣхъ подобныхъ процессовъ появляющихся послѣ каждой войны; разница была только въ гласности суда, впервые доступнаго нашей публикѣ. Ничего новаго не открылось въ дѣятельности бывшаго полевого интендантства, все осталось и творилось по старому, выражаясь чиновничьимъ языкомъ, по примѣру прежнихъ войнъ; да и врядъ-ли этотъ судъ послужитъ урокомъ для будущаго! Слѣдующая война укажетъ новые пробѣлы и несовершенства преобразованнаго интендантства, находящагося до послѣдней войны въ младенчествѣ по порядкамъ, но въ возмужаломъ возрастѣ по злоупотребленіямъ и хищничеству.

Всѣ подсудимые были обвинены болѣе или менѣе снисходительно, потому что даже судъ не былъ въ состояніи точно опредѣлить, кто правъ, а кто виноватъ, то есть, гдѣ начинались злоупотребленія чиновъ интендантства, а гдѣ – его подрядчиковъ.

Въ подтвержденіе вышеуказаннаго мною нежеланія гг. чиновниковъ производить скорый разсчетъ со своими кредиторами и поставщиками, приведу одинъ изъ многихъ, имѣющихся у меня примѣровъ: «Таврическая земская управа возбудила переписку въ 1888 году съ министерствомъ государственныхъ имуществъ по дѣлу, начатому еще въ 1857 году. По словамъ «Крымскаго Вѣстника», казна до сихъ поръ еще не заплатила возчикамъ, возившимъ провіантъ въ крымскую войну, то есть слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ. На ходатайство губернской мской управы, по уполномочію губернскаго земскаго собранія, объ уплатѣ причитающихся денегъ, министерство государственныхъ имуществъ, не отрицая принципіальной справедливости этого долга дозазно, заставитъ уплату въ связь съ непремѣнимъ кеставленіемъ именныхъ спи-

сковъ возчикамъ казеннаго провіанта. На это губернская земская управа возражаетъ, что доставленіе такихъ списковъ, за давностью времени, рѣшительно невозможно, что возчики, возившіе въ Крымскую кампанію казенный провіантъ, исполняли повинность не личную, а общественную, что поэтому вознагражденіе слѣдуетъ уплатить не отдѣльнымъ лицамъ, а обществамъ. Но министерство государственныхъ имуществъ продолжаетъ настаивать на доставленіи именныхъ списковъ. Наконецъ, контрольное вѣдомство рѣшаетъ этотъ споръ гораздо проще и сразу разсѣкаетъ гордіевъ узелъ. Оно говоритъ, что деньги, слѣдуемыя возчикамъ, какъ выморочныя, должны поступить въ казну. На это губернская земская управа отвѣчаетъ, что выморочнымъ можно только признать тотъ капиталъ, который слѣдовалъ обществамъ татарскимъ и ногайскимъ, оставившимъ Россію, что казна уже сдѣлала позаимствованіе изъ этого капитала въ размѣрѣ 63,000 рублей, и что эти деньги должны идти въ счетъ ушедшихъ татаръ и ногайцевъ, а остальныя деньги управа проситъ уплатить обществамъ. Наконецъ, Мелитопольскій уѣздъ, какъ-то ухитрился доставить именные списки своимъ возчикамъ и управа проситъ казну заплатить мелитопольцамъ. Отвѣта до сихъ поръ не получено» («Новое Время» отъ 18 октября 1888 года).

Заканчиваю настоящую главу, которая, быть можетъ, для многихъ по своему содержанію покажется скучною, передачею разговора, подслушаннаго кѣмъ-то въ Одессѣ, между мною и генералъ-лейтенантомъ Скворцовымъ въ то время, когда ходили слухи о предполагаемомъ назначеніи его на постъ главнаго интенданта («Гражданинъ» отъ 13 августа 1889 г.).

«Въ одинъ прекрасный, теплый и солнечный день, сидя за чашкою кофе на бульварѣ, я совершенно невольнымъ образомъ очутился свидѣтелемъ слѣдующаго разговора между двумя генералами, только что возвратившимися съ бывшаго театра войны; впрочемъ, одинъ изъ нихъ прибылъ спеціально для окончанія счетовъ, ликвидаціи и упраздненія своего управленія, а другой, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ предсѣдателемъ одной изъ коммисеій. Предсѣдатель, обращаясь къ собесѣднику сказалъ:

— «Ходятъ слухи, что вашему превосходительству предлагаютъ мѣсто главнаго интенданта. Правда-ли это?

На это генералъ отвѣтилъ ему со свойственными ему скромностью, прямодушіемъ и честностью:

— «Не слыхалъ, да и много есть старше меня, но, во всякомъ случаѣ, скажу вамъ откровенно, я затрудняюсь принять эту трудную и отвѣтственную должность, опасаясь, что не справлюсь съ этимъ сложнымъ дѣломъ вообще, а главное, почти невозможно пересоздать, перевоспитать это вѣдомство въ короткій срокъ.

— «Но позвольте, ваше превосходительство, теперь, именно теперь, дать вамъ совѣтъ, какъ слѣдуетъ поступить тотчасъ по вступленіи на эту должность, такъ какъ сочту безтактнымъ явиться съ совѣтомъ уже тогда, когда вы будете стоять во главѣ этого управленія...

— «Интересно выслушать, въ чемъ будетъ заключаться этотъ совѣтъ?—съ улыбкою замѣтилъ собесѣдникъ.

— «Въ качествѣ предсѣдателя комиссіи и находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ интендатскимъ вѣдомствомъ, во время только что окончившейся кампаніи въ тылу арміи, я близко ознакомился не только съ существующими и практиковавшимися порядками (правильнѣе было бы выразиться, безпорядками), даже имѣлъ часто сношенія, скажу болѣе, столкновенія съ личнымъ составомъ, а потому, по возможности, я ознакомился съ духомъ и взглядами этого вѣдомства, вслѣдствіе чего считаю себя болѣе или менѣе компетентнымъ судьею. Вотъ поэтому-то полагаю необходимымъ: во-первыхъ, какъ только вступите въ отправленіе своихъ обязанностей, обезпечить всю армію годичнымъ вещевымъ, провіантскимъ, фуражнымъ и приварочнымъ довольствіями; во-вторыхъ, прекратить, то есть окончить всѣ дѣла и переписки, возникшія и искусственно поддерживаемыя чиновниками болѣе полустолѣтія, поэтому никогда, при существующихъ порядкахъ, не могущихъ окончиться, такъ какъ прекращеніе этихъ дѣлъ для нихъ равносильно смертному приговору; въ-третьихъ, распустить и уволить, безъ всякаго исключенія, всѣхъ служащихъ, числящихся, причисленныхъ, прикомандированныхъ и оказавшимся къ этому дню на лицо; въ-четвертыхъ, сжечь всѣ дѣла и дезинфекуировать всѣ

зданія, помѣщенія, склады и въ особенности канцеляріи... И только тогда приступить къ формированію вновинтендантскаго управленія, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать и не принимать во вновь учреждаемое управленіе ни одного служившаго въ этомъ вѣдомствѣ до его переформированія. На это послѣднее условіе я особенно обращаю вниманіе вашего превосходительства вслѣдствіе слѣдующаго соображенія: какъ вамъ не безъизвѣстно, у насъ вошло въ обычай, при переформированіи оказавшихся негодными учрежденіями, при упраздненіи личнаго состава, оставлять лицъ, имѣвшихъ протекцію или вліяніе и какъ будто необходимыхъ удержать для созиданія и введенія новыхъ порядковъ; между тѣмъ эти самыя лица, привыкшія къ прежнимъ порядкамъ и усвоившія себѣ извѣстные взгляды, по неволѣ внесутъ ихъ и во вновь учреждаемыя управленія, а потому, въ сущности, измѣнится только кличка... По поводу этого не могу не привести осязательнаго примѣра. Одинъ изъ крупныхъ овцеводовъ передавалъ мнѣ, что однажды въ его стадѣ показались короста и лепъ (очень заразительная болѣзнь у овецъ, не поддающаяся никакимъ палліативнымъ средствамъ ветеринаріи); чтобы избавиться отъ этого, онъ обратился къ извѣстному шафмейстеру, служащему въ одной изъ экономій по его сосѣдству, который, по осмотрѣ стада, объявилъ, что единственное средство — это уничтоженіе всего стада, такъ какъ болѣзнь эта гнѣздится давно и ею заражено все стадо. Пришлось покориться этому приговору, но разсказчикъ-овцеводъ добавилъ, что онъ оставилъ только нѣсколько лучшихъ производителей, на видъ казавшихся совершенно здоровыми и не зараженными этими страшными и губительными болѣзнями, и что же? черезъ нѣсколько лѣтъ и это новое стадо пришлось уничтожить, такъ какъ оно все оказалось зараженнымъ.

По выслушаніи этого суроваго и практичего совѣта, собесѣдники разстались въ задумчивости, а я вывелъ такой avis aux lecteurs: méfiez-vous même d'une brebis galeuse»!

VI.

Мои командировки по всѣмъ главнымъ управленіямъ военнаго министерства, поручаемыя мнѣ 1882—1887.

Ревизіи, слѣдствія, дознанія и участіе въ различныхъ комиссіяхъ по всѣмъ отраслямъ управленія военнаго министерства, при которомъ я числился, дали мнѣ возможность ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ общимъ направленіемъ, активною дѣятельностью личнаго состава и, вообще, со всѣмъ механизмомъ сложной машины, извѣстной подъ названіемъ военнаго министерства. Хотя, на мой взглядъ, единственную и настоящую оцѣнку разумной подготовки и хорошаго состоянія военныхъ порядковъ можетъ дать только война, но война, вообще, бываетъ не часто, всѣ же подготовительныя работы происходятъ въ мирное время, поэтому на военномъ министерствѣ и на его хозяинѣ, военномъ министрѣ, лежитъ обязанность зорко слѣдить чтобы во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ въ точности исполнялись всѣ предписанія и указанія; только тогда всѣ эти учрежденія будутъ отвѣчать своему назначенію и способствовать, въ случаѣ надобности, мобилизаціи арміи не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ.

Послѣдняя война съ Турціею въ 1877—78 годахъ, не смотря на значительный промежутокъ мирнаго времени, выяснила массу пробѣловъ въ нашей военной администраціи по всѣмъ отраслямъ ея. Война эта была экзаменомъ для военнаго министерства и мы, выражаясь по школьному, не только не выдержали испытанія, но провалились торжественно. Однако, не станемъ растравлять затянувшейся двадцатилѣтнимъ періодомъ раны и попробуемъ утѣшить себя сладостною надеждою, что тѣ же промахи и неустройства не повторятся въ будущую войну. Дай Богъ!..

Въ 1881 году оставилъ постъ военнаго министра всѣми глубокоуважаемый графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, гордость и слава среди государственныхъ дѣятелей нашихъ славнаго царствованія Императора Александра II; онъ былъ всесторонне и высокообразованный человѣкъ, честный до щепетильности, утонченно вѣжливый со всѣми, неутомимый труженикъ и талантливый военный историкъ.

Во время управленія военнымъ министерствомъ графомъ Д. А. Милютинымъ капитальными преобразованіями слѣдуетъ признать: учрежденіе военныхъ округовъ и военно-юридической академіи, введеніе военно-суднаго управленія и общей воинской повинности, болѣя чѣмъ утроенъ комплектъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, сокращенъ срокъ службы воинскихъ чиновъ, введено поголовное обученіе нижнихъ чиновъ грамотѣ введены хозяйственные комитеты въ полкахъ взамѣнъ единоличнаго распоряженія полковыми суммами командирами полковъ, и пр. и пр. Къ сожалѣнію, послѣднее нововведеніе не дало ожидаемыхъ результатовъ.

Не стану утруждать читателя подробными описаніями моихъ открытій, они сводятся. большею частью, всѣ къ одному: къ безцеремонному распоряженію казенными суммами и, по странной случайности, всегда не въ интересахъ правительства; но постараюсь опредѣленно указать на главныя причины, вызывающія подобныя явленія и выясняющія непригодность существующихъ законовъ и распоряженій о военномъ хозяйствѣ съ его запутанно-сложною и непрактичною отчетностью, а также съ невыполнимыми требованіями относительно качествъ матеріаловъ и припасовъ при пріемкѣ. Наивная увѣренность и самообольщеніе правительсгвенныхъ дѣятелей, подготовленныхъ вдали отъ дѣйствительной жизни, дѣлала то, что они, создавъ невозможныя и невыполнимыя требованія, считали себя гарантированными въ томъ отношеніи. будто получатъ всѣ предметы идеальныхъ качествъ и по несуществующимъ низкимъ цѣнамъ. Все это доходитъ до комизма, а въ концѣ концовъ, всѣ поставки обходятся казнѣ крайне дорого, потому что ловкіе чиновники искусно умѣютъ обойти всѣ распоряженія на практикѣ, а на бумагѣ все будетъ представлено очень дешево, причемъ комиссіонеръ-подрядчикъ дополнитъ пріятное впечатлѣніе умѣло составленнымъ и неуязвимымъ по формѣ контрактомъ. И дѣйствительно, мнѣ приходилось неоднократно убѣждаться, а еще болѣе удивляться, какимъ образомъ подрядчики могли исполнять контракты, въ которыхъ цѣны поставлены гораздо ниже дѣйствительныхъ за предметы идеальныхъ качествъ или за работы, проставленныя по

цѣнамъ на 20% и 40% ниже смѣтныхъ? И всегда невинность чиновника была сохранена, а подрядчикъ... пріобрѣталъ капиталецъ.

При окончаніи каждаго получаемаго мною порученія, я считалъ всегда необходимымъ, въ видѣ дополненія, указать на мѣры противъ существующихъ злоупотребленій и даже позволялъ себѣ иногда упомянуть вскользь на необходимость упраздненія нѣкоторыхъ существующихъ абсурдовъ въ законоположеніяхъ для того, чтобы на будущее время не возникали подобныя нежелательныя явленія, какъ напримѣръ: отсутствіе отпуска денегъ на освѣщеніе улицъ и цѣлыхъ мѣстностей; отпускъ нѣсколькихъ десятковъ рублей на содержаніе канцеляріи большого управленія; принятіе больныхъ гражданскаго вѣдомства въ военные госпитали съ платою по 35 коп., между тѣмъ гражданское вѣдомство, за пользованіе въ ихъ больницахъ лицъ военнаго сословія, требовало плату въ 82¾ коп.; и много подобныхъ ненормальностей! Но что всего интереснѣе — это разнорѣчивые циркуляры изъ одного и того же учрежденія по одному и тому же предмету, какъ мнѣ пришлось натолкнуться во время одной изъ моихъ командировокъ: оказалось три различныхъ разъясненія одного и того же вопроса — правда, что трехъ различныхъ начальниковъ, но одного учрежденія — причемъ контроль настаивалъ на соблюденіи перваго, подрядчикъ ссылался на второй, находя его болѣе выгоднымъ для себя, я же счелъ болѣе правильнымъ придержаться смысла третьяго, самаго послѣдняго по времени, и въ такомъ духѣ представилъ свое донесеніе. Но, какъ мнѣ помнится, окончательное рѣшеніе высшаго начальства послѣдовало совершенно новое, то есть явилось четвертое разъясненіе интересовавшей насъ статьи закона; интереснѣе всего въ этой исторіи то, что во всѣхъ разъясненіяхъ авторы ссылаются на однѣ и тѣ же статьи закона, что служитъ образчикомъ тягучести нашихъ законовъ, поддающихся разнымъ толкованіямъ. разъясненіямъ и постояннымъ недоразумѣніямъ. Подрядчикъ протестовалъ и дѣло, кажется, дошло до сената, тянулось семь лѣтъ и прекратилось лишь потому, что самъ подрядчикъ умеръ.

Чтобы нагляднѣе пояснить мой образъ дѣйствій во

время моихъ командировокъ, передаю еще два характерныхъ факта. Въ первомъ случаѣ дѣло происходило въ одномъ изъ южныхъ городовъ, гдѣ было размѣщено нѣсколько пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и двѣ батареи, а возникло оно вслѣдствіе жалобы, что провіантъ и фуражъ отпускаются недоброкачественные отчего люди заболѣваютъ. Составлена была комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ, при участьи двухъ докторовъ, техника и представителя отъ каждой военной части, квартирующей въ той мѣстности; всего собралось двѣнадцать членовъ. И вотъ, при опредѣленіи качества муки, двое изъ членовъ нашли ее хорошею, всѣ же остальные — плохою; спѣшу оговориться, что я, въ качествѣ предсѣдателя, никогда своего мнѣнія не высказывалъ. а только при подписаніи акта присоединялъ свой голосъ къ одному или другому мнѣнію. Въ настоящемъ случаѣ я вполнѣ раздѣлалъ мнѣніе большинства, а потому, послѣ подписанія акта, призвалъ смотрителя продовольственнаго магазина и приказалъ, чтобы, до окончательнаго въ Петербургѣ рѣшенія вопроса о годности или негодности экспертированной муки, выдавать послѣднюю только въ части (баталіоны и роты), командуемыя двумя лицами, признавшими ее годною и безвредною для здоровья солдатъ. Надобно было видѣть удивленіе этихъ командировъ! Но на ихъ протесты, въ которыхъ они называли мое распоряженіе несправедливымъ, я хладнокровно отвѣтилъ передъ всею комиссіею и въ присутствіи подрядчика, что было бы дѣйствительно несправедливымъ съ моей стороны, если бы я приказалъ отпускать эту муку и въ тѣ части, командиры которыхъ нашли ее недоброкачественною и вредною для здоровья нижнихъ чиновъ. Очень естественно. что оба заинтересованныхъ командира размышляли недолго, быстро измѣнили свои показанія, присоединились къ мнѣнію большинства и постановленіе вышло единогласнымъ.

Другой случай оказался еще забавнѣе.

Привычка ли моя вести всегда дѣла гласно, будучи на службѣ по мировымъ учрежденіямъ и допуская всегда обѣ стороны присутствовать при разборѣ, но я продолжалъ придерживаться этого правила, возвратясь къ дѣятельности по военному вѣдомству, а потому

всегда допускалъ подрядчиковъ, комиссіонеровъ и т. п присутствовать при разборѣ претензій во время моихъ командировокъ; я положительно пришелъ къ убѣжденію, что только при такомъ способѣ веденія дѣла можно всесторонне выяснить различныя обстоятельства во всѣхъ ихъ подробностяхъ; кромѣ того, при такой гласности часто обнаруживаются несовершенства и противорѣчія нашихъ законовъ и давленіе производимое канцеляріями. Къ сожалѣнію, у насъ существуетъ не мало начальствующихъ лицъ, которыя не могутъ усвоить высказанныя здѣсь воззрѣнія и предпочитаютъ облекать всѣ свои дѣйствія канцелярскою таинственностью. Цѣлью моей командировки въ одинъ исъ округовъ было провѣрить жалобу одного изъ крупныхъ и очень богатыхъ поставщиковъ, что у него не принимаютъ провіанта хорошаго качества, тогда какъ у другихъ подрядчиковъ смотритель принимаетъ провіантъ гораздо худшій и даже негодный совершенно. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса мнѣ было предписано распорядиться выпечь хлѣба изъ муки всѣхъ поставщиковъ даннаго района, которыхъ оказалось семь, а потому мнѣ и моей комиссіи предстояло выбрать изъ разныхъ магазиновъ муку всѣхъ поставщиковъ и, подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, выпечь хлѣбъ въ полковыхъ хлѣбопекарняхъ, а затѣмъ, послѣ испробованія, составить актъ. Во первыхъ, при выборкѣ муки изъ провіантскихъ магазиновъ я пригласилъ принять участіжалобщика; во вторыхъ, при хлѣбопеченіи въ пекарняхъ я допустилъ присутствіе его повѣреннаго, а въ третьихъ, предложилъ ему, совмѣстно со всѣми членами комиссіи, пробовать испеченный хлѣбъ и высказать свое мнѣніе письменно. Подрядчикъ былъ въ высшей степени польщенъ и громко высказалъ, что онъ, не смотря на свои годы, въ первый разъ присутствовалъ на такомъ правильномъ, безпристрастномъ и гласномъ дознаніи, при допущеніи самого жалобщика къ участію въ опредѣленіи качествъ провіанта его конкурентовъ по поставкѣ. Но не долго продолжалась его восторженность. Когда принесли въ засѣданіе комиссіи для экспертизы хлѣба, на каждомъ изъ послѣднихъ былъ выставленъ №, а фамилія поставщика каждаго № была написана отдѣльно и находилась тутъ же въ запечатанномъ конвертѣ;

поэтому предстояло опредѣлить качество хлѣба по вкусу, не зная, кому онъ принадлежитъ. Тогда только жалобщикъ сообразилъ, что нельзя будетъ рѣшить вопросъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, потому что, не зная, кому принадлежитъ испытываемый хлѣбъ, легко было высказать неодобреніе и забраковать свой собственный; долго онъ мялся и ему пришлось по неволѣ, чтобы не попасть въ просакъ, одобрить всѣ хлѣбы, но, по большинству голосовъ, хлѣбъ, испеченный изъ заготовленной имъ муки, признанъ негоднымъ, а потому вся партія муки его поставки была забракована и онъ поплатился довольно значительною неустойкою.

Доносы и подметныя анонимныя письма оказывались, большею частью, вымышленными, а нѣкоторыя, касающіяся частной семейной жизни, были прямо низки и грязны; между тѣмъ, они вносили въ военную семью растлѣвающее начало и признаюсь, что я всегда съ особеннымъ омерзѣніемъ знакомился, по неволѣ, съ ихъ содержаніемъ. Неоднократно мнѣ приходилось убѣждаться, что, если глава управленія лично и часто провѣрялъ дѣятельность подчиненныхъ ему лицъ и не удовлетворялся наружнымъ порядкомъ канцелярскаго формализма, то многія злоупотребленія были своевременно предупреждены и много казенныхъ денегъ сохранилось. Вотъ примѣръ: при одной ревизіи я открылъ, что одна изъ инстанцій, расходующая ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ, не представляла своевременно ни одного отчета за цѣлыхъ три года, хотя подрядчикамъ было уплачено болѣе двухъ милліоновъ рублей. При другомъ дознаніи выяснилось, что рабочіе журналы не велись въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и на мой запросъ, получилъ отъ главнаго управленія разъясненіе, что оно не придаетъ никакого значенія рабочимъ журналамъ; тѣмъ не менѣе, по закону эти журналы требуются и только по нимъ можно провѣрять ежедневную работу.

Затѣмъ былъ и такой случай. При провѣркѣ одного отчета я замѣтилъ, что одному изъ подрядчиковъ была уплачена довольно значительная сумма помимо контракта, какъ будто за выкачиванье и отвозъ грунтовыхъ водъ, оказавшихся въ одномъ мѣстѣ, не предусмотрѣнномъ и потому не включенномъ въ контрактъ. Для подобныхъ случаевъ существуютъ правила, изложенныя въ статьяхъ

162 и 173 книги XVIII свода военныхъ постановленій, которыми требуется составленіе акта при участіи мѣстной полиціи для подтвержденія дѣствительности нахожденія или оказавшейся грунтовой воды въ извѣстной мѣстности, не предвидѣнной и не предусмотрѣнной въ контрактѣ. Никакихъ актовъ составлено не было, а деньги подрядчику были выданы сверхъ контракта, положившись только на его голословныя показанія. Замѣчая неоднократно подобныя отступленія въ пользу поставщиковъ и въ прямой ущербъ казнѣ, я не могу не замѣтить, что всѣ контракты, бывшіе у меня въ рукахъ (я сохранилъ со всѣхъ копіи для назиданія и изъ любопытства), составлены въ высшей степени обдуманно и даютъ поэтому просторъ широкому толкованію въ пользу поставщиковъ. Какъ я положительно узналъ, всѣ подобные кантракты пишутся при участіи лицъ того вѣдомства, которому придется, въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній, разбирать и давать заключеніе, въ виду чего всегда все предусмотрѣно и оставлены лазейки для протеста, въ случаѣ начета по причинѣ невыполненія контракта или обязательства.

Однимъ изъ главныхъ козырей въ пользу поставщиковъ служитъ незнакомство или, правильнѣе, предположеніе, будто мы, военные, особенно изъ начальствующихъ лицъ, имѣемъ привиллегію всегда приказывать, ослушанія же или разсужденій отъ своихъ подчиненныхъ и подрядчиковъ, ради дисциплины, не допускать, и при этомъ полное незнакомство съ гражданскими законами; между тѣмъ, всякая сдѣлка, условіе или контрактъ, заключенный съ частнымъ лицомъ, при спорахъ разбирается въ общихъ судахъ. Вотъ по этой то причинѣ, при передачѣ контрагентомъ своихъ претензій въ гражданскій судъ или въ сенатъ на военное вѣдомство, большею частью оказываются нарушенія контрактовъ, притѣсненія и самоуправныя дѣйствія высшаго начальства, вслѣдствіе чего военное вѣдомство чаще всего проигрываетъ процессы. Мнѣ самому случалось выслушивать и покоряться самодурству такого рода: на возраженіе мое, что это не согласно съ контрактомъ, или на указаніе статьи закона при встрѣтившихся обстоятельствахъ, приходилось выслушать безъ права апелляціи, въ силу военной дисциплины: «Я вамъ прика-

зываю и въ вашихъ умозаключеніяхъ не нуждаюсь»!... Приходилось смиряться и въ качествѣ исправнаго подчиненнаго исполнять, будучи увѣренъ, что, рано или поздно, неблагопріятныя послѣдствія всплывутъ и, само собою разумѣется, отвѣтственность падетъ на исполнителя, то есть на меня, такъ какъ, опять таки на точномъ основаніи военной дисциплины, «начальникъ долженъ быть всегда правъ»; а мало людей, обладающихъ настоящимъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ, хотя можетъ быть и память — впрочемъ, въ такихъ только случаяхъ — всегда имъ измѣняетъ, что вполнѣ возможно при разнообразной и утомительной ихъ дѣятельности.

Здѣсь вполнѣ кстати замѣтить, что для избѣжанія или огражденія себя на будущее время отъ подобнаго рода незаслуженныхъ замѣчаній и отвѣтственности, а также для назиданія молодымъ людямъ, начинающимъ службу, считаю долгомъ сообщить придуманный мною простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, практичный способъ, притомъ въ строго подчиненномъ духѣ, а именно: получивъ личное словесное приказаніе (на которое я впослѣдствіи никакимъ образомъ не могу сослаться, а тѣмъ болѣе удостовѣрить или доказать какимъ-нибудь способомъ) и предвидя могущія послѣдовать неблагопріятныя обстоятельства въ результатѣ, я доносилъ по исполненіи рапортомъ, что личное словесное приказаніе (при этомъ непремѣнно подробно излагать, въ чемъ оно заключалось) такого то числа исполнено.

Такъ какъ подобныя бумаги не требуютъ отвѣта, а подшиваются къ общей перепискѣ, и производятъ на начальство только пріятное впечатлѣніе въ мою пользу, доказывая мою исправность, а также скорую и точную исполнительность. Но обстановка мѣняется, когда на поверхность всплыветъ истинное значеніе приказа, иногда даже ущербъ, а чаще всего безсмысленность, тогда требуютъ къ отвѣту исполнителя и вотъ тутъ происходитъ крайне курьезный разговоръ: Меня разносятъ въ пухъ и прахъ, какъ я ни стараюсь привести на память расходившемуся начальству, что все это было въ точности исполнено вслѣдствіе его личнаго приказанія, причемъ приводилъ и мои тогдашнія возраженія. Разумѣется, начальство

все это перезабыло и вотъ, наслушавшись массы непріятныхъ словъ и даже иногда подобнаго рода выраженій, что «я не могъ приказывать подобной глупости», съ должнымъ смиреніемъ подчиненнаго я начиналъ докладывать разсвирѣпѣвшему и невоздержному на слова начальству, что такого то числа, за такимъ то №, я доносилъ рапортомъ, что личное его приказаніе такое то (названное имъ глупымъ) мною приведено въ исполненіе и что мнѣ кажется, если я не точно понялъ данное мнѣ лично приказаніе, то слѣдовало бы тогда же пріостановить меня и тѣмъ предупредить воспослѣдовавшія изъ этого приказанія нежелательныя послѣдствія. Сцена рѣзко измѣнялась, физіономія принимала другое выраженіе... меня отпускали и я со скромнымъ видомъ (хотя твердо убѣжденный и доказавшій свою правоту, но ясно выражающеюся готовностью и впредь на слѣпое повиновеніе и точно исполненіе всѣхъ приказаній своего начальства) удалялся изъ кабинета. Словомъ, я велъ себя во всей этой исторіи, какъ подобаетъ хорошему подчиненному.

Вотъ какимъ несправедливымъ оскорбленіямъ приходится подвергаться! Еще хорошо, если начальство благоволитъ, такъ какъ тогда рѣзкій тонъ замѣняется замѣчаніями въ болѣе приличной формѣ, правда, не измѣняющимъ вовсе сути дѣла, но все-таки переносимымъ гораздо легче.

Выводъ изъ всѣхъ исполненныхъ мною порученій тотъ, что наше военное законодательство требуетъ кореннаго пересмотра, а военное хозяйство и контроль упрощенія въ болѣе практическомъ смыслѣ и непремѣнно введенія фактическаго контроля, о чемъ мною были напечатаны статьи въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 5 за 1886 годъ)*) и въ приложеніи къ «Гражданину» (№ 8, 9, 10, 11 и 12 за 1888 годъ)**).

Да и правительство прекрасно знаетъ, что слѣдуетъ сдѣлать, если не совсѣмъ уничтожить злоупотребленія по этой части, то, по крайней мѣрѣ, довести ихъ до возможнаго minimum'а, но для этого нужны люди, которыхъ хотя и много въ Россіи, но, по разбросанности

*) Подъ заглавіемъ „Къ вопросу объ устройствѣ интендантства у насъ и за границей".

**) Нѣсколько словъ объ устройствѣ интендантства.

и громадности пространства, не видны страшно близорукимъ изъ столицы, а сами по гордости, свойственной людямъ, сознающимъ свое достоинство, напрашиваться не станутъ, тѣмъ болѣе для прислуживанья.

Многое можно было бы еще поразсказать изъ моей служебной дѣятельности, но это вышло бы почти однимъ повтореніемъ, съ небольшими варіантами, и, въ сущности, не измѣнило бы ни на одну іоту высказаннаго раньше моего мнѣнія о существующихъ порядкахъ, а только навело бы тоску на читателя.

А потому заканчиваю настоящую главу и не стану описывать послѣдніе годы моей службы въ военномъ министерствѣ въ должности управляющаго особой канцеляріею для пріема прошеній и разбора просьбъ, поступающихъ въ военное министерство, такъ какъ, не смотря на длинное названіе должности, она не представляла особаго интереса а особой дѣятельности высказать нельзя было; служба сама по себѣ была однообразная, скучная и сводилась къ тому, чтобы выдавать грошовыя пособія, въ большинствѣ разнымъ тунеядцамъ, а въ меньшинствѣ дѣйствительно нуждающимся, послѣдніе не приходили на помощь вслѣдствіе ничтожной суммы, отпускаемой на этотъ предметъ и далеко не соотвѣтствующей числу прошеній многочисленной военной семьи совершенно не обезпеченной нищенскимъ пенсіономъ. Тяжелое и грустное впечатлѣніе сохранилось у меня объ этой службѣ, когда я былъ ежедневно осаждаемъ подателями прошеній и, что самое главное, ничѣмъ не могъ помочь; приходилось отдѣлываться уговорами и ничего незначущими утѣшеніями, нисколько не облегчающими ихъ плачевной участи, которая требовала, конечно, болѣе существенной матеріальной поддержки.

VII.

Причина моего ухода изъ военнаго министерства. Дѣятельность въ благотворительныхъ обществахъ. Поступленіе на службу въ частное коммерческое учрежденіе.

Глубоко врѣзалась въ моей памяти съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда еще начиналъ учиться каллиграфіи, извѣстная истина, служащая въ то время прописью, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ»; съ тѣхъ поръ я и въ жизни, и на службѣ всегда это помнилъ.

Еще долженъ добавить, что изъ принципа я никогда на службу не напрашивался и отъ нее никогда не отказывался. Безъ хвастовства могу сказать, что разъ взявшись за дѣло, исполнялъ его въ точности, какъ могъ и какъ умѣлъ, и не требовалъ ни напоминаній, ни понужденій. Это въ моемъ характерѣ, а потому не ставлю себѣ этого въ особенную заслугу, и вообще считаю, что это долгъ каждаго уважающаго себя человѣка.

И послѣднее мѣсто, управляющаго особою канцеляріею, я не искалъ и не просилъ, а мнѣ было предложено оно; эту должность по штату и прежде, и впослѣдствіи, долженъ занимать чиновникъ особыхъ порученій IV класса изъ состоящихъ при министрѣ, притомъ всѣ, занимавшіе эту должность ранѣе и позднѣе, получали не менѣе трехъ тысячъ, такъ получалъ и мой предшественникъ до назначенія его губернаторомъ. Эти условія мнѣ были извѣстны, а потому, когда мнѣ предложили вакантное мѣсто, я согласился и вступилъ въ отправленіе новой должности.

Проходятъ два мѣсяца. Я исправно и ежедневно хожу въ канцелярію въ ожиданіи приказа, но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, мнѣ сообщаютъ, что я не буду назначенъ чиновникомъ IV класса, а потому жалованья ни копѣйки. Какъ оказалось, это мѣсто съ жалованьемъ обѣщали, по протекціи, другому, причемъ, по особому ходатайству, содержаніе ему испрошено на тысячу рублей болѣе, т. е. вмѣсто трехъ четыре тысячи. Настоящую подкладку этой исторіи, повліявшей на назначеніе, описывать не стану.

Вѣроятно, многимъ кажется страннымъ, почему я, убѣдившись многократно, что одною исправною и добро-

совѣстною службою, при самостоятельномъ характерѣ, безъ низкопоклоннаго выпрашиванья, не получу даже слѣдуемаго и положеннаго по штату, все-таки занималъ много должностей и не покидалъ службы? Причиною этого было то, что я прослужилъ уже болѣе 35 лѣтъ, но изъ нихъ шестнадцать лѣтъ безъ содержанія, а на основаніи существующей статьи 895, части II, книги 2 свода военныхъ постановленій (изд. 1859 года) «служба безъ содержанія отъ казны къ учету на пенсію не принимается». Такимъ образомъ, при выходѣ въ отставку, по смыслу приведеннаго закона о пенсіи, я ничего не выслуживалъ. Не говоря уже о томъ, что я не только не получалъ казеннаго содержанія, но при частыхъ моихъ командировкахъ, сопряженныхъ съ выѣздомъ изъ Петербурга, причемъ добавлю, что я никогда не получалъ ни суточныхъ, ни подъемныхъ, ни на канцелярскіе расходы и продолжавшимся не командировкахъ одинъ разъ по нѣсколько мѣсяцевъ, приходилось производить расходы, вынуждавшіе меня выходить изъ рамокъ скромнаго, на каждый годъ опредѣленнаго бюджета, а потому мой небольшой капиталъ сталъ хотя медленно, уменьшаться. Къ тому же подошло время конверсіи разныхъ бумагъ, уменьшились проценты по гарантированнымъ правительствомъ бумагамъ и у меня съ каждымъ годомъ началъ появляться недочетъ и даже небольшіе долги. Слѣдовательно, казенная пенсія являлась для меня необходимымъ подспорьемъ, но, какъ ни тяжело было мнѣ переносить явную несправедливость моего начальства къ моимъ служебнымъ трудамъ, не говоря уже о мелкихъ уколахъ самолюбія, я долженъ былъ выждать, когда въ комитетѣ министровъ будетъ уважено поданное мною прошеніе, въ силу существующаго Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ отъ 27 марта 1880 года за № 20, по которому: лицамъ и семействамъ лицъ, кои, въ теченіе службы, состояли нѣкоторое время на службѣ безъ полученія жалованья отъ казны, предоставлялось зачислять въ срокъ выслуги на пенсію службы безъ жалованья чиновникамъ, приносящимъ пользу служебному дѣлу.

Наконецъ, я дождался. Въ 1887 году комитетъ министровъ призналъ меня достойнымъ этого зачета, такъ

что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я выслуживалъ полную пенсію за 35 лѣтъ службы; не обольщая себя надеждою, что мое служебное положеніе можетъ улучшиться, я, разумѣется, немедленно подалъ прошеніе объ отчисленіи меня отъ военнаго министерства и объ увольненіи отъ занимаемой мною должности управляющаго особою канцеляріею, выгадывая при этомъ: полную свободу распорядиться своимъ временемъ, пенсію ровно вдвое противъ получаемаго на службѣ содержанія и возможность порвать всѣ сношенія съ лицами, которыхъ я не уважалъ. Знаю, что послѣднія написанныя строки не особенно лестно рекомендуютъ меня, но черезчуръ уже накипѣло на душѣ, какъ это многіе поймутъ, если я не съумѣлъ скрыть волновавшихъ меня чувствъ въ глубинѣ души, а позволилъ имъ вылиться на бумагѣ при бесѣдѣ съ самимъ собою; иногда такая откровенность наединѣ какъ-то облегчаетъ и успокоиваетъ. Да наконецъ, все написанное въ этихъ строкахъ, въ сущности, совершенно безвредно для тѣхъ лицъ, до которыхъ все это касается. Единственною усладою при этихъ воспоминаніяхъ является то, что, начиная со школьной скамьи въ Пажескомъ корпусѣ и во всю послѣдовавшую службу, я былъ счастливъ имѣть своими начальниками лицъ, которыхъ всѣхъ безъ исключенія глубоко уважалъ и любилъ, а ихъ было не мало въ теченіе моей болѣе чѣмъ 35-лѣтней службы, а именно: три директора, четыре полковыхъ командира, пять губернаторовъ, трое командующихъ войсками и многіе другіе. У всѣхъ я пользовался довѣріемъ и со всѣми, по окончаніи служебныхъ отношеній, сохранилъ личное знакомство и ихъ, если не дружеское, то самое сердечное отношеніе и взаимное уваженіе. Всѣмъ этимъ я горжусь и вовсеуслышаніе о томъ громко заявляю.

Такъ какъ я принадлежалъ къ извѣстному обществу и не велъ затворнической жизни отшельника, то по неволѣ принималъ участіе въ водоворотѣ обыденной свѣтской суеты и, по поговоркѣ «noblesse oblige», считалъ себя нравственно обязаннымъ ежегодно вносить извѣстную лепту въ пользу разныхъ существующихъ или долженствующихъ появиться въ будущемъ благотворительныхъ учрежденій. И я, чтобы не отставать отъ другихъ, числился въ нѣсколькихъ обществахъ, въ одномъ—почет-

нымъ членомъ, въ другомъ—пожизненнымъ, въ третьемъ—дѣйствительнымъ и т. д., но ни въ одномъ я не былъ «дѣятельнымъ», а еще менѣе полезнымъ членомъ, и ограничивался аккуратнымъ ежегоднымъ членскимъ взносомъ. общихъ собраній не посѣщалъ, а потому не вмѣшивался въ дѣятельность обществъ и не мѣшалъ главнымъ распорядителямъ распоряжаться, только думаю, что, принявъ на себя добровольно веденіе поручаемаго дѣла, они всѣ усилія употребляли на то, чтобы оправдать оказанное имъ такое лестное довѣріе всего общества. Но увы! Скоро въ этомъ заблужденіи я разочаровался случайно узнавъ о настоящемъ и плачевномъ положеніи дѣлъ одного изъ обществъ, а также несоотвѣтсвующемъ содержаніи питомцевъ одного изъ пріютовъ, Когда же я полюбопытствовалъ, какъ ведутся дѣла въ другихъ обществахъ, членомъ которыхъ я состоялъ, то очень быстро убѣдился, что почти во всѣхъ остальныхъ главную роль играетъ показная часть, а счетоводство ведется патріархально, ревизія отсутствуетъ, если же кто и заявитъ свое мнѣніе касательно провѣрки, чтобы болѣе подробно ознакомиться съ расходами и отчетностью, то это принимается за личное оскорбленіе и подтасованная стоустая толпа членовъ, на первомъ же общемъ собраніи, шумитъ, кричитъ и подавляющимъ большинствомъ постановляетъ выразить полное довѣріе и благодарить, отъ имени общества, главныхъ дѣятелей.

Ознакомившись ближе съ дѣятельностью нѣсколькихъ обществъ (за малымъ исключеніемъ всецѣло зависящихъ отъ одного лица, счастливо попавшаго въ главные дѣятели), я былъ пораженъ, какое отсутствіе единенія и цѣльности царствуетъ въ нашемъ общественномъ благотворительномъ дѣлѣ! Никакой организаціи, вездѣ одна показность, много учрежденій однородныхъ и преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, но никогда эти учрежденія не обмѣниваются результатами своей дѣятельности, отчетностями; очевидно, они не подозрѣваютъ о существованіи другъ друга. а потому никогда никакихъ полезныхъ позаимствованій, сравненій; точно какъ будто всѣ они скрываютъ свою дѣятельность и даже самое свое существованіе. А какую можно было-бы принести пользу общему дѣлу при обмѣнѣ мыслей и при взаимномъ посѣщеніи своихъ заведеній; сколько можно

было-бы избѣжать невольныхъ ошибокъ и промаховъ, и лишнихъ расходовъ! Но еще было бы лучше всѣмъ однороднымъ, разъединеннымъ теперь обществамъ соединиться въ одно, только это, конечно, невыполнимая мечта для насъ русскихъ вообще, а въ частности для представительницъ слабой половины человѣчества даже немыслимо, при ихъ ребяческомъ стремленіи играть первенствующую роль при всякомъ представляющемся къ тому случаѣ.

Не трудно себѣ представить, какое обиліе пустословія, мелочности, самолюбія и самообольщенія пришлось мнѣ видѣть и слышать при изученіи закулисной жизни тѣхъ обществъ, членомъ которыхъ я состоялъ.

Къ сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, не одна благотворительность страдаетъ отъ этой разрозненности и отсутствія солидарности, какъ общей, такъ и между самими обществами, хотя бы они преслѣдовали одинаковыя цѣли и имѣли бы однородныя задачи. (Пригляды).

Въ пріютѣ-школѣ въ настоящее время (половина 1899 года) уже до 90 питомцевъ, было четыре выпуска и безъ малаго сотня питомцевъ поступила въ кадетскіе корпуса; отзывы о мальчикахъ со стороны директоровъ корпусовъ самые лестные. Доказательствомъ довѣрія къ пріюту-школѣ среди офицеровъ можетъ служить масса благодарственныхъ писемъ и обиліе желающихъ отдать въ нее своихъ дѣтей; однако, удовлетворить желанія всѣхъ не представляется возможнымъ и, къ сожалѣнію, кандидатскій списокъ ежегодно возрастаетъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть немного поспѣшнаго и легкомысленнаго закрытія Александровскаго сиротскаго для малолѣтнихъ кадетскаго корпуса, существовавшаго нѣсколько десятковъ лѣтъ и дававшаго пріютъ многочисленнымъ сиротамъ офицерскаго званія. Пріютъ-школа «Бѣлаго Креста» представляетъ изъ себя упраздненный корпусъ въ миніатюрѣ. Неужели правительство не вникнетъ въ насущныя потребности и не исправитъ ошибки учрежденіемъ вновь теперь упраздненнаго заведенія на прежнихъ основаніяхъ и хотя этимъ значительно облегчитъ не совсѣмъ завидное въ матеріальномъ отношеніи положеніе доблестныхъ представителей русской арміи. Вся надежда на нашего добраго молодого Царя, неоднократно уже выказавшаго свое истинно отческое

попеченіе о нуждахъ офицеровъ и ихъ семьяхъ. Дай Богъ!

Какъ доказательство. какимъ нападкамъ я подвергался въ обществѣ «Бѣлаго Креста» со стороны враждебнаго мнѣ лагеря, разскажу прекурьезный случай. Когда комиссіею были обнаружены всѣ непорядки и плачевное состояніе пріюта, то меня просили принять на себя хлопоты по приведенію его въ надлежащій видъ, для чего была составлена смѣта и ассигнована извѣстная сумма. По исполненіи всего, я представилъ всѣ счета и оправдательные документы произведеннымъ расходамъ, такъ какъ стала уже вводиться строгая отчетность, причемъ оказалось необходимое перерасходованіе противъ смѣты, всего на нѣсколько сотъ рублей, не желая вводить общество въ сверхъ-смѣтные расходы я добавилъ, что вся перерасходованная сумма мною уплачена и этотъ расходъ я принимаю на себя. Казалось бы, кромѣ благодарности, ничего нельзя было ожидать, но при первомъ же засѣданіи было получено заявленіе одного изъ членовъ, принадлежащаго къ группѣ дѣятелей прежняго направленія, гдѣ онъ на нѣсколькихъ страницахъ заявляетъ (скорѣе обвиняетъ), что никто не уполномочивалъ меня тратить деньги (это мои-то собственныя деньги!), а потому за неправильныя дѣйствія я подлежу порицанію.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что бывшіе дѣятели и ихъ единомышленники не ограничивались такими выходками, и когда былъ купленъ домъ, крайне дешево и на болѣе чѣмъ выгодныхъ условіяхъ уплаты. то они коллективно депешею обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ заявленіемъ, что новое правленіе тратитъ непроизводительно общественные капиталы на покупку какого-то дома. Между тѣмъ за домъ, съ большимъ участкомъ земли, мы условились внести 50,000 руб. сер., съ разсрочкою уплаты на пять лѣтъ изъ 5% годовыхъ; на самомъ же дѣлѣ наша покупка представляла цѣнность по крайней мѣрѣ въ 120,000 руб. сер.

Чтобы пояснить рельефно мой взглядъ на общественные капиталы, приведу сказанныя мною слова въ одномъ изъ засѣданій: «Общественныя деньги должны находиться всегда на извѣстной высотѣ и подъ стекляннымъ колпакомъ такъ. чтобы каждый могъ ихъ

вполнѣ видѣть, но не прикасаться». А какъ было бы полезно принять эти слова къ свѣдѣнію и другимъ благотворительнымъ обществамъ.

Приведя всѣ дѣла общества въ порядокъ, преобразовавъ пріютъ и поставивъ его, могу смѣло сказать, какъ образцовую школу, на должную высоту въ воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, увеличивъ запасный капиталъ, не смотря на уплату почти всей суммы за купленный домъ (при отказѣ моемъ отъ должности моему преемнику оставалось доплатить только 2,000 руб.), дождавшись четырехъ выпусковъ питомцевъ, чтобы убѣдиться, насколько правильно поставлена и учебная часть, такъ какъ всѣ безъ исключенія питомцы выдержали конкурсные экзамены,— я, хотя съ сожалѣніемъ, отказался отъ почетной должности предсѣдателя правленія и попечителя пріюта-школы; причиною этого было мое сильно разстроенное здоровье.

Вглядываясь внимательно въ ходъ дѣла въ благотворительныхъ обществахъ,мы видимъ полное отсутствіе общей организаціи, а это объясняется тѣмъ, что среди русскихъ почти не развито стремленіе къ серьезной общественной дѣятельности, а имѣется только желаніе «побаловаться», порисоваться и пококетничать своимъ якобы добрымъ дѣломъ, вродѣ того купца-міроѣда, который за свои пожертвованія мечтаетъ сдѣлаться со временемъ «пріютскимъ генераломъ» при треуголкѣ и при шпагѣ.

Во Франціи давно признали во всемъ этомъ слабую сторону дѣла благотворительности и создали замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе - Office centrale. Какую пользу мы могли бы почерпнуть, если бы позаимствовали въ главныхъ чертахъ изъ этого полезнаго и практическаго учрежденія. Вѣдь мы обезьяничаемъ и перенимаемъ особенно съ Запада, почему же на этотъ разъ мы упустили такой случай? Или мы перенимаемъ только то, что намъ не пригодно? Сдѣлаемъ же на этотъ разъ исключеніе и для начала предлагаю хотя прочесть книгу «Paris charitable et prénoyant», въ которой находимъ не мало полезныхъ напоминаній, вродѣ того, что «хорошее дѣло, разумно направленное, всегда привлекаетъ хорошихъ дѣятелей (а какъ мы въ нихъ нуждаемся и не въ одной благотворительности!) и средства». Дай Богъ,

чтобы мои пожеланія не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а тѣмъ болѣе среди глухихъ.

Совершенно неожиданно, въ одинъ прекрасный день, я получилъ увѣдомленіе, что я избранъ въ одномъ изъ общихъ собраній членомъ правленія общества «Бѣлаго Креста или попеченія о нуждающихся воинахъ, потерявшихъ здоровье на службѣ». Такимъ образомъ, поневолѣ и совсѣмъ негаданно я сдѣлался активнымъ дѣятелемъ тамъ, куда прежде почти не заглядывалъ.

Волею-неволею пришлось ближе познакомиться съ уставомъ, дѣятельностью, порядками и обязанностями члена правленія, съ личнымъ составомъ его и, вообще, съ положеніемъ дѣлъ и матеріальными средствами общества.

Предсѣдательствующимъ и главнымъ руководителемъ всего былъ товарищъ предсѣдательницы, такъ какъ послѣдняя ни во что не вмѣшивалась. Товарищъ предсѣдательницы былъ мой товарищъ по корпусу, онъ то и втянулъ меня въ активные дѣятели; это былъ человѣкъ добрый, честный, сердечный, готовый всегда помочь ближнему и всею душею преданный дѣлу, но слабый характеромъ и слишкомъ безпечный и довѣрчивый, не во всякомъ дѣлѣ способный быть организаторомъ или администраторомъ; при горячемъ желаніи принести пользу, не каждому это бываетъ подъ силу. Дѣла общества находились въ такомъ положеніи: приливъ денегъ хорошій, число членовъ достаточное, отчетности почти никакой, содержаніе пріюта ниже всякой критики. Всѣ общественныя суммы находились на рукахъ казначея и хранились имъ у себя на дому. Во всемъ проявлялась русская безпечность, халатность и наивная довѣрчивость; всякій намекъ на необходимость измѣнить порядокъ, ввести правильное счетоводство и ревизію суммъ возбуждалъ неудовольствіе и вызывалъ своеобразныя пререканія, украшаемыя нерѣдко рѣзкими и не всегда приличными выраженіями.

Оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ такихъ безобразій не въ моемъ характерѣ, а тѣмъ болѣе какъ-то не хотѣлось допускать погибели этого полезнаго, по предназначенной ему цѣли, общества. Кромѣ того, у меня тогда уже зародилась мысль существующій пріютъ для солдатскихъ дѣтей пересоздать для дѣтей офицеровъ, гораздо болѣе нуждающихся въ подготовленіи своихъ

малолѣтнихъ сыновей къ поступленію въ кадетскіе корпуса. По этой причинѣ я энергично принялся выводить наружу всѣ безпорядки и встрѣтилъ сочувствіе во многихъ членахъ; тогда я предложилъ составить комиссію: во-первыхъ, провѣрить во всѣхъ подробностяхъ положеніе всѣхъ дѣлъ и суммъ общества; во-вторыхъ, проревизовать, въ какомъ состояніи находится и содержится пріютъ, и въ-третьихъ, обсудить, не полезнѣе ли было бы, въ виду сокращеннаго срока службы нижнихъ чиновъ и существованія во всѣхъ полкахъ школъ для дѣтей нижнихъ чиновъ (такъ называемыхъ кантонистскихъ школъ), преобразовать пріютъ для офицерскихъ дѣтей.

Дѣло закипѣло, благодаря поддержкѣ членовъ общества изъ военнаго сословія, понимающихъ и хорошо знакомыхъ съ безвыходнымъ положеніемъ, въ которомъ находятся ихъ сотоварищи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ квартирномъ отношеніяхъ, разсѣянные въ различныхъ закоулкахъ нашего обширнаго отечества, гдѣ не только гимназій, но не вездѣ и сельскія школы существуютъ. Благодаря дружной работѣ, на первомъ же общемъ собраніи этотъ вопросъ былъ рѣшенъ громаднымъ большинствомъ въ утвердительномъ смыслѣ и мнѣ предложили взяться привести его въ исполненіе. Рептиліи шумѣли, интриговали черезъ черное крыльцо, даже жаловались министерству внутреннихъ дѣлъ, но, къ своему удивленію, не имѣли никакого успѣха. Весь старый составъ правленія былъ замѣненъ лицами серьезными, между которыми были и извѣстные педагоги, но большинство военные, пользующіеся авторитетомъ въ своихъ частяхъ и люди образованные. Поэтому въ правленіи воцарилось единодушіе, единогласіе и серьезное отношеніе къ дѣлу, введена строгая отчетность и въ очень скоромъ времени направленіе дѣятельности общества совершенно измѣнилось; послѣ тщетныхъ усилій бывшіе у власти акробаты благотворительности какъ-то незамѣтно стушевались и не прошло двухъ лѣтъ, какъ пріютъ былъ преобразованъ, купленъ прекрасный домъ съ садомъ, капиталъ увеличился и процвѣтаніе общества заслужило общее довѣріе, что можно провѣрить во всякое время, посѣтивъ пріютъ-школу общества «Бѣлаго Креста», помѣщающуюся въ собственномъ домѣ (по Очаковской улицѣ, д. № 4—6, близъ Смольнаго института).

Не нахожу словъ для выраженія своей признательности моимъ товарищамъ, друзьямъ и членамъ правленія, а также всему составу общества, которое въ своемъ общемъ собраніи постановило увѣковѣчить и связать мое имя за хлопоты и дѣятельное участье въ созданіи пріюта-школы записаніемъ моей фамиліи на мраморную доску, помѣщеніемъ моего портрета въ залѣ пріюта и установленіи трехъ стипендій моего имени. Подобной чести, гораздо выше моихъ заслугъ, я не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что если дѣло оказалось поставленнымъ хорошо и пріютъ процвѣтаетъ, то не однѣми моими заслугами, а также дружною, послѣдовательною, безкорыстною, настойчивою и неутомимою общею работою всѣхъ членовъ правленія, а потому я являлся только исполнителемъ. О Боже, сколько можно сдѣлать добраго, хорошаго и плодотворнаго при искреннемъ только желаніи стремиться къ этому, при отсутствіи личностей, себялюбивыхъ разсчетовъ, зависти, лицепріятія, а главное при стремленіи совокупными, дружными усиліями достигнуть намѣченной цѣли и никогда не отступать отъ нея.

Изъ всей моей жизни, мысленно пробѣгая ее съ того момента, какъ я покинулъ школьную скамейку, я считаю откровенно лучшими годами то сравнительно короткое время, когда я состоялъ предсѣдателемъ общества «Бѣлаго Креста» и попечителемъ пріюта-школы, считаю потому, что тутъ мнѣ улыбнулась полная удача и я имѣлъ возможность достигнуть, что не всякому выпадаетъ, блестящихъ результатовъ въ пользу подростающаго поколѣнія, среди котораго разовьется не одинъ честный и полезный труженикъ. Пріятнымъ сознаніемъ принесенной пользы я обязанъ, конечно, дружескимъ отношеніямъ всѣхъ безъ исключенія товарищей по правленію. Невольно вспомнишь старинное изрѣченіе, что «сила въ единеніи»; сильный такою нравственною поддержкою, человѣкъ, при самыхъ скромныхъ средствахъ, способенъ надѣлать чудесъ. Спасибо вамъ, друзья, за совѣты и освѣжающую нравственную поддержку! Я глубоко убѣжденъ и утѣшаю себя тѣмъ, что наши совмѣстные, дружные труды положили прочную и долговѣчную основу хорошему, полезному и плодотворному дѣлу, которое несомнѣнно будетъ процвѣтать многіе и многіе годы.

Казалось бы, что безкорыстная, въ полномъ смыслѣ слова, всегдашняя готовность исполнять всѣ служебныя порученія, дослуживщій до генеральскаго чина и состоя на нищенскомъ положеніи почти сорокъ лѣтъ, давали мнѣ право надѣяться, что подъ старость я не буду вынужденъ искать себѣ службы въ частныхъ учрежденіяхъ. Потерявъ здоровье и даже истративъ часть своего состоянія за время пребыванія на государственной службѣ, занимая штатную генеральскую должность, я достигъ того, что вынужденъ былъ искать частной службы. А все это оттого, что, какъ мнѣ потомъ объясняли, я никогда не просилъ; забывали какъ-то, что я подавалъ рапорты и даже не одну докладную записку, въ которыхъ писалъ: «Что постоянныя мои командировки, изъ которыхъ нѣкоторыя продолжались по нѣсколько мѣсяцевъ и притомъ сопряженныя съ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга, вызываютъ значительные расходы, а такъ какъ я не получаю жалованья и ни разу при командировкахъ мнѣ не выдавали ни копѣйки на расходы, то я, въ видахъ справедливости, имѣю честь просить назначить мнѣ, хотя на время возлагаемыхъ на меня порученій, какое нибудь денежное содержаніе, въ особенности въ случаяхъ, сопряженныхъ съ выѣздомъ изъ Петербурга» (изъ поданнаго мною рапорта за № 45 въ 1882 году).

И на все это ни отвѣта, ни привѣта!

Прождавъ три года, законнаго удовлетворенія на просьбу, изложенную въ рапортѣ за № 45, я не получилъ, но продолжалъ получать командировки, отъ которыхъ ни разу не отказывался; наконецъ, рапортомъ за № 84 въ 1885 году я снова писалъ, что, вынужденный обстоятельствами и стѣсненный въ матеріальныхъ средствахъ, а также не получая никакого содержанія и находясь въ затруднительномъ положеніи относительно всякихъ непредвидѣнныхъ и экстренныхъ расходовъ, неизбѣжныхъ при командировкахъ, тѣмъ болѣе требующихъ выѣзда на продолжительное время изъ постояннаго мѣстожительства, «я поставленъ въ необходимость обратиться еще разъ съ просьбою благоволить обратить вниманіе на вышеприведенные доводы и, въ видѣ справедливости, ассигновать мнѣ какую нибудь сумму для устраненія необходимости прибѣгать къ не-

выгоднымъ во всякихъ отношеніяхъ займамъ при выполненіи возлагаемыхъ на меня служебныхъ порученій».

На этотъ рапортъ я получилъ, при отношеніи канцеляріи военнаго министерства, сто руб. сер. съ присовокупленіемъ, чтобы представить отчетъ въ израсходованіи этой суммы съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ. Я въ точности, однако, исполнилъ желаніе канцеляріи и, израсходовавъ собственно на канцелярскія письменныя принадлежности и переписку 57 руб. 35 коп., остальные 42 руб. 65 коп. немедленно по пріѣздѣ представилъ при рапортѣ съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ.

Не думайте, чтобы съ назначеніемъ на штатную должность, съ содержаніемъ въ 1,017 рублей въ годъ (менѣе на триста рублей получаемаго младшимъ помощникомъ столоначальника въ управляемой мною канцеляріи), прекратилось бы пользованье моими денежными средствами на пополненіе расходовъ по канцеляріи. Нѣтъ! И въ подтвержденіе привожу фактъ.

Совершенно неожиданно для меня, въ одинъ прекрасный день, составъ писарей канцеляріи сократился: вмѣсто положенныхъ по штату пяти, оставлено три; между тѣмъ, ежегодная переписка и дѣла увеличивались и въ годъ сокращенія дошли до 15,000 нумеровъ. Во всякомъ случаѣ, по принятому во всѣхъ министерствахъ порядку, всегда спрашиваютъ о степени и возможности желаемаго сокращенія, но у меня никто ничего подобнаго не спрашивалъ и даже никто не потрудился справиться по входящимъ дѣламъ или вообще ознакомиться съ дѣятельностью канцеляріи въ томъ смыслѣ, что уменьшается ли или увеличивается переписка каждогодно.

Я подалъ рапортъ военному министру, въ которомъ изложилъ обстоятельно всю необходимость оставить прежнее число писарей въ виду ежедневно увеличивающейся переписки. Рапортъ оставили безъ послѣдствій, о чемъ главный штабъ сообщилъ мнѣ 24 января; тогда я опять подтвердилъ въ ежегодномъ отчетѣ свое ходатайство о добавленіи въ управляемую мною канцеляріею писарей. Это также осталось безъ послѣдствій. Въ третій разъ я подалъ докладную записку отъ 3 февраля,

въ которой просилъ уволить меня отъ управленія особою канцеляріею и завѣдыванья дѣлами комиссіи, «такъ какъ я не въ состояніи болѣе удѣлять чтобы то ни было на наемъ писарей, какъ изъ собственныхъ средствъ, такъ и изъ получаемаго мною, болѣе чѣмъ скромнаго содержанія» (всего 84 рубля въ мѣсяцъ). На увольненіе военный министръ не согласился и приказалъ выдавать на наемъ писарей ежемѣсячную плату; и была назначена прибавка на канцелярію для найма писарей по пяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, потраченныя мною деньги на наемъ писарей въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока шла эта интересная переписка, никогда не были мнѣ возвращены, но предоставляю судить читателямъ, сколько и какихъ писарей можно нанять на пять рублей въ мѣсяцъ!

Когда я подалъ окончательно объ отчисленіи меня отъ занимаемой должности, то при переговорахъ «почему?» и «зачѣмъ?» я вынужденъ былъ изъ вѣжливости выслушивать, что зачѣмъ я это дѣлаю, что меня имѣли въ виду, а при этомъ перечислили всѣ награды, которыя я получилъ, съ какимъ-то попрекомъ въ моей неблагодарности. Не помню уже всего пустословія и многословія (свойственныхъ многимъ) для убѣжденія меня остаться, но я все-таки рѣшился оставить военную службу, хотя я не могъ никакъ вывести заключенія изъ разговора съ академикомъ, какъ со мною поступали за послѣднее время: по справедливой несправедливости или по несправедливой справедливости? Только я болѣе, чѣмъ когда нибудь, убѣдился, что гораздо выгоднѣе прислуживаться, чѣмъ служить. А между тѣмъ, я помнилъ, что «за Богомъ молитва» и т. д.

Если я привелъ на этихъ страницахъ выдержки изъ своей офиціальной переписки, то съ единственною цѣлью доказать документами, что передъ моимъ выходомъ въ отставку, какъ мнѣ и говорили неоднократно, они думали, будто я не нуждаюсь въ хорошемъ содержаніи и притомъ я никогда не просилъ. Кстати разсказать здѣсь, какъ я, состоя еще на службѣ, имѣлъ удовольствіе услышать: «Мы думали, что вы не нуждаетесь въ содержаніи». Выведенный на этотъ разъ изъ терпѣнія, я отвѣтилъ: «Полагаю, что правительству

нѣтъ никакого дѣла до состоянія своего служащаго, начальство должно одинаково заботиться само о справедливомъ вознагражденіи своихъ подчиненныхъ за ихъ службу (а не за ихъ связи), лишенія, свободу, познанія и трудъ. При этомъ я разсказалъ про одно семейство, нанявшее повара, про котораго шла молва, будто онъ при деньгахъ; долго не раздумывая, семейство воспользовалось этимъ и стало жить на счетъ повара. Надо было видѣть, какъ возмутились всѣ порядочные люди, узнавъ объ этомъ; всѣ стали громко кричать, что это крайне недобросовѣстно со стороны семейства, такъ какъ нельзя жить на средства своего повара. Многихъ моя побасенка насмѣшила.

Вотъ при какихъ условіяхъ мнѣ пришлось служить! Легко пойметъ всякій, какъ я былъ счастливъ, когда получилъ возможность выйти въ отставку. Тогда получилась возможность внимательнѣе вникнуть въ свои денежныя дѣла и я убѣдился, что ежегодныя передержки противъ смѣты, пониженіе процентовъ и конверсія бумагъ порядочно растрепали мой портфель. Видя это, я воспользовался представившимся случаемъ поступить на частную службу съ порядочнымъ ежегоднымъ окладомъ. И вотъ уже три трехлѣтія я удостоиваюсь быть избраннымъ членомъ совѣта Сибирскаго торговаго банка, акціонеромъ котораго я состою.

Врядъ ли многимъ пришлось быть настолько счастливымъ, въ теченіи своей многолѣтней службы, относительно товарищей и начальства, а также подчиненныхъ — начиная со школьной скамьи; сколько между ними друзей не на словахъ, а доказавшихъ мнѣ на дѣлѣ: во время болѣзней, семейнаго горя, при потерѣ близкихъ мнѣ лицъ, при затрудненіяхъ въ денежныхъ обстоятельствахъ; однимъ словомъ, я, не будучи женатымъ и семьяниномъ, никогда не чувствовалъ своего одиночества. Вблизи всегда находились такіе люди, къ которымъ могъ смѣло обратиться за совѣтомъ; конечно, я горжусь этимъ и цѣню благодарнымъ сердцемъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ принести мою искреннюю признательность моимъ друзьямъ и просить прощенія у лицъ, невольно мною огорченныхъ; при этомъ заявляю гласно, что ни къ кому не питалъ и не питаю злобы.

Н. А. Боровковъ.